

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 3 2018

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 3 2018

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief

Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy

Marianna A. Balasanian, Georgia, Doctor of Philology

Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science

Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences

Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History

Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

"East West" Association for Advanced Studies

and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL The journal has Index Copernicus Value (ICV) 64.80 for 2016.

GIF GLOBAL IMPACT FACTOR The journal has the GIF impact factor .211 for 2017.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Art

*Yakaniuk Natallia Pavlovna,
Grand PhD., of Art history, professor,
Belorussian State University of Culture and Art,
E-mail: 49nata@mail.ru*

INTERNATIONAL MUSIC COMPETITION AS A FORM OF ARTISTIC AND SOCIAL COMMUNICATION (BY THE MATERIAL OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Abstract: The article considers international music competitions as a popular form of cultural exchange, which is not only important artistic but also social significance. The example of the Republic of Belarus shows that International music competitions not only enrich the national and world music culture and expand the opportunities of professional contacts. They contribute to the strengthening of cultural ties, form a positive image of the host country and raise its authority.

Keywords: music competitions, intercultural exchange, artistic and social communication.

*Яконюк Наталья Павловна,
доктор, искусствоведения, профессор,
Белорусский государственный университет
культуры и искусств,
E-mail: 49nata@mail.ru*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ КОНКУРСЫ КАК ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Аннотация: В статье международные музыкальные конкурсы рассматриваются как востребованная в наши дни форма культурного обмена, которая имеет не только важное художественное но и общественное значение. На примере Республики Беларусь показано, что Международные музыкальные конкурсы не только обогащают национальную и мировую музыкальную культуру и расширяют возможности профессиональных контактов. Они способствуют укреплению культурных связей, формируют положительный имидж принимающей страны и поднимают ее авторитет.

Ключевые слова: музыкальные конкурсы, межкультурный обмен, художественная и социальная коммуникация.

В последние два десятилетия международные музыкальные конкурсы стали одной из востребованных форм современной музыкальной культуры. Ежегодно повсеместно увеличивается количество проводимых в мире и каждой отдельной стране разнообразных по содержанию конкурсов. Неоднозначное мнение профессионалов о необходимости участия в них, наконец, значительные материальные затраты, которых требует организация конкурсов – все это обуславливает усиление внимания к ним со стороны общества и государства. Как справедливо отмечает молодая китайская исследовательница Ду Лян: «... особое значение, приобретённое на рубеже XX – XXI веков соревнованиями различного рода, детерминировано тотальной переориентацией современного общества на достижение наивысших результатов, стремлением к успеху и соответственно внедрением конкуренции и духа соперничества во все сферы современной жизни» [1, с. 4–5].

Являясь ярким и самобытным явлением, которое представляет собой уникальную форму отбора лучших в своей области музыкантов, артистического обмена и демонстрации высших достижений национальной культуры, конкурсы, в то же время выходят за рамки собственно музыкального мероприятия и приобретают значение особой формы культурной коммуникации. Они создают основу для достижения более высокого уровня уважения и доверия между народами, способствуют взаимному познанию и пониманию, способствуют повышению государственного престижа.

Характерные для конкурса принципы общения проникают в самые различные области культурного творчества, вследствие чего можно говорить о том, что данная форма выступает способом социально-практического и художественно-символического обмена новыми профессиональными знаниями и идеями, средством интеграции и накопления мировоззренческого и творческого опыта людей.

Играя существенную роль и в международном культурном обмене, состязания в области музыкального искусства расширяют возможности для контактов на государственном и негосударственном уровне, способствуют формированию позитивного имиджа страны, обогащают национальную и мировую художественную культуру. Именно поэтому международные музыкальные конкурсы проводятся практически в каждой крупной стране. Принять у себя международный музыкальный конкурс считается делом престижным. Это способствует развитию туристских, культурных связей, поднимает авторитет страны, положительно влияет на ее имидж.

В конце XX – начале XXI вв. традиция проведения международных музыкальных конкурсов в Республике Беларусь приобрела регулярный и повсеместный характер. Столь динамичное развитие и распространение музыкальных конкурсов повлияло не только на само музыкальное исполнительство, но и на художественную и духовную культуры страны в целом. В Республике Беларусь международные музыкальные конкурсы проводятся регулярно и с каждым годом их рейтинг в международном масштабе возрастает.

Среди наиболее значимых конкурсов такого рода отметим следующие:

- Международный конкурс пианистов (г. Минск), проходящий через четыре года;
- Международный конкурс исполнителей на струнных смычковых инструментах имени М. Ельского (г. Минск);
- Международный конкурс камерных ансамблей имени М. К. Огинского (г. Сморгонь, Гродненская область);
- Международный конкурс исполнителей на духовых и ударных инструментах (г. Минск);
- Международный конкурс вокалистов имени Л. П. Александровской (г. Минск);
- Минский международный Рождественский конкурс вокалистов (Минск).

География участников белорусских международных музыкальных конкурсов неуклонно расширяется, что свидетельствует о признании этих мероприятий мировым профессиональным музыкальным сообществом и о постепенном повышении их статуса. Так, в разные годы участниками Международного конкурса камерных ансамблей им. М. Огинского становились музыканты и ансамбли из разных городов Беларуси, Молдовы, Украины, Польши, России, Казахстана, Польши, Италии. Международный конкурс исполнителей на струнных смычковых инструментах М. Ельско-го привлек внимание музыкантов России, Украины, Бельгии, Польши, Нидерландов. Среди пятидесяти участников Международного конкурса пианистов (2014, Минск) наряду с 22 белорусскими и 18 российскими пианистами были музыканты Азербайджана (1), Бельгии (1), Китая (1), Латвии (1), Марокко (1), Молдовы (1), Украины (3), Франции (1). В IV Минском международном Рождественском конкурсе вокалистов (2017 г.) приняли участие исполнители Китая, Беларуси, Франции, Башкортостана, Казахстана, России, Украины, Эстонии, Грузии, Армении, Азербайджана.

Помимо международных конкурсов, проводимых в Республике Беларусь отечественные музыканты принимают участие в конкурсах, проходящих за пределами нашей страны. И в этом случае белорусские исполнители осваивают все новые и новые страны. Так, студенты Белорусской государственной академии музыки за последние пять лет принимали участие в конкурсах, которые проходили в России, Украине, Молдове, Казахстане, Литве, Армении, Польше, Италии, Германии, Франции, Финляндии, Сербии, США, Австралии, Сингапуре, Японии [2].

Участие в международном конкурсе ведёт к установлению творческих и деловых контактов между отдельными музыкантами, творческими коллективами, государственными и общественными организациями; знакомству с образцами национальной культуры и искусства различных стран; привлечению к сотрудничеству ведущих

специалистов культуры и виднейших деятелей искусств. Обратимся к примерам.

Белорусские музыканты в последние три десятилетия стали активными участниками всевозможных конкурсов, разумеется, не всегда одинаково сложных и престижных. Но ведь даже «малые» соревнования стимулируют исполнительскую деятельность, придают уверенности в своих силах. Значительные же победы нередко решают для участников проблему международного менеджмента в области исполнительского искусства. Так, в случае победы (1 место, Гран-При), победителя могут пригласить на оплачиваемые сольные концерты. Иногда члены жюри, являющиеся зачастую организаторами других конкурсов и фестивалей, приглашают на выгодных условиях музыкантов в свои проекты.

Примером такого продвижения можно назвать ансамбль «Лирица». Начав свой путь в небольшом городке (Речица) Гомельской области, ансамбль стал филармоническим коллективом и одним из самых известных и востребованных народно-инструментальных коллективов республики. Инструментальный ансамбль «Лирица» начинал свой творческий путь в сентябре 2000 г. и уже с ноября 2004 года этот высокопрофессиональный коллектив стал штатным коллективом государственного учреждения «Гомельская областная филармония». Однако получению звания филармонического коллектива предшествовала длительная концертная и конкурсная деятельность, прославившая этот ансамбль в нашей республике и за её пределами. Коллектив уверенно завоевывал призовые места на конкурсах в Беларуси (2000, 2003), России (2001, 2003), Польше (2001, 2003, 2004), Германии (2003) [3, с. 244].

Участие белорусских музыкантов в международных конкурсах послужило толчком для создания и развития деятельности Ассоциаций пианистов, скрипачей, цимбалистов, баянистов и аккордеонистов Беларуси. Известные специалисты мирового уровня, работавшие в жюри неко-

торых международных конкурсов вместе с белорусскими музыкантами-педагогами, впоследствии приезжали в Беларусь для участия в научных конференциях, конкурсах и проведения мастер-классов. Заметим, что факт участия педагогов Беларуси (Н. Севрюкова, Е. Дуловой, Л. Юшкевича, Ю. Гильдюка, Л. Колос, Б. Спектора и др.) в жюри международных конкурсов имеет большое значение для развития профессиональных контактов. Коллеги, которые съехались с разных континентов, не просто знакомятся друг с другом и искусством разных стран, но обмениваются творческим опытом, методиками, репертуаром. Это способствует сближению национальных культур, объединению их деятелей для решения высоких художественных целей. Тем самым конкурсы оказывают влияние на становление и развития национальных исполнительских и композиторских школ, что особенно важно для стран Латинской Америки, Африки, Азии.

Международные музыкальные конкурсы способствуют знакомству с композиторским творчеством разных народов и, как следствие, расширению и обогащению исполнительского репертуара. Так, на многих конкурсах в качестве обязательных для исполнения произведений, рекомендуется список сочинений национальных авторов. К примеру, для 3-го Международного конкурса исполнителей на струнных смычковых инструментах имени М. Ельского были предложены сочинения известного белорусского композитора XIX в. М. Ельского (Концертная мазурка, Пляска смерти, Танец духов), а также современных авторов, таких, как Г. Горелова (Al sereno, Регби, Рэгтайм, Два панно Матисса), В. Каретников (Поэма, Каприччио), В. Дорохин (Элегия) и др.

Конкурсы обогащают творческий опыт не только участников, но и приехавших с ними педагогов, которые осмысливают практику своих коллег и используют лучшие достижения в своей последующей работе. Особенно важно, если при этом в рамках конкурсов проводятся круглые столы по обмену опытом, конференции, мастер-классы, методические совещания.

Подытоживая, следует обратить особое внимание на общественное значение международных конкурсов. Конкурсы значительно повышают имидж страны, в которой они проходят, или музыкант из которой стал победителем крупнейшего международного состязания. Становясь событием культурной жизни, конкурсы привлекают внимание государства и широкой общественности к развитию национального музыкального искусства. Но что особенно важно, как подчеркивал известный искусствовед В. Ванслов, на таких международных форумах «... происходит развитие международных связей среди молодежи, а тем самым цементируется мир и взаимодействие народов в будущем. По самой своей сути конкурсы направлены, устремлены к будущему» [4, с. 308].

Таким образом, можно утверждать, что значение музыкальных конкурсов заключается не только в том, что победа в них приносит музыкантам профессиональное признание. Не менее важным является широкое художественное и общественное значение музыкальных соревнований, которые способствуют профессиональной коммуникации, сближая музыкантов разных стран, содействуют активному развитию мировой культуры и упрочению международных связей.

Список литературы:

1. Лян Ду. Художественные конкурсы как универсальная форма функционирования искусства в социуме (на материале Китая). – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. – Беларусь, – 2016. – 200 с.
2. Лауреаты Международных конкурсов Белорусской государственной академии музыки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.bgam.edu.by/news/competitions/> – Дата доступа: 02.04. 2018.

3. Толкач И. Ф. Конкурсы и фестивали в деятельности ансамблей народных инструментов Гомельской области // «Культура: открытый формат – 2013. Сб. науч. ст. – Минск: БГУКИ, – 2013. – С. 242–246.
4. Ванслов В. В. Роль балетных конкурсов в развитии мировой хореографии // О музыке и о балете.-

Section 2. History

*Hnot Solomija,
Lviv State University
of Physical Culture, Ukraine
E-mail: SolomijaG@ukr.net*

LVIV AT THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY IN THE MIRROR OF HISTORY

Abstract: Social and political, administrative and cultural life of Lviv as a part of Austrian-Hungarian Empire at the beginning of the XXth century has been analysed. Attention is concentrated of the structure of population and its employment.

Keywords: Austria-Hungarian Empire, Lviv, ethnic composition of population.

In many aspects history of Lviv remains interesting and requires constant refinement, despite the great interest on the part of researchers. Social structure of the population is an important indicator of economic development, and its analysis helps understand political, social, and cultural processes that took place within the Habsburg Empire at the beginning of the XXth century.

A critical approach to the historiography of the problem and attraction of new sources helps highlight the national and ethnic composition of the Lviv population as a holistic historical and social organism, highlight its branch structure, and find out factors that influenced these changes. The population of Lviv at the beginning of the Xth century was investigated by S. Makarchuk [1; 2], L. Mazepa [3], M. Dolynska [4]. The multifaceted history of the city is covered in the works of Y. Isayevych, M. Lytvyn, F. Steblyi [5], F. Pappe [6], O. Shyshka [7] and others. Historiography of the issue is multidirectional and multifaceted.

To solve research tasks, the main focus is on the analysis of the size and structure of the Lviv population in 1900–1914, which allows us to compare it with

the current state of affairs, to make relevant conclusions, and to find out the reasons for such changes. The chronological framework is limited to the beginning of the First World War, since military events led to changes in economic and socio-political life.

The object of the study is the population of Lviv at the beginning of the XXth century.

Cultural, demographic, social, and political manifestations of the activities of the Lviv population became the subject of the study.

Common scientific methods, in particular, systemic and structural-functional ones, were used in the article. Genetic and comparative methods were actively used for the analysis and interpretation of source materials.

On the cusp of centuries, Lviv had the status of the capital of the largest land of the Galician territory that was subordinated to the Austrian crown. The status of a capital affected the size and ethnic composition of the population, its employment, cultural and political activity.

The censuses indicate that in Lviv, as nowhere else in Galicia, there was a significant difference in the number of people taking into account religious

and linguistic grounds, since Roman Catholics identified themselves as the Polish-speaking population, whereas Greek-Catholic identified themselves as the Ukrainian-speaking population. There is absolutely no information about Jewish languages (Yiddish or Hebrew), because in everyday communication the population which belonged to non-native nationalities identified themselves mainly as the Polish-speaking population of the city. Such a situation was caused by the socio-economic and political atmosphere in the city. At the beginning of the XXth century, 120,634 people considered themselves to be Polish-speaking (75.45%), only 15,159 people considered themselves to be Ukrainian-speaking (9.48%), and 20,409 people (12.77%) were German-speaking. In Lviv, during the period of Austrian domination, all the power belonged to a powerful Polish community with a dominant language; German-speaking community was the second in terms of the number of people. Documents were kept in the Polish and German languages. In view of political motives, many representatives of Jewish faith identified themselves as the Polish-speaking population. Because of the same circumstances, part of the Ukrainians was forced to identify themselves as Poles.

Politically, the Polish population had a majority in the central bodies of the territory – in the Austrian Parliament, in the House of Lords in Vienna, in the Galician Sejm. At the local level they were present in all subdivisions of local authorities: in the justice bodies, in the police, in the city magistracy, in various cultural institutions, schools.

In the cultural sphere, the Poles managed to create an atmosphere of Polish Lviv. A whole generation of professors and people representing many branches of art grew up here. At the beginning of the XXth century, representatives of the cultural community of the territory grouped at the National Ossoliński Institute, in the Museum of King John Sobieski III, in the Dzieuszycki Museum. A variety of Polish associations, the total number of which reached hundreds, operated in the city; Polish periodicals were published.

On the eve of the First World War, there were 7 Polish gymnasiums, 2 Ukrainian gymnasiums, 2 craft schools, 4 seminaries in which teachers were trained, and 18 private schools in Lviv. There was a number of women's schools. The University, the Polytechnic, Agricultural Academy, Higher School of Forestry, Veterinary Academy, Commercial Academy were the best educational institutions in the field of higher education [7, p. 11–12].

The beginning of the XXth century in the Austro-Hungarian Empire was characterized by a significant revitalization in the development of the economy. At that time, Galicia was an agrarian region and its achievements were noticeable in the field of agriculture. However, positive trends led to an increase in the number of Lviv population which was mostly engaged in industrial production. During the first decade, the city's population grew by 46 thousand residents, or by 1/3; and by the beginning of the First World War, it reached 212 thousand people (without the 10-thousand military garrison) and exceeded the level of 1900 by 2/5. In order to be considered a full-fledged resident of the city when moving from other countries or regions, a person had to write a statement to the magistrate of the capital city of Lviv, which belonged to the Galician governance. People who wished to join the city community filed applications to the police directorate and provided certificates confirming personal relations, property status, various other certificates (certificate confirming morality, documents showing types of payable taxes, types of earnings, whether they were not prosecuted since the time of stay in the Galician territory), as well as birth certificates. The police considered an appeal to the magistrate, together with the detailed descriptions, including the appearance of a person. City guards paid particular attention to the level of command of Polish or German which candidates for the right to belong to the Lviv community had. In the event that the case was resolved positively, residents were given certificates confirming grant-

ing of Austrian citizenship and the right to belong to the gmina of the capital city [12].

On the elections to the city council the property status of a resident of Lviv was taken into account. The following categories were entitled to vote: citizens of the city and honorary citizens of the city; persons who have had registered private property for at least a year and who paid a land or house tax; citizens employed in the field of record keeping, who were paying income taxes (not less than 16 kronas a year); other categories of citizens who were paying at least 24 kronas of fixed annual tax; higher clergy, parsons, administrators of parishes, catechists, abbots, representatives of other faiths; honored pensioners, that is, former civil servants. Members of the city council could also be elected by lawyers, doctors of all faculties of universities, masters of surgery and pharmacy, chief editors of political and scientific periodicals, professors and teachers of all schools existing at the expense of the Austrian state, civil engineers, retired military officers. This list also included corporations, institutions, and foundations main branches of which were located in Lviv and which were paying the community a fixed annual tax that was equal to not less than 500 kronas; industrial organizations and unions main branches of which were located in Lviv which were paying at least 100 kronas of annual tax.

The following categories of people were not entitled to vote: military officers and other persons involved in military service; maintenance personnel who lived on their daily earnings; persons who received assistance from charitable foundations, as well as ordinary workers [8]. Thus, only noble and well-off strata of the population who were paying taxes and were law-abiding Austrian citizens could elect members of the city council and be elected as one of them.

Hired workers and the urban poor did not take part in the elections. Their poor lifestyle and working days which lasted 12–14 hours led to the mass spread of various infectious diseases. Polish periodicals reported that mortality from tuberculosis in Lviv was constantly increasing, especially in the late XIXth –

early XX-th centuries. According to the statistics, in 1895, this insidious illness was the cause of death of 935 people, that is, 22.4% of the total number of deaths, and in 1904, it was the cause of death of up to 1.093 people, that is, 23.3% of the total number of deaths [9]. Such a situation led to the fact those workers and the poor, who had no opportunity to work and pay their way, took part in strikes on the city streets. Every rebellion ended with a complete or partial victory of strikers. During 1900–1913, salaries in Lviv increased by almost 20%, while the real value of money decreased much more significantly. Prices for food increased by 1.5 times, and the price for potatoes increased by almost 2 times. The rent – which increased by 2.5–3 times during 1900–1913 – also increased. The City Statistical Bureau stated that the increase in salary was not even close to the increase in expenditures on an apartment [10]. More than 40% of the entire 100-thousand working population of the city were engaged in areas other than industry, trade, and transport.

In 1910, there were 4.553 industrial and artisan enterprises and 4.574 trade enterprises in the capital of the Galician territory. Until the beginning of the First World War, factories that belonged to the Paper Products Society (500 persons), the agricultural machines factory (250 people), the Joint Stock Company of Breweries (236 people), the Electro-technical Society (200 people), the cannery factory (200 people), distilleries (210 people), the oil refinery (100 people), the Territorial Factory of Ceramic Tile Stoves (80 people), Avto-Avio car and airplane factory (30 people), mirror factory (15 people) were among the largest by the number of personnel. These enterprises were receiving Austrian, Jewish, and German investments [7, p. 29].

In 1912–1913, there was an economic crisis in Austria-Hungary, which had a particularly negative effect on the Galician lands. There was a spread of mass unemployment here and a threat of famine. In January 1912, 10,700 workers were engaged in construction works, in October their number was 9.1

thousand, in January 1913–6 thousand, and in October 1913 – only 3.8 thousand. In 1913, there were more than 13 thousand unemployed in Lviv, which amounted to more than half of all city workers [9].

Despite the crisis periods in economic development, Lviv changed in terms of architecture. A galaxy of European masters, who successfully combined various styles and took into account functional purpose of buildings, were working here. In 1900, the Lviv Theatre of Opera and Ballet was built in the style of the Viennese Renaissance according to the project of architect Z. Gorgolewski. Buildings of the same style also include Hotel George, built according to the project of architects H. Holemer and F. Fellner in 1901. A grand building of the modern National Museum named after Metropolitan Andrey Sheptytsky was built near the theater in 1904. The construction was carried out by architect E. Zhykhovych, who used forms typical of Neo-Renaissance architecture. In 1905, architects I. Levynsky and T. Obmynsky built the house of the former “Dnister” insurance company on 20, Ruska St. This building combined modern forms with motifs of Ukrainian folk ornaments.

The history of Lviv monuments that date back to this epoch is no less interesting. A monument to the Polish politician, count, and the Galician governor A. Golukhovski (sculptor – Ts. Godebsky), which was one of the first monuments, was opened in 1901. It was erected in the central part of the city near the Galician Regional Sejm. On this occasion, Emperor Franz Josef sent a congratulatory telegram to the Lviv community. After the Second World War, the monument was dismantled, and later it disappeared without a trace. A monument to the Polish poet A. Mickiewicz (sculptor – A. Popel), construction of which had lasted for 5 years, was opened in 1904. Even though the poet had never been to Lviv, the creative Polish community eternalized his memory. Today, the Lviv monument to A. Mickiewicz is considered to be one of the most beautiful in the world. A monument to F. Smolka (sculptor – T. Blotnicki) –

Polish public figure, initiator of the construction of the Union of Lublin Mound on the summit of the High Castle – was opened in 1913. The monument was dismantled in 1946.

At the beginning of the new century, electric lighting of streets was introduced in the city. Well-arranged park areas became the city's adornment. In 1905, “Zalizna Voda” Park was created.

On the cusp of centuries, majestic buildings and architectural monuments, exquisite forms of which attracted not only tourists, but also residents of the city, were built in Lviv. Documents clearly indicate that there was a considerable interest in the tourism industry among the progressively-minded population. Proponents of the development of this industry in Lviv applied to the magistrate with a written request to allocate subventions for the publication of a city guide in the Polish, French and German languages. By that time, a Tourism Union had been created in Krakow in 1906, the Beskyd society had been created in Nowy Sącz (which is located in the territory of modern Poland), Eastern Carpathians tourist association had been created in Stanislav (which is now Ivano-Frankivsk), and a similar society for Bukovina had been created in Chernivtsi [13].

In the early 1900s, due to the increase in the city population, a problem of the provision of quality passenger services arose. In Lviv, as in all major cities of the Austro-Hungarian Empire, residents traveled from one street to another by a horse-drawn tram. In 1902, 2,774,731 people used this type of transport, its total mileage was equal to 654,742 kilometers. In the same year, the city magistrate made a decision to build a new electric line through all important directions in the city. 1,145,000 kronas were allocated to the management of the city electric railway for this purpose [14]. Lviv electric tram was gradually gaining popularity and connected new city streets with the city center.

To sum up, we would like to note that the rhythm and dynamics of urban life intensified at the beginning of the XXth century. The Poles were considered

to be the most numerous Lviv community, representatives of other nations were less numerous. Although Ukrainians had a majority in the territory, they represented a minority in Lviv. The Polish element was considered by Ukrainian as an alien one, a temporary one. The Poles regarded Lviv as the center of their own civilization, in which the legislative (the Galician Sejm) and the executive (Galician governance), branches of power were located. The presence and activities of a separate stratum of state officials and parliamentary ambassadors had an impact on the public image of the city, transforming it in accordance with the European standards.

Polyethnic character of the city in the XXth century was a characteristic feature that gave it a high cultural value and highlighted it on the map of Europe. At the same time, it was also a city of contrasts. Wealth and grandeur of Lviv architecture and cul-

tural achievements in educational projects and in other spheres verged on poverty of residents in some quarters.

Thus, at the beginning of the XXth century, Lviv turned into a European city with different nationalities, which formed its status in many spheres of activity. During this period, the capital of the Galician territory reached the highest point in its development. Austrian, Jewish, and German investments prevailed in the field of industrial production and engineering construction. The most beautiful city of the territory belonging to the crown did not lose its achievements until the collapse of the Austro-Hungarian Empire. At the beginning of the last century, not only was Lviv experiencing all-European cultural influences, but its city-forming processes were based on complex inter-ethnic relations, which also affected political competitions in the territory.

References:

1. Макарчук С. Етнічна історія України / С. Макарчук. – К., – 2008. – 471 с.
2. Макарчук С. Населення «столиці» у другій половині XIX – першій третині XX століть / С. Макарчук // Електронний путівник вулицями міста Львова. Режим доступу: URL: <http://map.lviv.ua/statti/makarchuk.html>
3. Мазепа Л. Поляки у Львові / Л. Мазепа // Статті про Львів. Режим доступу: URL: <http://map.lviv.ua/statti/mazepa.html>
4. Долинська М. Львів: простір і мешканці (історико-урбаністичний нарис) / М. Долинська. – Львів, – 2005. – 89 с.
5. Історія Львова: у 3 т. / редкол. Я. Ісаєвич, М. Литвин, Ф. Стеблій. – Львів, – 2007. – Т. 2. – 599 с.
6. Папее. – Lwow; Warszawa, – 1924. Режим доступу: URL: <http://www.lwow.com.pl/historia/papee3.html>
7. Шишка О. Наше місто – Львів: посібник з курсу «Львовознавство» / О. Шишка. – Львів, – 2005. – Ч. II. – 174 с.
8. Земля і Воля. – Львів. – 1911. – № 4. – 28 січня.
9. Glos robotniczy. – Lwow. – 1906. – № 7. – 17 lutego. – 5 p.
10. Glos robotniczy. – Lwow. – 1913. – 4 list., 23 lip.
11. Wiadomosci statystyczne o miescie Lwowie. – Lwow, – 1910. – Т. 12. – 177 p.
12. Державний архів Львівської області (далі – ДАЛО). – Ф. 3 (Магістрат королівського столичного міста Львова Галицького намісництва). – Оп. 1. – Спр. 3668; 3788; 4620.

*Kozyakova Nataliya Sergeevna,
associate professor, of the Department of Political
Science and Law, Moscow State University
regional university, Moscow
E-mail: nkozyakowa@yandex.ru*

NEO-FASCISM IN EUROPE IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF AUSTRIAN NEO-NAZI THEORIES OF ANSCHLUSS)

Abstract: The problem of neo-fascism is always relevant on the eve of the celebration of the next date of the great victory over the huge Nazi troops, which ruthlessly trampled civil and human rights around the world in the twentieth century. The article deals with the Genesis of neo-fascism in Austria, which suffered the most from fascism during the second world war. Particular attention is paid to the study of the mechanisms of formation and widespread Austrian neo-fascist social and political movements associated with the promotion of theories Anschluss.

Keywords: neo-fascism, Anschluss, Austrian friendly Union, Austrian nationalism.

*Козьякова Наталия Сергеевна,
доцент, кафедры Политологии и права,
Московский государственный
областной университет, г. Москва
E-mail: nkozyakowa@yandex.ru*

НЕОФАШИЗМ В ЕВРОПЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ АВСТРИЙСКИХ НЕОНАЦИСТСКИХ ТЕОРИЙ АНШЛЮСА)

Аннотация: Проблематика неофашизма всегда актуальна накануне празднования очередной даты Великой победы над огромными нацистскими войсками, которые в XX веке безжалостно попирали гражданские и человеческие права во всем мире. В статье рассматривается генезис неофашизма в Австрии, которая наиболее пострадала от фашизма во время Второй мировой войны. Особое внимание уделяется исследованию механизмов становления и широкого распространения австрийских неофашистских общественных и политических движений, связанных с продвижением теорий аншлюса.

Ключевые слова: неофашизм, аншлюс, Австрийский товарищеский союз, австрийский национализм.

Факты сегодняшнего дня свидетельствуют, что после второй мировой войны не были окончательно уничтожены корни фашизма. В противоречиях

капиталистической системы, неизбежно порождающих различного рода фашизоидные модели государственности, тиранические и диктаторские

режимы, и следует, в первую очередь, усматривать истоки современного фашизма – неофашизма. К тому же, неофашизм, как социальное явление, характеризуется не только спецификой внутриполитических и экономических условий отдельной страны. Ему присущи интернациональные черты, возникшие в процессе деятельности различных организаций, исповедующих фашистскую идеологию [1; 17]. Но, исследуя процесс возрождения фашизма в послевоенный период, видимо, необходимо разграничивать деятельность постфашистских (остатки старого фашизма) и собственного неофашистских групп и организаций. При этом разграничении необходимо иметь в виду, что в ряде стран Латинской Америки, Индии, Японии активизировались всякого рода экстремистские организации, определяемые западными исследователями «фашистскими», хотя при ближайшем рассмотрении у них не оказалось теоретической основы, идеологии, политической программы, которые характерны для фашизма как социально-политического движения. Отсюда возникает не менее важная проблема: проведение четкого разграничения между моделями послевоенного европейского неофашизма и течениями фашистского толка, появившимися на других континентах. Это позволит избежать механического уподобления «каноническому» фашизму Муссолини и Гитлера множества лишь внешне имеющих сходство с ним групп и группировок, исповедующих в основном идеологию террора. К тому же нельзя только по лозунгам, подчас заимствованным из прошлого, ставить нас равенства между европейской моделью неофашизма – историческим и логическим преемником фашизма – и течениями и организациями, как правило, идеологически разобщёнными, поднимающими на щит какой-то один или несколько лозунгов «канонического» фашизма, прикрывая ими свою террористическую деятельность [3; 78]. Такой дифференцированный подход тем более необходим, что в последние десятилетия подлинно неофашистские организации

стремятся привлекать в качестве исполнителей своих подрывных и антидемократических акций сторонников и членов разного рода ультралевых группировок, «троцкистов», «маоистов» и прочих. Этим преследуется двоякая цель: во-первых, замести следы преступлений современного фашизма, прикрываясь лозунгами левацких организаций, и, во-вторых, убедить общественность, что отныне не фашизм, а якобы коммунизм исповедует методы насилия, террора, подрыва демократии [2; 54]. Тактика не нова, но в современной политической обстановке она иногда приносит желаемые результаты.

Одно из главных целей австрийского неофашизма была реабилитация системы гитлеровского фашизма, которая была осуждена как преступная во всем мире. В значительной степени этой цели была починена и деятельность всех подразделений «национального» лагеря Австрии. Концепции австрийского неофашизма об аншлюсе 1938 года были также непосредственно связаны с реабилитацией гитлеризма. С позиций XXI века подобную деятельность австрийских «националов» необходимо оценивать как попытку их собственной реабилитации в связи с тем, что австрийский нацизм трансформировался в «национальный» лагерь, а в гитлеровской фашистской машине был важным механизмом и сыграл ведущую роль в осуществлении аншлюса.

Смысл этой деятельности также состоял и в формировании у молодежи ложного представления о «благодатном» времени, когда Австрия являлась частью «Великой Германии», а также поддержке и развитию стремления нового осуществления великогерманской идеи.

Теории австрийских «националов» сводились к поиску доказательств следующих основных положений:

- стремлении к миру А. Гитлера и его невинности в развязывании второй мировой войны;
- участники движения Сопротивления гитлеровскому фашизму являлись предателями

Родины, так как для Австрии война означала необходимость защиты своего отечества;

– невозможно говорить о массовых преступлениях против человечества, хотя во время войны были допущены «определенные злоупотребления»;

– воля подавляющего большинства «немецких австрийцев» была выражена в осуществлении аншлюса в 1938 году.

Австрийские «националы» довольно туманно выражали свои взгляды по отношению к гитлеровскому нацистскому режиму в целом, так как открытая и полная поддержка идеи А. Гитлера была связана с риском для их политической и государственной лояльности, а осуждение – потерей престижа в собственном лагере. В соответствии с тогдашними теориями, национал-социализм «представлял собой попытку совместить воедино друг с другом четыре основных элемента человеческого бытия: биологический (способ сохранения вида), экономический (способ обеспечения), политический (регулирование жизни общества) и религиозный (окончательное толкование смысла жизни)» [7; 5]. Подобная трактовка нацизма позволяла австрийским «националам» говорить о его «позитивных сторонах» [5, 109] и выглядела достойным образом. В этой связи австрийская газета «Montag» полагала: «Все компоненты национал-социализма должны быть сегодня еще предосудительным для нас. Однако этим мы лишь наказываем самих себя, ибо – это и не могло быть по-иному – национал-социализм прочно ставил на ноги само собой разумеющиеся естественные и жизненно важные вещи» [8, 3]. Следовательно, австрийские «националы» не выступали открыто в качестве защитников режима А. Гитлера в связи с тем, что компоненты национал-социализма на тот момент были еще предосудительными для них.

Но когда речь шла о гитлеровских военных преступлениях и об аншлюсе, они чувствовали себя намного свободнее. По данным вопросам было создано много новых «теорий», которые

излагались в СМИ и книгах, имеющих много томов.

В этом отношении интерес представляет работа Ф. Шейдла «История объявления Германии вне закона» [4, 62]. Рассматривая победу нацизма в Германии, Ф. Шейдль полагал: «Новый режим в Германии пришел к власти вовсе не благодаря его призывам к войне. Гораздо больше он апеллировал к стремлению немецкого народа к порядку, покою и миру. Его мирные лозунги собрали под его знамя не только членов партии. После достижения власти заявления нового имперского правительства исходили, прежде всего, из признания мира» [4, 89].

Своеобразно выглядело и оправдание Ф. Шейдлем войны, развязанной А. Гитлером: «Германия начала войну только против Польши и против большевиков; война против Польши должна была быть предпринята и любым другим немецким государственным руководителем, любым другим немецким правительством. Война против СССР соответствовала интересам всего цивилизованного мира, война против Польши была жизненно необходимой и неизбежной» [4, 91]. В данных словах в наиболее концентрированном виде выражалась сущность новых теорий австрийского фашизма за его ответственность в развязывании второй мировой войны. Но данные теории публиковались не только в СМИ, так как в Австрии существовала организация «Немецкое культурное творчество европейского духа», главная цель которой состояла в развитии этих теорий и их широкой пропаганде. Президентом данного общества был Герберт Беме, а его центр находился в Мюнхене. Г. Беме уже имел подобный руководящий опыт, так как в гитлеровской Германии он был президентом организации «Культурный круг СА». Энциклопедия К. Майера 1945 года характеризовала его как «страстного поборника идеалов Третьего рейха». Под его руководством в 1962 году состоялся съезд данного общества, где в качестве одной из главных задач было провозглашена необходимость «напряже-

ния сил активистов немецкого народа в Австрии» [9; 7].

«Активисты немецкого народа в Австрии» по-настоящему «напрягали силы». Это происходило в виде регулярных просмотров кинопродукции «Третьего рейха» в организации «Немецкое культурное творчество европейского духа». В рассылаемых приглашениях на данные просмотры обязательно указывалось, что эти фильмы рассказывают «о борющихся с радостью в бою и готовых пожертвовать собою солдатах и офицерах». Также проводило тематические вечера, на которых с докладами о невиновности А. Гитлера выступали приехавшие из ФРГ бывшие соратники «фюрера». В Австрии с подобными докладами выступили бывший бригаденфюрер СС В. Циммерман, бывший гауляйтер Ф. Флориан, нацистский бургомистр г. Дюссельдорф К. Гайдн и другие. В обществе были и широкие финансовые затраты и оно обладало серьезной материальной базой. Долгое время материальные источники были неизвестны, но в 1964 году выяснилось, что денежные суммы поступали на счет «Общества» благодаря пожертвованиям сводного брата Й. Риббентропа Вольфганга фон Вельскерга, который одновременно являлся президентом террористического «Комитета за свободу Южного Тироля», от бывшего министра г. Бонн Т. Оберлендера, президента гитлеровского имперского банка Я. Шахта и других бывших гитлеровских фабрикантов, банкиров и генералов [10; 3].

Неудивительно, что АПС открыто не афишировал связи с данным сомнительным «Обществом», но связь, безусловно, существовала. Для выражения протеста против запрета очередного «лектора» из Мюнхена выступать в Австрии с докладом о невиновности А. Гитлера в разжигании второй мировой войны председатель АПС Ф. Петер потребовал аудиенции у бывшего министра внутренних дел Ф. Олы [10; 4].

Известен факт, что без переплетения с милитаризмом в «чистом виде» фашизма не существует.

Как следствие, закономерным итогом процесса возрождения в Австрии фашизма стало возникновение «Австрийского товарищеского союза» (АТС). Он возник в 1949 году в качестве «Благотворительного союза», который в качестве своей основной цели провозгласил поддержку старой дружбы фронтовых солдат и защиту материальных интересов жертв войны. В 1952 году она была преобразована в «Австрийский товарищеский союз» и в первоизданном виде возродила многие воинские формирования бывшей гитлеровской армии, а в своих рядах объединила бывших военнослужащих гитлеровского вермахта. Сегодня при оценке деятельности АТС необходимо учитывать, что его руководители говорили о ней только как об объединении ветеранов, которые существуют во всем мире и категорически отрицали неофашистский характер организации.

Но, как известно, «Австрийский товарищеский союз» был не маленькой нелегальной или полуполитической сектой, а большим легальным объединением, которое объединяло свыше четверти миллиона человек. Он «специализировался» на создании новых теорий о военном аспекте деятельности гитлеровского фашизма и относился к среднему слою австрийского «национального» лагеря. Газета «Neues Oesterreich» сообщала, что все встречи и праздники, которые устраивал АТС, «преследуют цель реабилитации гитлеровского вермахта и создание новых легенд от ответственности за войну. Они хотят сделать из военных преступников невинных мучеников, прославляют СС как лучшую армию Европы и извращают историю в том смысле, что Гитлеру не оставалось ничего другого, как начать войну» [13; 5]. Авторы работы «Предостерегаем Австрию!» с тревогой спрашивали: «Как долго могут они еще «товарищеские союзы» могут говорить от имени бывших солдат? Как долго могут они еще распространять нацистскую пропаганду? Или наша демократия ослепла?» [11; 19].

Но официальные институты австрийской демократии, действительно, не замечали или делали

вид, что не замечают, многих подобных тревожных фактов. Солдатские праздники и встречи, которые проводились в Австрии, часто организовывались в Западной Германии. На данных встречах в качестве почетных гостей присутствовали бывшие гитлеровские генералы, которые устраивали в Австрии как бы своеобразные просмотры своих бывших воинских подразделений. На них озвучивались приветствия отдельных гитлеровских офицеров и генералов, которые в свое время командовали различными воинскими формированиями вермахта, а также руководства западногерманских солдатских союзов.

Ежегодно публиковался «Немецкий солдатский календарь», куда без любых оговорок АТС был включен в список западногерманских солдатских союзов. Также указывались и их филиалы, которые находились в Австрии при указании в списке других западногерманских союзов.

Но на австрийской земле АТС чувствовал себя достаточно уверенно, так как со стороны своей «национальной» элиты – Австрийской партии свободы был обеспечен надежной поддержкой. Во всех организациях «Товарищеского союза» члены АПС занимали руководящие посты, координировали и направляли его деятельность. АПС также сама непосредственно считала необходимым публично высказываться и оценивать те вопросы, которые относились к «компетенции» АТС. Их смысл был полностью идентичным с «теориями» «Товарищеского союза».

Функционер этой партии Ганс Радер в Каринтийском ежегоднике АПС, писал: «С 1945 года инфекционная порча всего немецкого народа происходила в такой прогрессирующей мере, что породила законные сомнения: найдет ли немецкое тело еще раз нужное количество сил, чтобы преодолеть этот яд разложения. И это – результат сознательных действий так называемых «победителей». Они пришли совсем не для того, чтобы освободить народ от руководства, которое казалось им (и миру) порочным, а лишь для того, что-

бы уничтожить немецкий народ вне зависимости от его правительства и системы» [12; 33].

По мнению «национальной» печати Гитлер не стремился и к экспансии чужих территорий и государств. Уже упоминавшийся нами Ф. Шейдль в этой связи писал: «Его намерением было достичь Востока, чтобы создать жизненное пространство для немецкого народа. Однако Гитлер ни в коей мере, и в первую очередь в Европе, не имел каких-либо завоевательных устремлений» [4; 147].

У печати борцов Сопротивления были также аналогичные оценки. По мнению газеты «Die neue Front», которая являлась центральным СМИ АПС: «Если бы бывшие узники концлагерей могли поступать в соответствии со своими желаниями, они покрыли бы всю Австрию памятниками об этих узниках и заполнили бы нашу страну надписями, прославляющими их.

Этих господ устраивает, если наша молодежь будет отравлена их нездоровым духом и вдолбленными ей представлениями, которые ни в коей степени не дают объективной картины подлинных исторических событий. Нужно положить конец тому, чтобы в Австрии до сих пор писались и распространялись такие книги. Необходимо, наконец, спросить, как долго еще нездоровый дух концентрационных лагерей будет испытывать терпение порядочных австрийцев» [14; 9].

Движение Сопротивления Ф. Шейдль характеризовал следующим образом: «Якобы организованное против Гитлера движение сопротивления является в моих глазах не более, чем исторической ложью, так называемое «движение сопротивления» организовалось лишь в дни вступления союзных войск, в первую очередь русских. Только когда из всех дыр и углов вдруг высунулись так называемые «герои движения сопротивления». ... Так называемые «герои сопротивления», вдруг овладевшие положением и превратившиеся в весьма громких крикунов, были в своем подавляющем большинстве совершенно обычными конъюнктур-

щиками, извлекающими выгоду из катастрофы. Они были гиенами катастрофы» [4; 139]. По его мнению, также более 80% узников концлагерей были просто уголовными преступниками [4; 142].

В третьем томе своей «работы» Шейдль снова рассматривает данную тему. По его мнению, «концентрационные лагеря были благодатными учреждениями», так как было совершенно необходимо изолировать «врагов социального порядка, создающих угрозу общественной безопасности и всему обществу» [4; 35–36]. Пополняя собственную аргументацию в защиту концлагерей, Ф. Шейдль еще раз возвращается к этой теме, но оперировал уже только практической аргументацией: «Цель состояла не в уничтожении, а в обеспечении рабочей силой. Не уничтожение заключенных было целью и намерением немецкого правительства, а лишь использование бесплатной рабочей силы» [4; 274].

Ф. Шейдль не обходил внимание также и «европейскую идею». В этом отношении он спокойно проводил параллели между «старыми» и «новыми» планами. Цель этих планов была следующей: «обеспечить порядок и мир, безопасность и благосостояние этого континента». Ф. Шейдль также полагал, что если бы не военное поражение в 1945 году, то эта цель была бы уже достигнута. Он писал: «Если бы Германия выиграла войну на Востоке (только на Востоке – Н.К.), сегодняшний мир, несомненно, выглядел бы по-иному и гораздо лучше. Германия выиграла бы для Запада Россию. Тем самым свободен был бы не только Восток вплоть до Китайского моря: по всей Европе господствовал бы сегодня мир, порядок, безопасность, не существовало бы больше мировой угрозы коммунизма, опасности атомных и водородных бомб и угрозы войны» [4; 149].

И предполагаемая Ф. Шейдемом картина аншлюса 1938 года выглядела следующим образом: «Минимум 90% населения Австрии желали тогда аншлюса. Вступившие немецкие войска были осыпаны цветами. Из самых дальних альпийских

местечек страны пришли крестьяне, чтобы приветствовать их. По всей стране царили радость и воодушевление... Утверждение, что в 1938 году Гитлер напал на Австрию и присоединил ее к Германии против ее воли – историческая ложь. Аншлюс Австрии к Германии соответствовал желанию и воле минимум 90% австрийского населения, практически воле и желанию всего населения Австрии» [4, 119, 131].

Стремление австрийцев к возрождению своего независимого и самостоятельного государства и послевоенная политика Австрии, по мнению Ф. Шейдля, выглядела следующим образом: «В 1945 году официальной политикой была принята такая точка зрения: Австрия в 1938 году подверглась насильственному нападению Гитлера и против ее воли была оккупирована: Австрия стала первой страной, «подвергшейся нападению» со стороны Гитлера.

Такая точка зрения была необходимой и практически оправданной перед заключением Государственного договора в качестве основной предпосылки, обусловившей возможность этого договора. Это фиктивное утверждение оградило Австрию от многих трудностей и бед, однако, оно не соответствует исторической действительности» [4, 119].

Но если провести анализ «исторической действительности», о которой упоминал Ф. Шейдль, то необходимо будет вспомнить несколько цифр, которые характеризовали реальную ситуацию результата гитлеровского господства в Австрии. В бомбардировках и гитлеровских застенках, а также концлагерях было уничтожено 157 тысяч австрийцев, а на фронтах второй мировой войны погибло 280 тысяч. В находившихся на территории Австрии концлагерях было уничтожено несколько миллионов граждан многих государств Европы. Но этих данных нет в работе Ф. Шейдля, несмотря на то, что именно они открывают историческую реальность той Австрии, которая была тогда «восточной маркой «Великого тысячелетнего Рейха».

Можно сделать вывод, что в отличие от фашизма Гитлера и Муссолини, который пытался опереться на крупные партии мелкой буржуазии, [6; 52] в XX веке неонацисты изменили свою стратегию, так как широкие массы почти нигде (за исключением Южной Италии) не пошли за ними.

Именно таким образом выглядели концепции австрийских «националов» в XX веке об одном

из самых главных периодов истории страны. Стремление заглушать военные преступления фашизма, оценивание борцов сопротивления как предателей родины, стремление к реабилитации гитлеровского фашизма, т.е. всевозможное извращение в угоду старому фашизму истории разоблачало «националов» как приверженцев и последователей фашизма и, следовательно, неонацизма.

Список литературы:

1. Вакулинчук Н. А. Неонацизм: преемственность, политическая система. – Киев, – 2002.
2. Дрожжин С. Н. Призрак неонацизма. Сделано в новой Европе. – М., – 2006.
3. Котов С. В. Неонацизм как политический феномен современности: философско-политические истоки и концептуальный генезис. Дисс. ... доктора полит. наук. – Ростов-на-Дону, – 2011.
4. Franz J. Scheidl. Geschichte der Verfemung Deutschland. Scheidl-Verlag, – Wien, – 1968. – B. 2. – 350 p.
5. Josef Hindels. "Hitler war kein Zufall". Wien, – 1962. – 220 p.
6. Kuban Thomas. Blut muss fließen Undercover unter Nazis. Frankfurt; New York: Campus, cop. – 2012.
7. "Volksstime", 1. Dezember – 1967.
8. "Montag", 18. Juni – 1960.
9. "Volksstime", 6. März – 1964.
10. "Volksstime", 24. Mai – 1964.
11. "Warnung an Oesterreich. Neonazismus: die Vergangenheit bedreht die Zukunft". Europa-Verlag, Wien, – 1966.
12. "Grenzenjahrbuch – 1961". Wien, – 1961. – 120 p.
13. "Neues Oesterreich", 25. August – 1957.
14. "Die neue Front", 19. April – 1958.
15. "Die neue Front", 19. April – 1958.

*Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate, of historical sciences,
associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

CHARACTERISTICS OF THE CLASSIC SOCIALIST SYSTEM (IT IS ABOUT EARLY CLASS SOCIETIES)

Abstracts: This is a part of the historico-sociological investigation on the socialist characteristics of Russia in the last hundred years, etacratic and generally non-European, considered in the context of what, in fact, is a socialist social system. The paper specifies the relations of the ancient Oriental type, regarded as the classical socialist ties.

Keywords: the Asiatic mode of production, redistribution, all-class private ownership, socialism, totalitarianism, class approach, name of Jupiter.

*Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

ХАРАКТЕРИСТИКИ КЛАССИЧЕСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ (РЕЧЬ О РАННЕКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ)

Аннотация: Это часть историко-социологического разыскания о социалистических характеристиках России последних ста лет, этакратических и в общем неевропейских, рассматриваемых в контексте того, что, собственно, представляет собой социалистический общественный строй. В работе специфицируются отношения древневосточного типа, расцениваемые как классические социалистические связи.

Ключевые слова: азиатский способ производства, редистрибуция, общеклассовая частная собственность, социализм, тоталитаризм, классовый подход, имя Юпитера.

Эта работа – часть разыскания о социалистических характеристиках России последних ста лет, этакратических и в общем неевропейских, рассматриваемых в контексте того, что представляет собой социалистический общественный порядок.

К четвёртой четверти IV тысячелетия до н.э. в ойкумене складывается общественный строй – долгое время распространявшийся, правда, на очень небольшие территории, – который на протяжении более двух с половиной тысяч лет оставался в ней авангардным. В отечественной традиции он обозначается по-разному: как

«азиатский», «государственно-общинный», «древневосточный», «коммунистический», «политарный», «раннеклассовый», «социалистический» или «этакратический». В этой работе предпочтение отдаётся предпоследнему (большее) и последнему (меньшее) из приведённых определений. (Отметим также, что широкое и давнее использование в отечественной историографии таких терминов, как «древневосточный» и «античный», служит непрямым свидетельством правильности выделения соответствующих периодов всемирной истории и несводимости их друг

к другу.) Ю. И. Семёнов справедливо замечает, что «везде, где классовое общество возникает без воздействия со стороны уже существующих цивилизаций, оно с неизбежностью является политарным» [1, 68], и жёстко связано с наличием специализированной редистрибуции. Последняя может рассматриваться и давно рассматривается уже как его формообразующая основа [2, 14–16, 22–24, 39, 46]. В оценке Е. Н. Старикова, в классическом социалистическом обществе редистрибуция большей частью представляла собой «неэквивалентный вертикальный продуктообмен в виде принудительного изъятия и концентрации центральной властью прибавочного... продукта с целью его последующего натурального перераспределения». «При редистрибуции не может быть симметрии и горизонтальности отношений, то есть равенства [сторон]» [2, 13 и 25–26, 36].

Сложившийся прежде всего в Азии и Африке, далее – в Америке и Европе и наконец – в Океании, социализм становится инфериорным общественным строем к концу первой половины I тысячелетия до н.э.: с кристаллизацией на известных территориях Европы порядка, в отечественной традиции обозначаемого как «античный» или «рабовладельческий». (В трактовке перехода супериорных, в этой работе – классических, характеристик в инфериорные, или неклассические, я разделяю эстафетно-стадиальную интерпретацию, как и оба эти термина, принадлежащую Ю. И. Семёнову [3, V].) Отличие между Востоком и Западом, известное с того времени и до сих пор не потерявшее своего значения, возникло именно тогда [4, 26]. Первые общества социалистического толка сложились в низовьях Ефрата и Нила. К концу IV тысячелетия до н.э. в Египте получали уже урожаи сам-пятнадцать – сам-двадцать, то же самое имело место в это время и в Шумере [5, 37]. (Франция, например, вышла на такой уровень урожайности только в прошлом веке [2, 40–41].) Уже это, на мой взгляд, подтверждает правильность подхода к объяснению

их истории К. А. Виттфогеля, чьё исследование было первым развёрнутым и остаётся одним из лучших разысканий по вопросам этого круга [6]. Ограничения, касающиеся роли ирригационного земледелия («это... частный случай» [7, 622 и 2, 45–46]), сделанные позднее, не снимают те высокие оценки, которые имеет его работа.

Классические социалистические общества характеризовались своим разделённым на два основных класса – господ (управляющих, этакратию) и простолюдинов (работников, зависимых) – состоянием. Последние обычно рассматриваются как «не рабы, но и не свободные» [8, 51], «полусвободные» [9, 247; 14, 36–37], «подневольные» [4, 17–19, 24–25], «полностью зависимые» [7, 653 и 617] или «царские люди» [4, 24–26; 5, 50–51], как «поголовные (государственные) рабы» [6, 9], что находится в связи с античной ещё традицией [4, 25]. (По мнению, например, К. Маркса, ввиду того что «отдельный человек при этой форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам – собственность... того, в ком олицетворено единое начало общины» [10, 482 и 485].) Основные средства производства, и прежде всего земля, как и рабочий люд, принадлежали при этом общественному строю господам, но не как персональная или групповая, а как общеклассовая частная собственность; последняя же «во всех случаях принимает форму государственной» [11, 15]. По роду своих занятий эти люди были светскими, жреческими или военными должностными лицами, хорошо понимавшими свои классовые интересы и связанными между собой полувоенно-централизованным образом [6, 320, 365, 368; 12, 118]. Богатство, собственность в таких обществах опосредовались причастностью к правительственной власти и зависели от должности, от места, занимаемого в структуре государственного управления [13, 49]. Именно этакратия располагала всей полнотой прав принятия обя-

зательных для её государственных территорий решений. Изменить их извне при отсутствии законных средств противодействия государственной власти можно было лишь насильственными путями [6, 103]. Она была достаточно замкнутым классом, и включение в неё лиц неэтакратического происхождения не было возможным без соответствующего желания её элиты [6, 347, 363–365; 2, 85, 87; 9, 185]. И обратно, причисление тех или иных должностных лиц к числу работных людей рассматривалось как одна из форм наказания за совершённые ими преступления [5, 230, 267]. Те неэтакратические социальные страты, которые исторически обеспечили отказ от этого порядка и переход к авангардному по отношению к нему строю, произошедший на окраинах социалистического мира, оставались при нём фрагментированными и мало что значащими политически, а их экономические активы – полузащищёнными [6, 4, 8, 49, 73, 78, 85–86, 263–264, 292, 297, 366–367; 13, 52]. Классические социалистические общества цементировались по вертикали, и несущими конструкциями их были их этакратические структуры. То горизонтальное армирование, которое, в свою очередь, прослаивает вертикальные государственные связи и которое обеспечивают структуры гражданских обществ, присуще им не было [2, 24–26, 31–32, 36].

Формой правления при классическом социалистическом порядке обыкновенно была теократическая деспотия. < Учитывая фонетико-семантические характеристики др.-греческ. διασπαθᾶω «растрчивать», Ζεὺς πατήρ «[бог] Зевс-отец», Θεός Πατήρ «Бог Отец», латинск. Deus Pater «Бог Отец», Diēspiter «[бог] Юпитер», dispēnso «раздавать, распределять, планировать, распоряжаться, управлять», dispertio «раздавать, распределять, планировать», dispōno «распределять, планировать», санскр. Dyauspitṛ «[бог] Дьяуш-отец» द्यौष्पति, можно полагать, что исходным значением имени верховного римского божества Юпитера – как и др.-греческ. δεσπότης «господин,

неограниченный правитель» – было «тот, кто распределяет». > Цари, являясь верховными распорядителями общеклассовой государственной собственности и жизнью своих подданных, едва ли не или прямо обожествлялись и рассматривались как святые посредники между людьми и богами [14, 127–128]. < «Ветхозаветные пророки... считали себя рупорами [бога] Йахве, глашатаями его слова и воли» [14, 98], тогда как обеспечение передачи и исполнения царских повелений было центральной обязанностью этакратии [15, 9.1, 9.3]. Это может означать, что представления о Йахве сложились как отражение сущностных характеристик ближневосточной царской власти своего времени. > Соединяя в своём лице светскую и духовную власть, что имело место чаще всего, этархи классических социалистических стран прежде всего были, однако, их государями, и лишь потом – верховными жрецами или потомками богов своих стран, которыми они считались [6, 88, 90, 92, 96, 99; 9, 248]. Их действия ничем не ограничивались и не подлежали обсуждению (исключение представляла собой, очевидно, лишь первая треть истории супериорных социалистических обществ), а воля являлась законом. < Сравните с русскими «Государь только Богу ответ держит» и «Воля царская не судима». > Они могли возвысить и погубить любого, если того желали. Цари были и едва ли не единственными героями в искусстве и историографии своих стран [4, 26, 44; 5, 19, 433], совершенными в их рукотворных изображениях [14, 137].

Классическому социалистическому строю была присуща нерыночная – перераспределительная – форма экономики. В промышленности правительство управляло большей частью более-менее крупных предприятий [6, 45–46]. В остальном же и в основном она была представлена малыми нецарскими ремесленными производствами [6, 111, 244]. В обмене ведущую роль играла полугосударственная международная торговля. Внутренняя торговля была небольшой и носила

преимущественно бартерный характер [9, 243, 247; 5, 46]. Она жёстко контролировалась государством. Деньги значительной роли в торговле не играли [9, 247]. Товарно-денежные отношения допускались лишь в пределах, не противоречивших интересам этакратии. Обычным было их государственное регулирование: посредством установления твёрдых цен, наёмных и арендных плат, размеров штрафов, процентных ставок и т.д. [13, 51]. Согласно К. Поланьи, «обмен по фиксированным ценам встречается и при реципрокативных и редистрибутивных формах интеграции; обмен по договорным ценам... существует лишь в рамках рынков со свободным ценообразованием». «Там, где цены “установлены”, “фиксированы” или как-нибудь ещё “назначены”, они созданы не рынком, а административным актом» [Цит. по: 2, 52]. Во многих классических социалистических странах этакратия, «препятствуя переходу большей части пригодных для обработки земель в [необщеклассовую] частную собственность, не столь строго ограничивала рост негосударственных, основанных на праве собственности и профессиональных ремёсел и торговли» [6, 258]. Наиболее высоким уровень жизни в таких странах был не просто в городах, характер большинства которых оставался административно-гарнизонным [6, 332] и которые в общем были не то чтобы богатыми, а в столичных городах, представлявших собой их узловые редистрибутивные центры [17, 117].

Перераспределение при классическом социалистическом строе, в оценке Е. Н. Старикова, могло быть следующих видов. «Если вынести за скобки редистрибуцию [1)] природных ресурсов (земли, воды и т.п.), то останется [перераспределение 2)] ... непосредственного живого труда, [3)] труда, овеществлённого в потребительных стоимостях, и, наконец, [4)] труда, овеществлённого в денежной форме стоимости. Чем более вещный характер приобретает редистрибуция, тем меньше [в ней] доля внеэкономического и выше доля экономического принуждения» [2, 54 и 45]. «По-

следний, денежный вид редистрибуции имеет смысл только в условиях более-менее развитого рынка... его наличие является свидетельством или разложения отношений редистрибуции... или же существования её в подчинённом виде при господстве отношений товарно-денежного обмена» [2, 45]. Коль скоро при супериорных социалистических порядках четвёртый вид перераспределения был связан с денежными рента-налогами, третий – с натуральными, а второй – с отработочными, то первый, как можно полагать, находился в связи с земельно-ирригационными их разновидностями. (Практика выделения лучших земель той или иной общины в пользу её этакратии рассматривается как одна из форм налогообложения [5, 39–40; 2, 55–56].)

В земледелии, которое было его основой, свойственный этому порядку способ производства существовал в нескольких вариантах. При одном из них «государство само непосредственно вело хозяйство руками людей, полностью лишённых средств производства». Они «работали на полях партиями... с надсмотрщиками. Весь урожай поступал в государственные закрома. Работники и их семьи получали довольствие натурой... Основную их массу составляли местные жители, которые рабами не являлись. Они пользовались определёнными правами [и]... владели каким-то имуществом» [11, 21]. Этот вариант встречался нечасто и в большей степени был, как мне кажется, связан с высоким классическим социализмом. «Иногда работник получал в своё распоряжение весь урожай, выращенный на выделенном ему участке, но в таком случае часть своего времени он работал, нередко в составе партии... с надзирателем, на государственном поле» [11, 22 и 6, 110]. При третьей его разновидности «работникам выделялись участки, которые они обрабатывали в известной мере самостоятельно... Часть урожая, выращенного на участке, шла государству... Кроме земли, работник нередко получал в пользование также посевное зерно, рабочий скот, ин-

вентарь». Она встречалась значительно реже четвёртой, но чаще первой [11, 21]. В отечественной традиции земледельцев, занятых в охарактеризованных выше типах хозяйств, иногда обозначали термином, имевшим спартанское происхождение, – «илоты» [5, 45, 50–51; 4, 19]. В большинстве же классических социалистических обществ отработочным рента-налогам, предполагавшим коллективную и нередко ещё без использования рабочего скота обработку крупных государственных имений «царскими людьми», предпочитали натуральные рента-налоги, выплачивавшиеся полусвободными общинниками [6, 69, 110; 5, 46; 4, 26]. Или, в близкой к этой оценке, «взимание налогов и повинностей со всего (или с большей части) населения» [5, 201 и 429, 442–443].

Именно освобождённые государями от налогов и повинностей люди считались, например, у хеттов или ассирийцев «свободными». И, соответственно, «несвободными» были лица, не освобожденные от трудовой деятельности – от выполнения хотя бы одной из государственных повинностей – и вследствие этого рассматривавшиеся как социально несвободные». «Несвободные» охватывали широкие круги непосредственных производителей (пахарей, пастухов, ремесленников, садовников и многих других) рабочих людей Хатти [5, 230–231 и 202; 4, 42; 17, 120, 122–123]. Однако «даже когда [такое] освобождение и предоставлялось, его действие часто подлежало отмене: по истечении ли установленного срока, или по прекращении царствования дарителя» [6, 71].

Четвёртый вариант был характерен для подавляющего большинства социалистических обществ и, по оценке Ю. И. Семёнова, является классическим. При нём «основными производителями материальных благ являлись крестьяне, которые самостоятельно вели хозяйство и были объединены в общины. Государство непосредственно в процесс производства не вмешивалось». (Исключения представляли собой ирригационные

и строительные работы [11, 20].) Пользоваться землёй при таком ведении хозяйства обыкновенно могли только члены соседских общин [6, 272; 5, 41]. Последние, будучи формой необходимой крестьянской кооперации, являлись и низовыми податно-повинностными единицами. С земледельцев взимались рента-налоги и «полученный прибавочный продукт распределялся между членами господствующего класса в соответствии с местами, которые они занимали в должностной иерархии» [11, 20–21]. Согласно К. А. Виттфогелю, в большинстве классических социалистических обществ «основная часть всей обрабатываемой земли является регулируемой, и хотя государственные имущественные права на регулируемые поля скрыты [здесь] за фасадом... сельской общины, они действуют негативно, когда власти препятствуют покупке этих полей посторонними лицами, и позитивно, когда власти выделяют или продают землю (или деревни) по своему усмотрению» [6, 302]. «Иногда – особенно при регулируемом аграрном строе – власти могут [и] прямо предписывать выращивание тех или иных сельскохозяйственных культур» [6, 292]. При этом общественном порядке имущество умершего человека, и в частности земля, обыкновенно не передавалось в соответствии с его волей, но согласно закону более или менее поровну делилось между наследниками («землю тем, кто её обрабатывает», т. е. тем, кто может исправно платить ренту-налог» [2, 58]) и, следовательно, фрагментировалось [6, 79, 84–85]. Землепользование при супериорном социалистическом порядке, и особенно в позднюю его пору, было повсеместно мелким. Иное встречалось нечасто [6, 277; 4, 42]. По определению К. А. Виттфогеля, с точки зрения этакратии «имущество ремесленников и крестьян было имуществом нищих» [6, 296]. Эта – четвёртая, государственно-общинная – форма хозяйствования была, очевидно, в большей степени присуща позднему классическому социализму.

Время, которое завершало классический социалистический порядок, было отмечено тенденцией к имперскому переформатированию ближневосточных стран – его исторического центра. В пределе её территории, объединённые в империи, делились на стандартные административные области, едва ли не все земледельческие угодья которых становились государственными, а население выравнивалось по одному – полусвободному – уровню [4, 15–17, 19, 42; 5, 50–51]. «Ход имперских завоеваний, при которых неизбежно уничтожаются местные, традиционные органы управления, как государственные, так и общинные, и заменяются единообразной имперской администрацией, приводит к тому, что большинство земель в пределах империи переходит в собственность государства. Люди же, сидевшие на этих землях, независимо от того, были ли они общинниками или царскими людьми, становятся... государственными и подневольными» [4, 19], мало чем отличавшимися друг от друга [5, 201]. Из чего ещё раз следует, что территориально-административные структуры и представляли собой ячей той экономико-политической сети, которая делала одну часть подданных той или иной социалистической страны её официальной элитой, другую же – рабочей чернью.

Сравнивая охарактеризованные выше варианты, можно сказать, что 1) при четвёртой форме ведения хозяйства соотношение долей внеэкономического и экономического принуждения в ней было смещено в сторону последнего в наибольшей мере [2, 54] (В. Д. Неронова подчёркивает справедливость взгляда на внеэкономическое принуждение как преобладавшее в раннеклассовых обществах над принуждением экономическим [12, 113, 117]), что 2) первая из них может, очевидно, рассматриваться как «идеальная» [9, 339], или «предельная, наиболее “чистая” форма АСП» [2, 67], иначе говоря, классического социализма, и что 3) ни при одной из этих разновидностей хозяйствования обрабатываемые земли не

являлись персональной или групповой частной собственностью [6, 275; 10, 463] (если, конечно, разделять тот взгляд, что «собственность как классовое отношение между людьми не должна смешиваться с пользованием или владением как... физическим обладанием без полной возможности распоряжаться объектом в своих интересах и по своей воле» [5, 16]). Последние виды поземельной собственности могли, правда, по мнению К. А. Виттфогеля, существовать и при классическом социалистическом строе, однако общая площадь таких угодий значительно уступала общей площади земель, находившихся в общеклассовой частной собственности, и наличие их не было для него определяющим [6, 272, 280–282, 285–286, 291; 16, 9]. Приведём в этой связи несколько изменённые слова И. Р. Шафаревича: чем в большей мере социалистическое государство контролирует общество, тем менее существенно, насколько допускается в нём частная собственность [9, 273].

В связи с изложенным заслуживают внимания и следующие оценки К. Маркса. «Во всех формах, при которых непосредственный работник остаётся “владельцем” средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель – как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства» [18, 353]. (Крепостничество, то есть прикрепление крестьян к земле было характерным для большинства обществ, обозначаемых здесь как классические социалистические [6, 118, 414; 5, 45; 4, 42; 9, 183].) «При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением» [18, 353]. И «если не частные земельные собственники, а государство непосредственно про-

тивостоят непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» [18, 354].

Величины отработочных и натуральных рента-налогов, на сочетании которых экономически базировался этот способ производства [2, 57; 6, 48, 68], определялись царской стороной в одностороннем порядке [6, 71, 286, 292]. (Обложение без представительства – одна из черт классической социалистической формации.) Границами официально устанавливавшихся рента-налогов обыкновенно были десятая – вторая доля урожая, но в большинстве случаев взимавшиеся платежи были выше, чем утверждённые [6, 71–72]. Несельскохозяйственные отработочные и служебные (в том числе воинская) повинности также являлись формами налогообложения [5, 40]. «Государственная трудовая повинность считалась столь же само собой разумеющейся обязанностью, как сейчас – воинская повинность» [9, 246]. Какой-либо экономии несвободного людского труда она не предусматривала, напротив [9, 244; 15, 9.1]. Верхи инкской империи Тауантинсуйу, например, считали, что простой народ не может не быть занят работами [6, 112; 7, 182; 19, 81]. Право распоряжения инкских господ рабочей силой зависимых от них людей, равно как и такое же право господ древних Египта и Двуречья, было

нелимитированным [6, 39, 42]. О времени наиболее широкого использования государственной трудовой повинности Л. Мамфорд пишет, что общество тогда «делилось, грубо говоря, на ... большинство, приговорённое пожизненно к тяжёлому труду и работавшее не только ради того, чтобы ... прокормиться, но и ради излишка, который выходил за рамки семейных или общинных нужд, – и “знатное” меньшинство, ручной труд презиравшее» [15, 10.1]. Такие «египетские работы» [Исх. 1:8–14], становившиеся проклятием для непривилегированного народа и недобровольные, были ориентированы на временное, стандартное и количественное измерения [15, 11.1]. Внешне-механически для него во многом обусловленные, не благоприятствовали они и хозяйственным инициативам людей [9, 188; 15, 8.5, 10.1; 19, 127].

Рабский труд при классическом социалистическом порядке использовался на домашних преимущественно работах, то есть работах нетоварного характера [5, 44; 17, 76]. И в сельском хозяйстве, и в ремесленном производстве он применялся мало (в близкой к этой оценке, «не был господствующим в общественном производстве» [12, 114 и 113, 118]). Обработку земель, например, при этом порядке их собственники, не являвшиеся крестьянами, обычно поручали арендаторам [6, 277; 17, 85]. Население, депортированное с чужих или одних территорий и используемое на своих или других как сельскохозяйственная и ремесленная работная чернь – практика, достаточно распространённая в высоком и позднем суперорном социализме, – использовалось в этом качестве обычно как крепостное, то есть полусвободное, а не невольническое [5, 44–45, 231, 273–274; 4, 32, 42; 9, 180–183; 17, 75]. И едва ли где-нибудь на Востоке рабство играло тогда существенную экономическую роль [6, 229, 322–323; 4, 11; 17, 74].

При классическом социалистическом строе низам можно было только просить и нельзя требовать. То, что может трактоваться как права за-

висимых людей, с другой стороны, возможно, лежало просто ниже уровня, при дальнейшем понижении которого расходы на поддержание переформатированного таким образом положения уже не увеличивали, а уменьшали размеры господских рента-налогов [6, 109]. Законы социалистических стран не защищали простых людей от властей, и равенства перед законом тогда не существовало. «Во всём древневосточном законодательстве меры наказания и вознаграждения за услуги [были] сословно определены» [14, 107]. За одно и то же преступление в Тауантинсуйу, например, зависимый человек карался смертью, а принадлежавший к сословию инков, – публичным выговором, официально считавшимся для него бóльшим наказанием [9, 187]. В странах этого круга право носило характер развёрстки сверху вниз обязанностей, императивных для низов, но не для верхов [2, 26, 183]. «Очень широкое применение смертной казни за самые различные виды преступлений» при классическом социалистическом порядке было, как можно полагать, характерным не только для Вавилонии времён законов Хаммурапи [6, 138; 9, 225–227], к которым относятся приведённые слова [5, 107]. Инкские законы, например, опирались на изощрённую систему наказаний, и кара этого закона тоже была суровой – почти всегда смертная казнь, тяжёлые пытки и наказания, немногим от смертной казни отличавшиеся [9, 185–186]. В законодательстве классических социалистических стран распространён был принцип коллективной ответственности [14, 35, 101–102; 9, 186]. Власть при этом общественном порядке не была связана правом, скорее, была им вооружена.

В конечном же счёте социалистическое правление было правлением, базировавшемся на рутинном насилии, «благожелательным по форме и жестоким по содержанию» [6, 136 и 137, 143]. В глазах простых людей, писал К. А. Виттфогель, власть «оставалась иррационально грозной даже когда применяла только стандартные мето-

ды террора. И становилась страшной, когда использовала свой террористический потенциал полностью» [6, 148–149]. «Сопротивлявшиеся ей заигрывали со смертью» [15, 9.2]. Единственным разумным ответом на эту абсолютную власть было такое же абсолютное (по крайней мере им выглядевшее) и подчёркнутое повиновение: иное поведение приводило к беде [6, 154; 15, 9.2]. Последнее объясняет, почему смирение, терпение и тихость были близким к идеальному и господствующим состоянием простого народа при социалистических порядках [6, 149, 157]. «Хорошей жизнью» для него была «жизнь послушная», и люди знали, что живут до тех пор, пока они «тихие» [6, 150–151; 14, 177–178, 185; 19, 122, 129]. «Из десяти заповедей, составляющих ядро ветхозаветной системы этических норм, пять в самой категорической форме требуют полного послушания Йахве, признаваемого основным источником благополучия... “мы” и “я”», – пишет в этой связи И. П. Вейнберг [14, 186 и 188]. Всё это, по его словам, «кажется, позволяет определить идеального человека древневосточного общества как человека послушного и древневосточную культуру как “культуру послушания”» [14, 187]. И если «для античного полиса [была] характерна идеализация свободы», то здесь это место было отдано субординации [4, 26].

Высокая государственная регламентированность жизни людей классического социалистического общества, связанная с её несвободой, делала её однообразной, механистичной и вязкой. Она во многом лишала жизнь вкуса [9, 341; 19, 123–124]. Так, об инкской Тауантинсуйу И. Р. Шафаревич пишет: «Одинаковые одежды, одинаковые дома, одинаковые дороги... Как следствие духа стандартизации всё, что хоть как-то выделялось, рассматривалось как нечто опасное и враждебное», будь то «рождение двойни или скала необычной формы» [9, 187]. Простые люди этой Рах Incaica – однообразно и плохо одетые, жившие в похожих нищенски-бедных хижинах и однообразно и сквер-

но питавшиеся – не имели права что-либо менять в этих не ими установленных порядках, касавшихся их жизни [19, 92, 130]. Маркс определяет их как коммунистические [18, 449 и 9, 188]. Внешнее нивелирование условий жизни простого народа, введённой в «бесцветный режим бесконечного повтора» [15, 9.3], повторялось и в уравнивании внутреннего мира и поведения людей [9, 328, 330; 14, 50–51]. Последнее регулировалось не столько «изнутри», сколько «извне» [2, 111]. Степень их индивидуализации была существенно ниже, чем, скажем, граждан античного общества [2, 28, 35, 112–113; 5, 131; 16, 9–10; 19, 125; 20, 15–39]. Социализм, отмечает И. Р. Шафаревич, «враждебен ... тем специфически-человеческим факторам, благодаря которым создаётся и поддерживается индивидуальность человека. Это те аспекты жизни, в которых человек ... не может быть заменён никем другим. Таково, например, культурное творчество, прежде всего художественное» [9, 335]. О «принципиальной анонимности» древневосточной культуры, её словесного и изобразительного искусства, о том, что создатели её произведений «не признавали себя [их] авторами и их таковыми не признавали, даже если их авторство было известно», пишет и И. П. Вейнберг [14, 97]. Малой степенью значимости и ценности были отмечены в то время на Ближнем Востоке и такие личностные, добровольные и индивидуально-избирательные отношения, какими являются, например, дружеские связи [14, 107–108]. Одобряемыми при рассматриваемой здесь, «коллективистской», форме общественной интеграции были традиционалистские и конформистские типы поведения, при которых люди «ведут себя как все» и плохо отличаются друг от друга [2, 111–112; 14, 101–102; 21, 4]. < «Наши представления о “личности” как о чём-то, что сообщает каждой индивидуальности её неповторимость, несравнимость и несводимость к другим индивидуальностям, заимствованы ... из христианства» [22, 208 и 9, 325]. > Что же касается господствовавших в классических социалистических

обществах религий, то структуры их не были независимы от светских властей [6, 87–88, 92–97, 100], а обряды и верования рассматриваются как ритуалистические исповедания, этическим началам в которых не придавалось сколько-нибудь существенного значения [16, 23, 594, 616].

В оппозиции «мы и они» внешнеэтнического характера «они» в классических социалистических странах большей частью рассматривались как естественные носители зла, насилия и жестокость по отношению к которым по меньшей мере не считались предосудительными [14, 113]. «В реальной жизни контакты между “нами” и “ими”... бывали разными – мирными, торговыми или враждебными, военными, однако в древневосточных текстах, особенно изобразительных, доминирует один аспект – военный. Со времён Древнего царства Египта [и] до... державы Ахеменидов на фресках и рельефах “они” предстают главным образом в роли врагов, с которыми сражаются, которых побеждают, берут в плен, которые приносят дань. Важнейшая тема всей древневосточной словесности – войны с “ними”, победы над “ними”, пленение, ограбление, порабощение “их”... В глазах древневосточного человека защита своей страны, война есть главная и важнейшая функция [государя. И]... царские анналы, фиксируя именно эту сторону деятельности царей, являются, по существу, перечнем царских походов против “них”» [14, 111–112]. Тема военных действий и этархов в них, в оценке И. П. Вейнберга, была в древневосточных изобразительных и словесных текстах безусловно преобладающей [14, 136]. Чем больше присоединено было к «нашей» государственной территории земель, прежде не «наших», расходы по удержанию которых не переходили известной черты, чем более обжитыми они являлись, тем большей была и общая величина совокупных рента-налогов, получаемых «нашей» этакратией.

Символами классического социалистического порядка, в отрицательных его проявлениях рассматриваемого, во многом, на мой взгляд, мож-

но считать царские древнеегипетские пирамиды и легистский древнекитайский трактат «Шан цзюнь шу». Первые – потому, что история их возникновения ясно показывает, кем – с одной стороны, и в чьих интересах – с другой, они были построены, какую роль играло в этом принуждение, и потому, что сама их форма идеально и законченно передаёт вертикально-иерархические принципы структурирования этого общественного порядка. Второй – потому, что в нём также ясно передан тот же классовый подход, принявший в этом случае форму отрицания неэтакратистской морали, неприятия неэтакратистской культуры, апологии этакратистского насилия и проповеди этакратистского конформизма. Распространение принципов, изложенных в «Шан цзюнь шу», на Китай в границах империи Цинь привело, среди прочего, к налогам, равнявшимся двум третям доходов крестьян, и такому же увеличению повинностей [4, 503–504].

Всё изложенное объясняет причины той почти откровенной нелюбви и более или менее полного отрицания, с которыми встречалась и встречается «пресловутая теория» «азиатского способа производства» в социалистических странах прошлого и нынешнего столетий. (Уже К. А. Виттфогель писал о блокировке в них этого подхода к рассмотренным здесь вопросам [6, 411–412] – его отрицании, выполняемом не приведением необходимой контраргументации, но созданием вокруг него обстановки противоречивости, недоверия [6, 7, 369] и заменой доказательности имеющихся доводов множественностью их повторений.) Эти причины просты и носят классовый характер. Приведу и следующие, справедливые, на мой взгляд, слова Е. Н. Старикова: «Имеющее широкое хождение мнение о том, что древность не ведала тоталитаризма, основывается на недостаточном знании древней истории [Востока]» [2, 133].

Список литературы:

1. Семёнов Ю. И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 57–74.
2. Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. – Новосибирск: Сибирский хронограф. – 1996. – 420 с.
3. Семёнов Ю. И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Скепсис. – 1993. – URL: https://scepsis.net/library/id_120.html (обращение: 17.12.2017).
4. История древнего мира. Расцвет древних обществ / ред. И. С. Свенцицкой. – 3-е изд. – М.: ГРВЛИ Наука. – 1989. – 573 с.
5. История древнего мира. Ранняя древность / ред. И. М. Дьяконова. – 3-е изд. – М.: ГРВЛИ Наука. – 1989. – 472 с.
6. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. – New Haven – L.: Yale University Press. – 1957. – XIX, – 556 p. (Виттфогель К. А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти / пер. А. А. Страхова. – 2017. – URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml#translator (обращение: 17.12.2017).)
7. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – 2-е изд. – L.: Overseas Publications Interchange. – 1990. – 671 с.
8. Прохоренко И. Д., Курегян С. В. Азиатский способ производства и азиатский социализм. – Минск: Publishing House. – 1993. – 80 с.
9. Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории // И. Р. Шафаревич. Есть ли у России будущее? – М.: Советский писатель. – 1991. – С. 5–388.

10. Маркс К. Г. Экономические рукописи – 1857–1859 годов / пер. // К.Г. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 46. – Ч. I. – 2-е изд. – М.: Политиздат. – 1968. – XXIV, 560 с.
11. Семёнов Ю. И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. – 1993. – № 20. – С. 5–105.
12. Неронова В. Д. Проблема формационной принадлежности древнего мира в советской историографии // Античность Европы / ред. И. Л. Маяк, А. З. Нюркаевой. – Пермь: ПГУ. – 1992. – С. 111–121.
13. Нуреев Р. М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. – 1990. – № 3. – С. 47–58.
14. Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М.: ГРВЛИ Наука. – 1986. – 208 с.
15. Mumford L. The Myth of the Machine. Technics and Human Development. – N.Y.: Harcourt, Brace & World. – 1967. – 352 p. (Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. Т. А. Азаркович, Б. М. Скуратова. – М.: Логос. – 2001. – 408 с.)
16. История Востока. – Т. 1. Восток в древности / ред. В. А. Яacobсона. – М.: Восточная литература РАН. – 2002. – 688 с.
17. Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization. – 2-d ed. – Chicago: University of Chicago Press. – 1977. – XVI. – 463 p. (Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации / пер. М. Н. Ботвинника. – 2-е изд. – М.: ГРВЛИ Наука. – 1990. – 320 с.)
18. Маркс К. Г. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 3. Кн. III. – Ч. 2 / ред. Ф. Энгельса / пер. // К.Г. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 25. – Ч. II. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат. – 1962. – 552 с.
19. Baudins L. Essais sur le socialism. I. Les Incas du Pérou. – P.: Librairie de Médecis. – 1942. – 189 p.
20. Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // С. С. Аверинцев. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа ЯРК. – 1996. – С. 13–75.
21. Виппер Р. Ю. Коммунизм и культура: Древность. – Рига: Изд-во Э. И. Эттингер. – 1925. – 127 с.
22. Борисов В. М. Национальное возрождение и нация-личность // Из-под глыб. – М.: УМСА-Press. – 1974. – С. 199–216.

*Smertin Yuri Grigorievich,
doctor, of Science in History
Kuban State University
E-mail: usmer@hotmail.com*

PROPAGANDA ACTIVITIES OF THE SOVIET UNION IN AFRICA (1961–1991)

Abstract: The article is devoted to the analysis of the propagandistic and disinformation activities of the “Novosti” Press Agency (NPA) in the African countries in the 1960s – 1980s. The research based mainly on archival materials that reveal the strategy and tactics of the main Soviet tool of the information warfare, the close relationship of this “public” organization with the CC CPSU and KGB. The conclusion is drawn that the APN was an important element of the party-state machine and carried out the political order of its leadership, while not disregarding methods more characteristic of the state security services.

Keywords: “Novosti” Press Agency; Africa; propaganda; counter-propaganda; disinformation; KGB.

*Смертин Юрий Григорьевич,
Кубанский государственный университет
доктор ист. наук, профессор
E-mail: usmer@hotmail.com*

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В АФРИКЕ (1961–1991 гг.)

Аннотация: В статье анализируется пропагандистская и дезинформационная деятельность Агентства печати «Новости» (АПН) в африканских странах. Исследование построено в основном на архивных материалах, раскрывающих стратегию и тактику действий главного советского инструмента информационной войны, тесную связь этой «общественной» организации с ЦК КПСС и КГБ. В заключении делается вывод о том, что АПН была важным звеном партийно-государственной машины и выполняла политический заказ ее руководства, не гнушаясь при этом методами, более характерными для спецслужб.

Ключевые слова: Агентство печати «Новости» (АПН); Африка; пропаганда; дезинформация; КГБ.

Введение

Для любого государства популяризация своих внешнеполитических целей и намерений, внутренней политики, образа жизни, культурных и научных достижений является делом важным и необходимым. Каждое государство в меру сво-

их амбиций и материальных ресурсов осуществляет пропагандистскую функцию на глобальном и (или) региональном уровнях. Однако деятельность Советского Союза в этой сфере за все время его существования представляет собой феномен, выходящий за рамки общепринятых норм госу-

дарственной саморекламы – пропаганда для него стала самоцелью.

Советская коммунистическая цивилизация была преимущественно вербальной; вера во всемогущую силу слова составляла ее основу. Это проявлялось в сакрализации текстов «отцов» коммунизма, ритуализации выступлений партийных вождей и обязательном их цитировании, массовой вере в магическую силу и истину газетного слова, в мистической боязни слов, отрицающих главные ценности коммунизма. Похоже, что экономическая основа не имела самоценного характера и была подчинена Слову. Все достижения в области материального производства, действительные и выдуманные, обращались в слова с целью доказать своим гражданам и всему миру истинность Идеи.

Чтобы ускорить наступление всеобщего коммунизма, необходимо было, по разумению партийного синклита, донести Истинное Слово до трудящихся всех стран. В результате, повсюду возникнет стремление к переменам, которое преодолет все трудности, и познавшие Истину народы разрушат обитель империалистического дьявола. На этой посылке и был основан коммунистический прозелитизм. Он был направлен на весь мир, но главным его объектом стали Африка, Азия и Латинская Америка – уязвимая периферия буржуазного мира. Разумеется, не только идеализм был движущей силой глобальной пропагандистской кампании. В годы после Второй мировой войны важным аспектом стало привлечение на свою сторону развивающихся стран и их поддержка советской внешней политики в ООН. Аналогичная задача стояла и перед Западным блоком. Поэтому Холодная война должна рассматриваться не только как противостояние СССР и Запада, но и как общепланетарный феномен.

Действенным оружием в этой войне стала внешняя пропаганда, которая активно велась с обеих сторон. В западной политологии для всех определений пропаганды характерен упор на

факт манипуляции сознанием людей в интересах определенных групп [1, 7]. Советское понимание пропаганды было иным. «Большая Советская Энциклопедия» определяла коммунистическую пропаганду как «научно обоснованную систему духовной деятельности, разработанную коммунистической партией. В процессе пропаганды под руководством коммунистической партии осуществляется распространение марксистско-ленинской идеологии и политики с целью просвещения, воспитания и организации масс» [2, 273]. Отсюда следует, что советская пропаганда, в отличие от буржуазной, не манипулирует сознанием масс, а развивает его до понимания ими собственных интересов, связанных со строительством коммунизма. Это касалось и народов зарубежных стран.

Материалы и методы исследования

Советская внешнеполитическая пропаганда представляла собой сложное и многоплановое явление, включавшее как видимую его часть (распространение печатной продукции, радиовещание на зарубежные страны и т.п.), так и тайную (прикрытие тайных операций спецслужб и проч.). Поэтому основным методом исследования стала работа с архивными материалами, хранившимися в Центре хранения современной документации (ЦХСД), созданном в 1991 г. на базе архивных структур ЦК КПСС. В 1992 г. власти новой России намеревались устроить судебный процесс над КПСС и открыли для узкого круга исследователей секретные документы, касающиеся различных сторон деятельности партийно-государственных институтов. В это время автор имел возможность ознакомиться с интересующими его материалами, которые использованы в данной статье. В 1999 г. ЦХСД был переименован в Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ) и подавляющее большинство материалов было изъято из открытого доступа. Для изучения взаимодействия советских посольств в африканских странах со структурами АПН также

использовались материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

При анализе эффективности советской пропаганды использовались материалы африканской прессы. Определенную ценность для понимания специфики работы пропагандистской машины представляют свидетельства очевидцев описываемых событий: бывших сотрудников АПН и спецслужб СССР и США. Пропагандистская и дезинформационная деятельность Советского Союза, естественно, не оставалась без внимания его главного противника в холодной войне. Реакция властей США и подборки документов на эту тему содержатся в докладах американских правительственных учреждений.

Привлечение широкого круга источников, большинство из которых публикуется впервые, позволило понять истинный характер деятельности главного пропагандистского учреждения и ту огромную роль, которая отводилась внешнеполитической пропаганде советским правящим классом.

Результаты исследования

Мозговым центром пропаганды за рубежом был Международный отдел ЦК КПСС, где разрабатывались стратегия, тактика и конкретные акции, реализовавшиеся самыми разными организациями и институтами. В громадном пропагандистском наступлении на развивающиеся страны одну из главных ролей играло Агентство печати «Новости» (АПН). До 1961 г. внешнеполитической пропагандой занималось Совинформбюро – полузакрытая и вызывавшая подозрение у иностранцев организация. На ее базе было создано АПН, которому был придан оттенок респектабельности, поскольку его членами-учредителями стали Союзы журналистов и писателей СССР и Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Однако подлинным его учредителем был Центральный Комитет КПСС, который 5 января 1961 г. своим решением возложил на АПН «подготовку

и распространение за рубежом через иностранную печать, информационные агентства, радио и телевидение пропагандистских и контрпропагандистских материалов; издание за рубежом журналов, газет, брошюр, буклетов и другой литературы; сбор в зарубежных странах информации» [3]. Таким образом, в задачу АПН входила как открытая пропаганда, так и разведывательная деятельность. Последняя предполагала наличие в структурах Агентства сотрудников КГБ, прежде всего, в его заграничных ведомствах. Бывший высокопоставленный сотрудник АПН сообщает, что под «крышей» АПН работали сотрудники КГБ и ГРУ. «И это считалось понятным и естественным. Война так война» [4].

Ответственная миссия нуждалась в соответствующих исполнителях. Они готовились в основном в Институте восточных языков при Московском государственном университете (ИВЯ МГУ), который в начале 1970-х гг. был переименован в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Здесь студенты получали не только языковую, но и страноведческую подготовку. «Подбором кадров занимались соответствующие отделы в институтах, АПН, ЦК КПСС, КГБ и так далее. Студентов вели с первого курса, оценивая и приглядываясь к ним. Любая ошибка в студенческие годы, червоточинка, скандал закрывали путь в АПН. И попав в АПН, ты понимал, что ты попал в элиту. Понимание, как тебе повезло, приходило только после того, как ты попадал в атмосферу АПН и начинал работать», – сообщает энтузиаст пропагандистской деятельности В. Морозов [4]. Действительно, специфика работы предполагала приличную по советским меркам зарплату, зарубежные командировки за «железный занавес» и приобретение на заработанные за границей валютные «чеки» западных товаров в спецмагазинах «Березка».

В отличие от Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), считавшегося правительственной организацией и вынужденного

проявлять определенную сдержанность в пропагандистской деятельности, АПН было более свободно в выборе средств и тематики. Решением ЦК КПСС в составе АПН в конце 1961 г. была создана Главная редакция спецматериалов для «систематической работы по подготовке инспирированных, дезинформационных и контрпропагандистских материалов, реализуемых через соответствующие специальные каналы» [5]. Впрочем, функции АПН не замыкались на вербальных интервенциях. Об этом свидетельствует Юрий Безменов (Томас Шуман), сотрудник КГБ и АПН, бежавший в 1970 г. на Запад: «По прямому приказу вышестоящих начальников из КГБ или через главного куратора КГБ внутри Агентства печати «Новости» сотрудники АПН могли выполнять следующие функции: распространение дезинформации среди советских и зарубежных СМИ и дипломатических представителей; зондирование мнений и сбор информации среди иностранных дипломатов и VIP-персон; проверка политической благонадежности членов иностранных делегаций и гостей АПН с целью их дальнейшей вербовки; ... наблюдение за вызывающими подозрение своими и иностранными новообращенными или потенциальными агентами; сбор информации о конкретных персонах, связанных с иностранными СМИ, общественной и политической жизнью в своих странах» [6, 16].

Недавно возникшие и определявшие свое место в мире африканские государства считались приоритетными объектами советской пропаганды. Однако сразу же возникли трудности, обусловленные отсутствием опыта работы с африканской аудиторией. Поэтому в марте 1963 г. ЦК решил специально обсудить вопрос о пропаганде на Африку и поручил Министерству иностранных дел, уже накопившему некоторый опыт, подготовить материалы для обсуждения. В Записке Отдела печати МИД в Центральный комитет отмечались недостатки советской пропаганды: ее малая доступность для африканцев, отсутствие

учета специфики конкретной страны (например, в Королевство Марокко направлялись антимонархические материалы), перегруженность комментариями и недостаточность фактического материала. Для ее усиления МИД предлагал, среди всего прочего, «уделить серьезное внимание показу преимуществ некапиталистического пути развития для слаборазвитых стран», «разоблачать кабальный характер помощи» западных стран и т.п. Настороженное отношение властей многих африканских стран к советской печатной продукции МИД надеялось усыпить изданием книг и брошюр определенного содержания в «прогрессивных издательствах» Великобритании, Франции и Бельгии [7]. Со своими, но сходными идеями по интенсификации и повышению действенности пропаганды выступило АПН.

ЦК КПСС согласился с предложениями, и было принято постановление, в котором АПН разрешалось открыть свои бюро в целом ряде африканских стран с целью установления контактов с местными агентствами печати и редакциями газет, а также сбора разнообразной информации, в том числе и разведывательного характера [8]. Через 15 лет АПН вело пропагандистскую и разведывательную работу в 16 своих африканских бюро. Еще в 19 странах Африки Агентство осуществляло такую деятельность по каналам советских посольств [9].

Одним из направлений деятельности АПН была публикация собственных периодических изданий для африканской публики, отражающих успехи социалистического строительства в СССР и пагубность политики «империалистических поджигателей войны». В 1977 г. в Африке было выпущено и распространено периодических изданий общим годовым тиражом 1 млн 302 тыс. экземпляров, 20 пресс-бюллетеней общим тиражом 714 тыс. экземпляров, свыше 1,5 млн брошюр [10]. Вдобавок к этому, в Африку шел поток «спецматериалов» в виде книг и брошюр на иностранных языках, основными получателями

которых были «революционно-демократические партии». Финансировалось все это из партийного (т.е. государственного) бюджета. Ежегодно расходы составляли около 150 тыс. т.н. инвалютных рублей [11]. (Официальный курс такого не существовавшего в реальной жизни рубля составлял примерно 0,6 долл. США.)

Важным направлением деятельности АПН была работа с местной прессой. Поначалу распространение через африканскую печать пропагандистских материалов натолкнулось на ряд трудностей, которые были следствием незнания африканской журналистики, имевшей во многих странах продолжительную историю и определенные традиции. Информационно-пропагандистские материалы, присылавшиеся из Москвы, не вызывали ожидавшегося энтузиазма и желания поскорее их напечатать. Заместитель председателя Правления АПН С. Беглов после посещения в 1962 г. ряда стран Африки в отчете ЦК о поездке он с горечью написал: «В ряде случаев руководители информационных служб и газет откровенно заявляли, что информация западных агентств их устраивает в большей степени, поскольку эта информация подается в более лаконичной форме и может быть сдана в набор почти без обработки». Но не только и не столько форма материалов из Москвы не устраивала африканских журналистов, настораживало многих их содержание. В беседе с С. Бегловым главный редактор газеты «Ethiopian Herald» заявил, что информация советских агентств «содержит слишком много открытой пропаганды» [12].

Со временем тактика изменилась: открытая пропаганда стала во все большей степени дополняться завуалированной. Практиковалась подготовка «бэкграундов», на основании которых местные журналисты делали свои статьи. Так, АПН информировало ЦК о том, что в 1973 г. выпущено около 60 бэкграундов по важным политическим темам («КПСС: ее роль и место в советском обществе», «Советы в СССР», «О свободе творче-

ства», «Антисоветизм – основа политики Китая», «Выезд евреев из СССР: домыслы и реальность» и др. [13]. Затем часть материалов перепечатывалась в советской и «дружественной» зарубежной прессе, распространялась по каналам контролируемых Москвой международных организаций, что повышало их пропагандистскую ценность.

У АПН в Африке нашлись способные ученики, и их успехи радовали советских мастеров пропаганды. Председатель Правления АПН Л. Толкунов сообщал в октябре 1977 г. в ЦК КПСС: «Практика сотрудничества (с местной прессой) показывает, что африканские журналисты способны адаптировать и продвигать материалы АПН на страницы газет и журналов, готовить рукописи брошюр после посещения СССР при условии оплаты их труда» [14]. Материальное поощрение являлось весьма важным моментом. Кроме прямых выплат существовала практика приглашения редакторов африканских газет и видных журналистов в Советский Союз, где им оказывался неожиданный для них грандиозный прием, вручались подарки и пропагандистские материалы для будущих статей. «Вне всякого сомнения, – писал в мае 1975 г. второй секретарь посольства СССР в Гане, – пребывание редактора “Ghanaian Times” в Советском Союзе ... облегчит продвижение материалов о Советском Союзе на страницы ганской прессы» [15].

Однако далеко не всегда и не везде деятельность бюро АПН протекала гладко. Разнузданный характер советской пропаганды часто вызывал неприятие, а чрезмерная активность корреспондентов наводила на мысль о связи этой «общественной организации» с разведывательными службами. Выражалось это в ограничении и даже периодическом прекращении ее деятельности в африканских странах (Гана, Мали, Тунис и др.). Тогда бюро АПН действовали под прикрытием посольств в качестве пресс-отделов [16].

Конголезская газета «Le Progres» писала в марте 1963 г. об угрозе идеологического про-

никновения в Республику Конго. В редакционной статье под заголовком «Внимание, опасность!» утверждалось, что планирующееся открытие бюро АПН противоречит национальным интересам Конго, поскольку его журналисты будут использовать свою фиктивную независимость, чтобы проникать повсюду. (...) Под прикрытием своей миссии информировать общественность об экономической, о научной жизни и т.д. ... «Новости» займется пропагандой коммунизма» [17]. Редактор волновался не напрасно. В августе этого же года был свергнут первый президент Конго Фюльбер Юлу и к власти пришли сторонники строительства социализма по примеру СССР. Глава государства Массамба-Деба объявил «научный социализм» официальной идеологией, была введена однопартийная система, установлены связи с Советским Союзом, Китаем, Северной Кореей и Северным Вьетнамом.

В 1963 г. из Кении был выслан сотрудник АПН за неподобающую статусу деятельность; его имя не было названо в местной прессе [18, 1]. В том же году правительство Демократической Республики Конго (Киншаса) выслали корреспондента АПН Б. Бекназар-Юзбашева за шпионаж и подрывную деятельность [19, 513]. После военного переворота в Гане в 1966 г., отстранившего президента Кваме Нкруму от власти, персоной *non grata* был объявлен корреспондент АПН Алексей Казанцев. Ганская полиция при обыске его квартиры обнаружила руководящие установки ЦК КПСС для представителей АПН за границей и посчитало их шпионскими инструкциями [20].

С начала 1970-х гг. в связи с очевидными неудачами во внутренней и внешней политике СССР все больший упор в пропаганде делался на «разоблачении империализма» и особенно его действий в Третьем мире. В журналах, издававшихся на иностранных языках – «New Times», «Asia and Africa Today», «World Marxist Review» и др. – регулярно печатались статьи о кознях Запада в развивающихся странах. Основной мишенью

стали США как главный идеологический противник. По оценкам ЦРУ, бюджет советской пропаганды за границей в 1980-х гг. составил от 4 до 4,5 млрд. долл. [21, 75].

АПН по указанию Отдела пропаганды и агитации при ЦК КПСС решило начать серию пропагандистских кампаний, приуроченных к предстоящим «черным дням империализма США»: десятилетию Корпуса мира, пятилетию потери самолетом ВВС США водородной бомбы в Паломаресе (Испания), десятилетию попытки вооруженной интервенции на Кубу, третьей годовщины убийства Мартина Лютера Кинга. Акцент в этих акциях предполагался сделать на прессу развивающихся стран. Для этого заблаговременно готовились материалы статей, фотоиллюстрации, подборки карикатур и другие материала, которые «засылались в соответствующие страны задолго до даты с указанием вооружить ими местных авторов, а также редакции дружественных ... изданий, напомнив последним о приближении такой даты» [22]. Особенно многочисленными были засылаемые АПН материалы о расовой дискриминации в США, что должно было дискредитировать главного врага в глазах африканской общественности. Одновременно инспирировались статьи и брошюры о счастливой жизни африканских студентов в СССР, причем предпочтение отдавалось материалам, подготовленным «самими» студентами с помощью АПН. «Большими тиражами, – сообщало руководство АПН, – разошлась в странах Азии и Африки подготовленная АПН брошюра «Африканец в Советском Союзе», написанная аспирантом Московского государственного университета Гили Осеем» [23].

С середины 1970-х гг. антиамериканская пропаганда стала называться в служебной переписке информационно-пропагандистских ведомств «Главной Темой». Всем бюро АПН было приказано в максимальной степени нейтрализовать растущее влияние пропаганды США в странах пребывания и сосредоточить все усилия на местных

средствах массовой информации. Отрабатывая директиву Центра, заведующий бюро АПН в Нигерии С. Киселев сообщал, что «один из местных журналистов по просьбе Бюро подготовил на основе наших материалов оперативную, хорошо аргументированную статью контрпропагандистского характера о неуместности попыток президента Картера вмешиваться во внутреннюю политику Советского Союза. Материал был опубликован в газете Sunday Chronicle. ... Поскольку материал подавался как местный, ему была сообщены необходимые зазор и подходящая к данному случаю резкость» [24].

Своего апогея «Главная Тема» достигла в период 1976–1979 гг., что было связано с событиями в Анголе и Эфиопии. Стремясь отвлечь внимание мировой общественности от опасной вовлеченности СССР в региональные конфликты, пропагандистская машина развернула широкую антиамериканскую кампанию. Активизировалась деятельность бюро АПН по продвижению материалов, представлявших США в качестве главного врага в освободительной борьбе африканских народов. Характерны заголовки статей в журналах, издававшихся для зарубежного читателя: «Подрывная деятельность ЦРУ в Анголе, «Империализм против Африки», «Неоколониальная стратегия в Африке», «Империализм. Перекраивание Африканского Рога» и т.п. [25]. Вмешательство СССР в дела Анголы и Эфиопии советская пропаганда объясняла стремлением помочь «жертвам агрессии» со стороны США.

Последняя крупная дезинформационная кампания КГБ началась в 1985 г., в самом начале «перестройки». Ее цель состояла в том, чтобы убедить мировое общественное мнение в том, что США создали вирус СПИДа и изобрели «этническую бомбу» для уничтожения «черных». Но основы этой операции КГБ были заложены еще в 1983 г., когда в индийской газете «Patriot» было напечатано письмо «известного американского ученого», который предпочел не называть своего

имени. Он сообщил, что СПИД был разработан в секретных лабораториях Пентагона. Эта газета, по утверждению бывшего офицера контрразведки Ильи Джирквелова, была создана КГБ для публикации дезинформационных материалов [26, 44]. Два года на эту сенсационную новость, напечатанную в малоизвестной газете тиражом 35 тыс. экземпляров, мало кто обращал внимание. Но в 1985 г. был дан старт операции «Инфекция». 10 июля Радио Москвы, вещавшее на Африку, сообщило, что ЦРУ помогает белым властям ЮАР разрабатывать биологическое оружие, избирательно уничтожающее «не белых» [26, 35].

В течение двух лет эта история, дополненная подозрениями некоторых зарубежных биологов, распространилась по миру со скоростью СПИДА, она была опубликована в 80 странах на более чем 30 языках [27, 10]. Активно она обсуждалась и на страницах советской прессы. Но главной целью дезинформации была Африка. Апогей кампании пришелся на январь-июль 1987 г. При активном содействии АПН в изданиях многих африканских стран были опубликованы соответствующие конспирологические материалы.

Вашингтон был очень озабочен успехом операции «Инфекция» и ущербом, который она наносила имиджу США. Госсекретарь Джордж Шульц, встретившейся 27 октября 1987 г. в Москве с М. С. Горбачевым, поднял вопрос о прекращении советской стороной «активных мероприятий», связанных с темой вовлеченности Соединенных Штатов в разработку «этнического оружия». В это время в перестроечном дискурсе возникла идея «нового политического мышления», подразумевавшая конструктивное сотрудничество с Западом, и публикации, связывавшие эпидемию СПИДа в мире с деятельностью ЦРУ, прекращаются. В июле 1988 г. президент Российской Академии медицинских наук В. Покровский в интервью газете «Советская Россия» заявил следующее: «Не могу не сказать о том вреде, который нанесло всем нам ни на чем

не обоснованное обвинение некоторыми советскими журналистами американских исследователей и государственных учреждений в производстве и распространении инфекции (СПИДа). Со всей ответственностью заявляю, что ни один советский ученый, ни одно медицинское или научное учреждение не разделяло этой позиции» [28]. Точку в этой истории поставил в 1992 г. глава Службы внешней разведки РФ Евгений Примаков. Выступая перед студентами и преподавателями Московского государственного института международных отношений (МГИМО) он заявил, что «материалы, раскрывавшие «коварный» замысел американских ученых против человечества, «выдуманы в кабинетах КГБ» [29].

В годы «перестройки» АПН продолжало пропагандистскую деятельность в Африке, но теперь перед ним поставили задачу объяснять африканцам тонкости «ускорения» (экономического развития) «нового мышления» в международных делах, «международной гласности», однако, похоже, больших удач на этом пути не было, да и сам путь оказался коротким. 27 июля 1990 г. М. С. Горбачев подписал указ о ликвидации АПН и создании на его базе Информационного агентства «Новости» (ИАН). Как было сказано в Указе, это делалось для «для информационного обеспечения государственной внутренней и внешней политики СССР и исходя из интересов демократизации средств массовой информации». Однако поставщики и заказчики информации остались прежними и серьезных структурных перемен не последовало.

После «августовского путча» и падения коммунистического режима «монстр холодной войны» был окончательно ликвидирован. 4 сентября 1991 г. Постановлением Совета Министров РСФСР на базе ИАН было создано Российское информационное агентство «Новости». Так закончилась тридцатилетняя история возможно самой мощной машины информационной войны

в мире. Но ее традиции и методы иногда бывают востребованы властями новой России.

Заключение

АПН было создано в начале 1960-х гг. как рупор советской пропаганды на зарубежные страны, поэтому его кураторами стали Международный отдел ЦК КПСС и КГБ. Псевдообщественный характер этой организации давал ей определенную свободу действий и суждений в информационной войне. Со временем АПН разрослось в разветвленную структуру, имевшую свои отделения во многих странах мира. Африка была приоритетным направлением деятельности АПН и рассматривалась советским руководством как важное поле борьбы с империалистическим Западом. Здесь находилось большинство стран, заявивших об избрании «некапиталистического» путь развития, голоса государств континента должны были обеспечить поддержку советских инициатив в ООН и блокировать неудобные СССР решения мирового сообщества, африканские СМИ использовались для сокрытия фактов причастности Москвы в появлении дезинформационных материалов.

Представляется, что в стратегическом плане эффективность деятельности АПН была невысокой, несмотря на мощную финансовую и материальную базу. Отчеты для вышестоящих инстанций всегда были оптимистичными, но ситуации на местах редко отвечала победным реляциям. Исключением стала только информационная поддержка операции «Инфекция», тщательно разработанной в КГБ, но и этот успех был временным. Зачастую прагматичные африканцы использовали структуру АПН, как и советскую экономическую помощь, для собственных интересов, в том числе и меркантильных. После краха СССР идеи «социалистической ориентации» почти мгновенно исчезли из политического дискурса африканских стран, а правопреемник советской империи, Российская Федерация, надолго ушла из Африки в качестве заметного актора.

Список литературы:

1. Garth S., Jowett G. S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. Los Angeles: SAGE, – 2015.
2. Большая Советская Энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», – 1975. – Т. 21.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Фонд 5. Аппарат ЦК КПСС (1935–1991 гг.), Опись 33, Дело 208, Лист 75.
4. Морозов В. От «Советского Информбюро» и АПН через РИА «Новости» к «Раша Тудей» URL:<http://valeyamorozov.com/memoirs/2012>
5. Центр хранения современной документации (ЦХСД). Фонд 5, Опись 3, Дело 208, Лист 47.
6. Schuman T. World Thought Police. Los Angeles: NATA ALMANAC, – 1986.
7. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 55, Д. 54, – Л. 36–40.
8. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 58, Д. 349, – Л. 51.
9. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 73, Д. 324, – Л. 79.
10. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 33, Д. 208, – Л. 27–28; Ф. 5, Оп. 73, Д. 324, – Л. 11.
11. ЦХСД. Картотека. Протоколы заседания Секретариата (ЦК КПСС). № 38 от 18.04.1972. Пункт 8с; № 192 от 6.11.1975. Пункт 28гс; № 230 от 30.09.1980. Пункт 15гс.
12. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 33, Д. 181, – Л. 106.
13. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 67, Д. 136, – Л. 63–64.
14. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 73, Д. 324, – Л. 80.
15. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 0573, Опись 19, Папка 24, Дело 6, – Лист 31.
16. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 55, Д. 54, – Л. 69.
17. Le Progres. 12.03.1963.
18. Shuman T. No “Novosti” is Good News. Los Angeles: ALMANAC, – 1985.
19. Baron J. KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents. New York: Readers Digest Press, – 1974.
20. Evening News (Accra). 10.06.1967.
21. Staar R. F. Foreign Policies of the Soviet Union. Stanford: Hoover Press, – 1991.
22. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 62, Д. 56, – Л. 270–271.
23. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 65, Д. 58, – Л. 100.
24. ЦХСД. Ф. 5, Оп. 73, Д. 324, – Л. 11.
25. New Times. – 1976. – № 3. – 1978. – № 28. – 1978. – № 35. – 1978. – № 7.
26. U. S. Department of State. Soviet Influence Activities: A Report on Active Measures and Propaganda, 1986–87. Washington D. C.: Bureau of Public Affairs, August – 1987.
27. U. S. Information Agency. “Soviet Active Measures in the Era of Glasnost”. Report to Congress. Washington D. C. March – 1988.
28. Советская Россия. 20.07.1988 (№ 169).
29. Известия. 19.03.1992 (№ 66).

*Tymofii Oksana Pawliwna,
student, der Aspirantur,
Lehrstuhl für Hotel- und Gaststättengewerbe
Nationale Wassyl-Stefanyk-Universität der Vorkarpaten
E-mail: goranfox@ukr.net*

DIE GEOGRAPHIE DER KIRCHEN AUF DEM TERRITORIUM HUZULENLANDS IN DER UKRAINE

Zusammenfassung: Der intensive Bau von Kirchen im Huzulenland entfällt vom späten 18 bis zum frühen 20 Jahrhundert. Die meisten Gebäude haben bis heute überlebt, ein Teil von ihnen wurde umgebaut und die zerstörten Kirchen des 19 und frühen 20. Jahrhunderts wurden wieder hergestellt. Der Artikel handelt vom Kataster, von der Bauzeit, von der geographischen Verbreitung und Dichte der huzulischen Kirchen. Es ist vom Autor bewiesen, dass die größte Anzahl der Kirchen entlang der Wasser- und Transportwege, in der Nähe von Verwaltungs- und Industriezentren konzentriert war.

Stichworte: Huzulenland, Kirche, geographische Verbreitung und Dichte.

Der südliche Teil ist eine Hochgebirgslandschaft der östlichen Walldkarpaten und wird auch als Huzulenland bezeichnet, denn es ist das Hauptsiedlungsgebiet der Huzulen. Das Huzulenland ist eine historische und ethnographische Region in der Westukraine, im Südwesten der ukrainischen Karpaten (das ist ein Gebiet der Bergregionen von Oblasten Czernowitz, Transkarpatien, Iwano-Frankiwsk und Lwiw). Der Bau von Holz- und Steinkirchen fand im Huzulenland intensiv vom späten 18. bis zum frühen 20. Jahrhundert statt. Die ersten schriftlichen historischen Erwähnungen von Zeit und Ort des Kirchenbaus sind aber sehr selten. Diese Untersuchung soll die geographische Verteilung und Dichte der Kirchen im Huzulenland zeigen.

Nach den Büchern der Generalvisitation der Kirchen (1701) in den Grenzen Huzulenlands im 17. Jahrhundert funktionieren ungefähr 40 Holzkirchen, die zu vier Dekanaten gehörten (Schukiwer Dekanat – Orte Deljatyn, Dora, Jamna, Mykulytschyn, Bili Osslawy, Tschorni Osslawy, Tschornyj Potik, Runhury, Sloboda Runhurska, Lojewa, Dobrotiw; Kossiwer Dekanat – Orte Berwinkowa, Biloberiska, Dowhopole, Jasseniw Horischnij, Kossiwer, Kossiwer Saryj, Kutu, Rosstoky, Tjudiw; Kolomyjaer De-

kanat – Orte Beresiwer Nyschnij, Beresiwer Wyschnij, Banja-Beresiwer, Brussturiw, Kossmatsch, Mykytynzi, Pysstyn, Ritschka, Scheschory, Tekutscha, Utoropy; Otynjaer Dekanat – Bytkiw, Strymba, Passitschna, Selena) [5, 99]. Die meisten der heute bekannten Kirchen wurden bis zum 18. Jahrhundert erbaut.

Heutzutage sind 166 alte Kirchen in vier Teilen der Huzulenregion bekannt:

- Kossiwer und Kolomyjaer Landkreise – 78;
- Nadwirnaer Landkreis – 34;
- Buchenländisches Huzulenland – 26;
- Transkarpatisches Huzulenland – 28.

2/3 von allen Kirchen der untersuchten Periode wurden im Galizischen Huzulenland, 1/3 – im Buchenländischen und im Transkarpatischen Huzulenland gebaut. Es ist vor allem mit der Gesamtbevölkerung dieser Teile Huzulenlands verbunden. Die regelmäßige Zählung der Landkreise ergab im Jahr 1900 folgende Ergebnisse (tausend Menschen): Buchenländisches Huzulenland – 50, Galizisches Huzulenland – 272, Transkarpatisches Huzulenland – 30. Die Dichte der Kirchen (Einheiten pro 1000 Personen) war im Buchenländischen Huzulenland – 0,5, im Galizischen Huzulenland – 0,4, im Transkarpatischen Huzulenland – 1,0. Der

Kirchenbau in den Buchenländischen, Galizischen und Transkarpatischen Teilen Huzulenlands hängte direkt von der Bevölkerung und den Umsiedlungssystemen ab.

Die Vergrößerung der Bevölkerung hat zum Bau neuer Tempel geführt, insbesondere in den Städten und Städtchen. In dieser Zeit wurden kreuzförmige Kirchen in Deljatyn (1785), Pisstyn (erste Hälfte des 18. Jahrhunderts) und entlang der Eisenbahn Stanislau – Jassinja (Lojewa, Tatariw, Laseschtschyna, Jassinja) gebaut [6, 79]. Das waren die ersten Etappen des Baus von kreuzförmigen Kirchen im Huzulenland und der Beginn der Übertragung vorkarpatischer Konstruktion zum bergigen Teil Huzulenlands. Die gebauten Kirchen wurden Modelle für zukünftige Verbreitung und Wahrung dieser Art.

Aufgrund der geringen Bevölkerungsdichte der Karpaten ist es ziemlich objektiv, dass kreuzförmige Kirchen verbreiteter im 19. Jahrhundert erschienen. Die Kirchen wurden in Dörfern parallel zum Bevölkerungswachstum gebaut. Der Kirchenbau beeinflusste von der Lage der Siedlungen mit den

Hauptverkehrsadern, Einkaufszentren und Industriebetrieben. Der Standort von Kirchen in benachbarten Dörfern beeinflusste den massiven Kirchenbau nach dem Prinzip der Kettenreaktion. So führte der Bau von Kirchen in Werbowez (1850), Roschniw (1851), Pisstyn (1858), Mykytynzi (1859), Malyj Roschyn (1860), Horod (1866), Sokoliwka (1866), Stari Kuty (1868) und von zweiter Kirche in Roschniw (1868).

Im 1939 waren 140 Siedlungen im Galizischen Huzulenland, 55 Siedlungen im Buchenländischen Huzulenland und 25 Siedlungen im Transkarpatischen Huzulenland. Folglich war die Dichte der Kirchen in der Anzahl der Siedlungen: Galizisches Huzulenland – 0,8, Buchenländisches Huzulenland – 0,5 und Transkarpatisches Huzulenland – 1,1. Wie nach der Bevölkerung gibt es ein ähnliches Muster: im Durchschnitt hat jede Siedlung im Transkarpatischen Huzulenland eine Kirche, im Galizischen Huzulenland – fast jedes Dorf und im Buchenländischen Huzulenland hatte nur die Hälfte der Dörfer ihre Tempel.

Referencez:

1. Dragan M. D. Ukrainski dereviani tserkvy [Ukrainische Holzkirchen]. Charkiw, Ukraine: Vydavets Savchuk O. O. – 2014. (in Ukrainisch).
2. Klapchuk V. M. Hutsulshchyna ta hutsuly: ekonomika i narodni promysly (druha polovyna XIX – persha tretyna XX st.) [Huzulenland und Huzulen: Wirtschaft und Volkshandwerke (ab zweiter Hälfte des 19. Jahrhunderts bis zum ersten Drittel des 20. Jahrhunderts)]. Iwano-Frankiwnsk, Ukraine: Foliant – 2009. (in Ukrainisch).
3. Klapchuk V. M. & Klapchuk M. M. Deliatynshchyna: istoryko-heohrafichne doslidzhennia [Deljatyn: historische und geographische Forschung]. Iwano-Frankiwnsk, Ukraine: Foliant – 2007. (in Ukrainisch).
4. Lohvyn H. N. Ukrainskiye Karpaty [Ukrainische Karpaten]. Moskau, UdSSR: Isskusstwo – 1973. (in Russisch).
5. Mohytych I. R. Kreshchatyye tserkvi Gutsulshchyny [Die kreuzförmigen Kirchen Huzulenlands]. P. 97–107. (in Russisch).
6. Prybieha L. V. Dereviani tserkvy Ukrainskykh Karpat [Die Holzkirchen in den Ukrainischen Karpaten]. Pratsi Tsentru pamiatkoznavstva, 22, – 2012. – P. 74–85. (in Ukrainisch).
7. Protsak R. Tserkvy Prykarpatskoho kraiu [Die Kirchen im Vorkarpatenland]. Iwano-Frankiwnsk, Ukraine: Lileja-NW – 2006. (in Ukrainisch).
8. Sichynskyi V. Istoriia ukrainskoho mystetstva [Die Geschichte der ukrainischen Kunst]. New-York, USA: Naukove tovarystvo im. Shevchenka v Amerytsi – 1956. (in Ukrainisch).

Section 3. Linguistics

Litvinova Natalia Viktorovna,
teacher, the Faculty of Foreign Languages,
German Department
Krivoi Rog State Pedagogical University
E-mail: litvinova.natalia.kr@gmail.com

DAS WORT *WIHT* IN DER DEUTSCHEN SPRACHE (DIE DIACHRONISCHE FORSCHUNG)

Zusammenfassung: Im Artikel wird das Wort *wiht* in drei Perioden der deutschen Sprache erforscht. Das Ziel der Forschung ist, die Veränderung der Semantik eines bestimmten Wortes im Entwicklungsprozess der Sprache zu zeigen. Es wird auch der Versuch gemacht, die Etymologie der erforschten Einheit zu verfolgen.

Schlüsselwörter: die Semantik, die Bedeutung, die Periode, die Ableitung, die Zusammensetzung, die Wurzel, die Etymologie, das Element.

Das Wort *wiht* scheint in mehrfacher Hinsicht wegen des wechselnden Geschlechts und der daraus entwickelten abstrakter Bedeutungen merkwürdig. Die Grundbedeutung des Wortes *Wicht* ist "Geschöpf, Wesen, Ding". Im Althochdeutschen und im Mittelhochdeutschen ist das Wort männlich und sächlich, der Plural zum Neutrum lautet *wihti* oder *wihtir*. Das gotische *vaihts* ist weiblich, im Genitiv *vaihtáis* und es wurde fast nicht im konkreten Sinn gebraucht. Es wird aber nicht ausgeschlossen, dass sonst bei den Goten *vaihts* einen weiblich gedachten Geist bezeichnen konnte. Das gotische *vaihts* und das nordische *vætt* oder *vættir* waren weiblichen Geschlechtes. Im Nordischen hat sich der Begriff eines dämonischen, geistigen Wesens rein erhalten und dieses Wort wurde im mythologischen Sinn besonders häufig gebraucht. *Landvættir* waren die Schutzgeister des Landes, *hollar vættir* waren holde, freundliche Geister, *ragvættir* oder *meinvættir* – unholde, feindliche Geister, böse Wichte (mhd. *bæsez wihtel*). Auf den Färöern sagte man 'feâr tû têar til

mainvittis!' (fahr zum Teufel). Im Dänischen war *vette* ein weiblicher Geist, eine Waldnymphe, *meinvette* – ein böser Geist. Die schwedische Sprache besitzte außer *vätt* und dem gleichbedeutigen *vättr* (Neutrum) ein nach dem Deutschen gebildetes Wort *wikt*. Allen diesen Mundarten mangelte auch die Abstraktion nicht [9, 365].

In dem vorliegenden Artikel wird das Wort *wiht* untersucht und wird der Versuch gemacht, die Entwicklung seiner Semantik in drei Perioden der deutschen Sprache zu verfolgen. Unsere Forschung beruht auf dem Stoff der zweisprachigen und etymologischen Wörterbücher und auch auf dem Stoff der originellen Texte des Althochdeutschen und des Mittelhochdeutschen.

Infolge der Analyse des althochdeutschen Wörterbücher wurde sich herausgestellt, dass das Substantiv *wiht* im Althochdeutschen folgende Formen und Bedeutungen hatte: *uuht*, *wih(t)*, *wi(h)th* – I. 1. 'Wesen, Geschöpf, Ding, etwas, Substanz'; 2. 'Mensch, nichtsnutziger Mensch'; 3. 'Wicht' (als

nomen proprium); II. als Indef.-Pron.: ‘etwas, irgendetwas; nichts, nicht, durchaus nicht’ (mit Negation – *ni wiht*).

Alle althochdeutschen Denkmäler schwanken zwischen Neutrum und Maskulinum, jenes gotische Femininum ist ihnen fremd.

In den althochdeutschen Texten kommt das Wort *wiht* überwiegend in den Bedeutungen ‘Wesen, Geschöpf, Ding, etwas, Substanz’ und ‘Wicht’ vor.

*dara quimit ze deru rihtungu so uilo,
dia dar ar resti arstent.*

*so dar manno nohhein **uuhiht** pimidan nimak* [Muspilli]

‘Zur Verhandlung kommen sovieles dorthin,
die von der (Todes-)Ruhe auferstehen
Dort kann kein Mensch **etwas** verbergen’
*uuola, **uuhiht**, taz tu uueist,
taz tu **uuhiht** heizist* [Hausbesegung]
‘gut, **Hausgeist**, dass du weißt,
dass du **Hausgeist** heißt’

Im ‘Evangelienbuch’ von Otfrid wurde *wiht* mit den Pluralformen *wihtir/wiht* in der Bedeutung ‘arme, krumme Geschöpfe’ gebraucht: *armu wihtir, armu wihti, krumbu wihti*.

Im Mittelhochdeutschen hatte das Wort *wiht* solche Bedeutungen: I. 1. ‘Wesen, Ding, Geschöpf’; 2. ‘Wicht’ (als etwas Geringfügiges, was gar nicht in betracht kommt, etwas Untaugliches, Unnützes, Vergebliches); II. als Indef.-Pron.: ‘nicht etwas, nichts’ (*newiht, enwiht, niwiht*). Die Bedeutung ‘Wesen’ wurde vor allem von lebendigen Wesen gebraucht: a) von Menschen; b) von märchenhaften Geschöpfen; c) von bösen Geistern, namentlich dem Teufel, d) von Zwergen.

Betrachten wir diese Bedeutungen anhand der Texte der mittelhochdeutschen Periode.

1. a) *ein arger **wiht** bin ich genant* [8, 236].

‘ich bin ein schlechter **Mensch** genannt’

b) *in demo mere sint wunderlihu **wihtir**, diu hei³ent sirenae* [7, 50].

‘im Meer sind wunderbare **Wesen**, die Sirenen heißen.’

c) *unreine créature und arger **wiht*** [5, 75].

‘unreines Geschöpf und böser Geist’

2. *diu rede wurde mir ein **wiht*** [16, 536]

‘das Gespräch wurde mir **unnütz**’

Im Neuhochdeutschen wurde das Neutrum durch das Maskulinum verdrängt. In den Wörterbüchern finden wir das Substantiv *der Wicht* mit folgenden Bedeutungen: 1. ‘der Kleine, kleiner Kerl (von Kindern)’; 2. ‘der Schurke, der Schuft’; 3. ‘der Zwerg, der Hausgeist, der Kobold’. Das Neutrum herrschte mundartlich und vereinzelt schriftsprachlich in Nordwesten des deutschen Sprachgebiets, doch fast ausschließlich in den Bedeutungen ‘Mädchen, Kind’. In Niedersachsen sagte man *wiht* ganz in gutem Sinn von kleinen Kindern, im Münsterland galt *dat wiht* im Singular vorzüglich nur von Mädchen und die Pluralform *wichter* von Knaben und Mädchen.

http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=BMZ&mode=Vernetzung&le-mid=BW01546 Das Lexem *wiht* kommt nicht nur als selbständiges Wort vor, sondern es gibt Ableitungen mit diesem Stamm, die zu verschiedenen Wortarten gehören. Da die Wortbildung als einer der wichtigsten Wege der Bereicherung der althochdeutschen und der mittelhochdeutschen Lexik auftritt, gewinnen in der Bildung der neuen Wörter sowohl die Ableitung als auch die Zusammensetzung immer mehr an Bedeutung.

In den Wörterbüchern der althochdeutschen Periode gibt es folgende Ableitungen: *wihtes* Adv. ‘etwas, keineswegs (= ni wihtes)’

*wihteli*h Pron.–Subst. ‘jedes Ding, jedes Wesen’

wihtheit ‘unnützes Zeug, Nichtigkeit’

wihttrago ‘Possenreißer, Windmacher, Lügenbote’

inwiht Adj. ‘nichtig’

inwihtheit ‘Albernheit, Nichtigkeit’

io-wiht (*ewiht, iawiht, ieweht, ieht, iet*) unbestimmtes Pron.-Subst. ‘irgend ein Ding, irgend etwas, etwas’

nio-wiht, nioweht, niawiht, niewit, niewet, niht, nih Pron.-Subst. ‘nichts, nichtig, nicht’

Im Mittelhochdeutschen nimmt die Zahl der abgeleiteten Wörter mit dem Stamm *wiht* bedeutend zu: *wihte-gelich* adj. "alle Geschöpfe, Tiere"

wihtlich adj. "kreatürlich"

wihtel, *wihtelîn*, *wihtelchîn* (*wihtilchîn*) *stn.* "kleiner Dämon, Kobold, Wichtel, Wichtelmännchen, Zwerg, Lemur, Penates; Puppe im Puppenspiel"

wihtinne Subst. zu *wiht*.

bæsewiht "elender, erbärmlicher Geselle"

hellewiht "Höllenwicht, Benennung des Teufels"

huor-, *huoren-*, *hüeren-* *wiht* "Hurenkerl"

niwiht, *newiht* "nicht etwas d.i. nichts"

enwiht "nicht etwas, nichts"

en-wiht, *ein-*, *in-wiht* "unnütz, nutzlos, unbrauchbar; sinnlos, wertlos; unwürdig, ehrlos"; ungültig, nichtig; kraftlos, schwach"

ie-wiht "etwas anderes"

Im Neuhochdeutschen verringert sich die Zahl der Ableitungen bis zu einem Wort *das Wichtelmännchen* 'Zwerg, (freundlicher) Hausgeist, Kobold (in der germanischen Mythologie)'. Alle abgeleiteten Wörter sind nach folgenden Bildungsmodellen gebildet:

1. Stamm + Suffix: ahd. – 2 Wörter, mhd. – 4, nhd. – 0.

2. Stamm des Adverbs + substantivischer Stamm: ahd. – 3 Wörter, mhd. – 3, nhd. – 0.

3. Stamm + Stamm + Suffix: ahd. – 1 Wort, mhd. – 0, nhd. – 0.

4. Stamm + Stamm (*wiht* als Bestimmungswort): ahd. – 1 Wort, mhd. – 0, nhd. – 0.

5. Stamm + Stamm (*wiht* als Grundwort): ahd. – 0, mhd. – 3 Wörter, nhd. – 0.

6. Stamm + Stamm + Suffix (*wiht* als Bestimmungswort): ahd. – 0, mhd. – 0, nhd. – 1 Wort.

Zu den produktivsten Suffixen der Ableitungen von *wiht* bei den Substantiven gehören *-heit*, *-in*, *-chîn*, die sich gerade in der althochdeutschen Periode entwickelt haben. Das Ableitungssuffix der nomina abstracta *-heit* entwickelte sich aus dem selbständigen Wort ahd. *heit* 'Person, Persönlichkeit, Gestalt'. Es diente zur Bildung abstrakter Substantive, die ent-

weder einen Zustand oder eine Eigenschaft bezeichnen. Das Suffix *-inna/-in* (< germ. *-injō*) diente zur Bildung von femininen Substantiven. In mhd. Zeit wurde der Vokal des Suffixes gelängt (*în*). Darauf geht das moderne Suffix *-in* zur Bildung weiblicher Bezeichnungen, die von Maskulina abgeleitet sind, zurück. Das Suffix *-chîn* (< *ch* + *în*) wie *-lîn* (< *l* + *în*) entstand vom germanischen Suffix *-l*, das diminutive Bedeutung hatte und auch in Kosenamen verwendet wurde (got. *Wulfila* 'Wölflin'). Außer dem Suffix *-l* hatte das Althochdeutsche zur Bildung von Diminutiva und Kose – bzw. Spitznamen auch ein vokalisches *-î*-Suffix. Später ist durch falsche Abtrennung das althochdeutsche Suffix *-chîn* (< *ch* + *în*), heute *-chen* entstanden.

Das Ableitungssuffix der Adjektive *-lih* stammt von dem ahd. Substantiv *lih* 'Leib', 'Gestalt', 'Körper' und bezeichnete die Ähnlichkeit. Es wurde zur Bildung zahlreicher Adjektive mit abstrakter Bedeutung benutzt. [12, 129–133].

Das Element *eo/io* in den unbestimmten (Indefinit-) Pronomina *eowiht*, *iowiht* 'irgendetwas' ist ein Adverb, das dem engl. *ay* 'immer' und dem ahd. *ēwig* 'immer, ewig' nahe steht. Berücksichtigt man die Semantik dieser Komponente, man kann vermuten, dass diese zusammengesetzten Wörter *eowiht*, *iowiht* ursprünglich 'welche Sache auch immer' bedeutet haben, woraus sich die Bedeutung 'irgendeine Sache > etwas' entwickelt hat.

Die negativen Pronomina wurden von den unbestimmten mit Hilfe der Negation *ni-/nih-* gebildet, die mit dem Wurzelmorphem zusammengezogen wurde: *nio-wiht* 'nichts' (> dt. *nicht*) [12, 84–85].

Was die Etymologie des Wortes anbetrifft, ist die Herkunft unklar. Das ist das gemeingermanische Substantiv aus germ. **wihti-*, **wihtiz*, **wehti-*, **wehtiz*, (Femininum) 'Wesen, Sache, Ding', idg. **uēkti-*, 'Sache, Ding' oder einer ähnlichen Stammbildung, eventuell auch verschiedenen nebeneinander mit der Bedeutung 'Sache, Wicht', auch got. *waihts* (Femininum) 'Ding, Sache', got. *niwaiht* (Neutrum) 'nichts', anord. *vættr*, *véttr* (Femininum) 'Sache,

Lebewesen', ae. *wiht* (Femininum/Neutrum) 'Wesen'. Das Neutrum ist auch in *nicht(s)* erhalten geblieben. Außergermanisch entspricht das Wort *wiht* nur akslav. *veštī* (Femininum) 'Ding, Sache' (aus **weg-* oder **weig-*). Nach V. Lewizkij hatte das Wort *wiht* die Bedeutung 'Sache' (wie russ. *вещь* 'Ding, Sache' – gleicher Herkunft aksl. *вещь*, urslaw. **vektb*, germ. **wehta-/wihti-*) [12, 84]. Weitere Beziehungen fehlen. Dieses Wort wurde als Tabuwort gebraucht, da die Germanen sich scheuten, übernatürliche Wesen, Kobolden mit ihren eigentlichen Namen zu nennen und setzten dafür *wiht*.

Die Geschichte des Wortes ist weniger durch Wandlungen seines Sinngehaltes als vielmehr durch seine wechselnde Bewertung gekennzeichnet. Infolge der geschichtlichen Entwicklung hatte das Wort *wiht* den Übergang der Bedeutung von 'Ding, Sache' in 'Teufel'.

Die Grundbedeutung 'Ding, Wesen, Kreatur' war mit der Zeit nicht mehr geläufig, klang aber in

einzelnen Verwendungen doch noch deutlich an: *armer, ärmlicher, erbärmlicher, dummer wiht*. Die Verbindungen dieser und ähnlicher Art dienen meist zur Charakterisierung einer unvermögenden, unbedeutenden, einfältigen Person. Das Wort *wiht* stellte in diesem Fall das Kraftlose des Menschen dar, der dadurch unnütz und unbrauchbar wurde.

Im Mittelalter scheint in den literarischen Quellen die abschätzige Bewertung sowohl in der Anwendung auf Menschen wie auf übernatürliche Wesen zu überwiegen. Im 17. Jahrhundert lebte das Wort fast nur noch in Diminutivbildungen in der Schriftsprache weiter. Im 18. Jahrhundert wurde es neu belebt, vor allem im Sinne 'armer (unglücklicher) Wicht' und 'Kobold'. Im ersten Sinne diente es allgemein zur Bezeichnung bemitleidenswerten Menschen, oft in der Selbstaussage, auch von unterdrückten, sozial niedrigstehenden Menschen. Im zweiten Sinne entstand die Bedeutung unter dem Einfluss von Tabuvorstellungen.

References:

1. Левицький В. В. Основи германістики / Віктор Васильович Левицький. – Вінниця: Нова Книга, – 2006. – 527 с.
2. Москальская О. М. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / О. М. Москальская. – М., – 2003. – Т. 1. – 860 с. – Т. 2. – 656 с.
3. Benecke G. F., Müller W., Zarncke F. Mittelhochdeutsches Wörterbuch: Mit Benutzung des Nachlasses von G. F. Benecke: in 4 Bänden. – Leipzig: Hirzel, – 1854–1866; Reprint: Hildesheim: G. Olms, – 1986. – Bd. 1–3. – XXII, – 3664 s.
4. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Konrad Duden. – Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, – 1996. – 1816 s.
5. Die Erlösung. Mit einer Auswahl geistlicher Dichtungen hg. von K. Bartsch. – Amsterdam, – 1966. – S. 1–186.
6. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – Berlin, – 1993. Band 2. – S. 821–1665.
7. Fundgruben für Geschichte deutscher Sprache und Literatur hg. von H. Hoffmann. – Hildesheim, – 1969. – 537 s.
8. Heinrich von Meißen. Frauenlob. Hg. von K. Stackmann und K. Bertau. – Göttingen, – 1981. – 370 s.
9. Grimm J., Grimm W. Deutsche Mythologie: In 2 Bänden/Besorgt von E. Hugo Meyer. – 4. Aufl. – Berlin: Dümmler, – 1875–1876. – Bd. 1. – S. 537; – Bd. 2. – 1044 s.
10. Köbler Gerhard. Wörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes / Gerhard Köbler. – München-Wien-Zürich: Gerhard Köbler Verlag, – 1993. – 1350 s.
11. Langenscheidts Großwörterbuch. – Berlin, – 1997. Band 1. – S. 1076. – Band 2. – 1177 s.

12. Lewizkij V., Pohl Heinz-Dieter. Geschichte der deutschen Sprache / Lewizkij Viktor.– Winnyzja: Nowa Knyha,– 2010.– 254 s.
13. Lexer Matthias. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / Matthias Lexer.– [34. Aufl.].– Leipzig,– 1974.– 343 s.
14. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch / R. Schützeichel – 7., durchgesehene und verbesserte Auflage, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin / Boston,– 2012.– 414 s.
15. Otfrieds Evangelienbuch / Hrsg. von O. Erdmann.– Tübingen: Max Niemeyer Verlag,– 1984.– 311 s.
16. Tristan und Isolde. Fortsetzung Heinrichs von Freiberg. In: Gottfried von Straßburg, Werke. Hg. von F.H. von der Hagen. Bd. 2. Halle,– 1906.– Teil II, – S. 1–211.
17. Wahrig– G. Deutsches Wörterbuch / Gerhard Wahrig.– [7.Aufl.].– München,– 2000.– 1451 s.
18. Wackernagel W. Altdeutsches Handwörterbuch / Wilhelm Wackernagel – Reprint: Hildesheim: Olms,– 1971.– 409 s.

Petrova Elka,
student, University of Plovdiv
"Paisii Hilendarski",
Bulgaria, Plovdiv
E-mail: elka.petroff@gmail.com

PRAGMATICS OF FORMS FOR ADDRESSING A STRANGER (OBSERVATIONS ON BULGARIAN, CZECH AND SPANISH LANGUAGE)

Abstract: Addresses are one of the thematic subsystems of etiquette formulas, they have a function of establishing contact, and they attract the attention of the interlocutor. This article examines the the forms for addressing a stranger in several linguocultures, in particular its place in the in the speech etiquette of Bulgarian, Czech and Spanish language.

Keywords: forms for addressing a stranger, speech etiquette, Bulgarian, English, Spanish.

Communication is defined as a complicated and complex activity for exchange of information and this makes it an interesting subject for research by scientist working in various fields of knowledge such as psychology, psycholinguistics, sociolinguistics, culture studies, paralinguistics, etc. Each particular society has formed a system of rules and norms of behaviour during communication. A significant part of the principles and norms of communication are related to the generally accepted standard of selection of relevant words and expressions that are appropriate to the sphere, the situation, respectively to the social status, the age, the position and the gender of the participants in the communicative act. *Addresses* are one of the thematic subsystems of etiquette formulas, they have a function of establishing contact, and they attract the attention of the interlocutor. The comparative analysis of *the forms for addressing a stranger* in the speech etiquette of Bulgarian, Czech and Spanish language makes it possible to highlight the cultural nuances and, at the same time, to bring out the common features in the speech behaviour of the bearers of the studied languages. *The subject* of the present study are *the addresses to a stranger* that are used in oral communication because they are less affected by the emotional attitude of the person who

first uses them to attract the attention of the person who he/she talks to (without relatives and acquaintances we are not always "etiquette" polite). The actuality of the study is determined by the tendency of studying in comparative plan the problems of communication, and the common and specific features in the speech etiquette of the languages, and making teaching and learning a foreign language easier through knowledge of the culture and the national psychology typical for the its bearers.

The objective of the present study is to examine and analyse the characteristics of the existing forms in the Bulgarian, Czech and Spanish speech etiquette for addressing during communication with a stranger, and to provide appropriate examples and to briefly make clear the characteristics of *the addresses* as one of the thematic subsystems of etiquette formulas. In particular, to highlight and summarize the universal and specific features of verbal means of *addressing a stranger* during oral communication. We set the limit to analyze the typical *forms of addressing a stranger* used by Spanish speakers in Spain, as well as not to refer to *addresses* used during communication with a stranger but in jargon (**bg.** *dyuo, maqe, myqe*, etc.) or typical for certain social groups and thus suggesting tge presence of distinctive features by some

of the participants in the communication (as is the case with the military), or involve, to a great extent, an emotion based on hatred.

1. Speech etiquette and addresses

With a view to the objectives set, we consider it necessary to present briefly the nature of *speech etiquette* and the characteristics of *addresses* as one of the thematic subsystems of etiquette formulas.

1.1. Speech etiquette – nature

Issues related to the nature and the characteristics of *speech etiquette* are considered by a number of language researchers. The most commonly accepted formulation of *speech etiquette* in scientific researches is that of the Russian linguist N. I. Formanskaya, according to which *the speech etiquette* is a macrosystem of national-specific fixed formulas for communication, accepted and prescribed by society to establish contact between the interlocutors, to maintain communication in a selected tone [5, 8]. Speech etiquette includes means from all linguistic levels – morphological, lexical, phonetic, sometimes accompanied by paralinguistic elements. With a view to the objective set, the thesis which is well-grounded by researchers like Vl. Georgiyav, M. Firsova, N. I. Formanskaya, etc. is important to us. According to this thesis speech etiquette is socially and nationally conditioned, depends on the mentality and the attitude of the linguistic individuals towards the objects and phenomena of reality, and yields to various changes, which can be seen within short historical periods. According to us a demonstrative example in this direction are the differences in *the formulas for addressing strangers* during different historical periods in which the structure of society is different – for example, the feudal system which is characterized by addresses like **bg.** *Ваша милост, Ваша светлост, etc.*, the Middle Ages – **bg.** *кир, ефенди, чорбаджи*, the socialist period – **bg.** *другар, другарка*, these days – **bg.** *господин, госпожа, госпожица*. It is also characteristic of the Spanish speech etiquette that during communication between a student and a

teacher in a higher educational institution (strangers) it is appropriate to use informal forms, the usage of *tú* – “you” is typical (i.e. second person singular is preferred).

1.2. The addresses – characteristics

In science, the address is defined as “a word or words with which the person who is being talked to is called” and the one who they address is the many-sided partner in the act of speech communication [1, 507]. *Addresses* are called by M. Ivanova as one of the most frequently used five thematic subsystems of etiquette formulas in the Bulgarian speech etiquette [4] and their main function is to call the person who is being spoken to, to attract his/her attention. In the subsystem of etiquette formulas for *addressing*, the first distinction, depending on the usage of particular etiquette units, is sought in the affiliation of these units to one of the two major groups: 1) Formulas for addressing an unfamiliar partner in speech communication; 2) Formulas for addressing a familiar partner in speech communication. In the present study only the characteristic features of the first group of etiquette units will be considered. The means of addressing can be considered in three aspects – morphological, lexical and modal. Different languages have specific ways of expressing the address. In Czech and Bulgarian there is a vocative form, unlike in Spanish where there is not such characteristic. The specific thing is that in Czech there is a vocative form for the nouns of female and male genus, and Bulgarian has several possibilities to highlight the address – *vocative forms or basic forms for the nouns* (e.g. **bg.** *Милена – Милено*), *vocative forms for the adjectives* (e.g. **bg.** *Уважаеми, мили, драги, etc.*), *using the definite article* (in communication with strangers – e.g. **bg.** *Госпожата с чадъра, върнете се!; Малката, падна ти якето!*), *particles* (like **bg.** *бе, бре, мари, etc.*). In most Slavic languages we can see a common tendency to dropping out of the vocative form. However, this process has characteristic and specific features in each one of the Slavic languages [4].

2. Forms of addressing a stranger in Bulgarian, Czech and Spanish language

Some of the most commonly used formulas for attracting a stranger's attention are the following words or expressions: in Bulgarian – *извинете, прощавайте, бихте ли, ако обичате*, in Czech – *prosím vás, Promiňte, buďte tak laskav*, etc., with or without a vocative form like: *господине, госпожо*, etc. Similar to the given examples of modal means are used when we need to ask the future interlocutor a question. Interjections like **bg.** *ало, хей, ехо, ей*// **cz.** *jo, nojo*, etc. can also be used for addressing a stranger, but they are considered an act of bad manners and impoliteness. Analogical to the presented expressions in Spanish are **perdón, perdone, pedóname, disculpe**, but we should define precisely that they are not so often used by Spanish speakers because it is not an act of arrogance or bad manners for them to talk to someone familiarly and the usage of more informal addresses toward strangers.

According to us the presented formulas can be defined as “neutral” in terms of gender of the addressee and the other etiquette units, existing in the class of *formulas for addressing an unfamiliar partner in speech communication*, can, respectively, be set up in subclasses: 1) forms for addressing a male unfamiliar addressee; 2) forms for addressing a female unfamiliar addressee. These two subclasses are studied separately.

2.1. forms for addressing a male unfamiliar addressee

The most often used forms for addressing a male unfamiliar addressee in Bulgarian and Czech language are **bg.** *господине* /**cz.** *pane*. The address **Mladý muži!** is used in Czech and it usually adds some irony and applies to representatives of the older generation. It is defined in dictionaries that the word **bg.** “господин” is derivative from the noun **bg.** “госпоа” (God) and at the beginning its meaning was “owner of a home, property, landlord, a synonym of master”. The word began to be used in the meaning of “polite naming of a man with an urban appearance,

usually an elderly” [6, 318] during the Renaissance in order to be included in the European civilization and under Russian influence. The use of the addresses **bg.** *дъзгъп* / **cz.** *soudruh* and **bg.** *гражданин* in Bulgarian and Czech was imposed after the 1944 changes. Today these addresses are perceived as irrelevant.

The courteous form *señor* has been established for addressing a male stranger in Spain. The appellative *caballero* (literally gentleman) is used very rarely and is not even inherent in certain communicative situations (it is used in conversations on the street but not as much in situations when the interlocutors are in a café, a bar, or an institution). It is not the custom to use the addresses *señor* and *caballero* in situations when the appearance of some of the interlocutors is indicative of their lower social status. An example of the use of the addressing in question is:

A: Un café solo. (Just a cup of coffee.)

B: Aquí tiene, señor. (Here you are, sir.)

Other forms of addressing boys and youngsters are: *hijo, joven, chico, chaval, muchacho*. An appropriate example is the following situation:

Un chico empieza llorar. Una mujer que pasa la dice: (A boy starts crying. A woman, who passes by, tells him:)

– Por qué lloras, **chico**? Te puedo ayudar en algo? (Why are you crying, boy? Can I help you with anything?)

There are a number of other addressings that are not a subject of detailed analysis in the present study, but are characteristic of the younger generation's speech style and are often used – **Tronco, Macho, Tío**, etc. However, they would be accepted as insulting and rude if used in a conversation between an adult and a young person.

2.2. forms of addressing a female stranger

There are many similarities in the formulas of addressing a female stranger in Bulgarian and Czech as Slavic languages. It is characteristic of both languages to use the words of title in their vocative form. For example in Bulgarian – *госпожо, госпожице*, in

Czech – *paní, slečno* (unlike the mentioned *Mladý muži!*, the use of *mladá paní* is considered a sign of courtesy in Czech, and *mladá* does not always mean the actual age of the referent). The use of *госпожа/paní* is very common respectively in Bulgarian and Czech. *Госпожа*, like *господин*, is a derivative word from the noun “господ” (God) and is initially used for the wife of the owner of a home or property, landlady, a synonym of “mistress”. The Russian influence in the use of *господин* (**en.** mister) can also be seen in phonetic sense – the Russian form “госпожа” (**en.** madam) is adopted instead of the normal for the Bulgarian language “госпожда”. In regard to the establishing of the form “госпожа” (**en.** madam) Naiden GeroV writes in his dictionary – *bg.* «... От нѣколко врѣмѣя сѣж подкачили да казват на женѣ-тъмъ госпожвм. *господарка*... (**en.** ... Recently they started telling women – you are a madam instead of mistress...” [2, 241]. There is also the addressing *bg. дръзгарка/cz. soudružka* (**en.** comrade) respectively in the culture of Bulgarians and the Czech. It is characteristic of a certain historical period (the changes after 1944) when the addressings *госпожо/госпожице* (**en.** madam/miss) were characterized as “elements of the culture of the bourgeois society” [3, 29]. Nowadays the addresses *bg. дръзгарка/cz. soudružka* are not considered appropriate in a conversation with a stranger because the remind of previous times and would show special attitude of the speaker toward the ideas of socialism.

The lexical means (appellatives) of addressing a female stranger established and used by Spanish speakers in Spain are as follows:

- *señora* (**bg.** *госпожа/en.* *madam*) – it is used for addressing a middle-aged or elderly woman, as well as a married woman. It is interesting that this addressing is used for a woman who is supposed (judging by her appearance or behaviour) to be intelligent or to belong to a certain upper class of society. Nowadays this addressing is used more and more rarely since *señorita* is preferred in institutions and

in public places when communicating with strangers. A casual conversation between a client and a shop assistant could be an example of this:

A: *Señorita*, muéstreme ese collar, por favor. (**bg.** Госпожице, покажете ми това колие, моля./**en.** Miss, show me that necklace, please.)

B: Sí, señor. (**bg.** Да, господине./**en.** Yes, sir.)

- *señorita* (**bg.** *госпожица/en.* *miss*) – it is used to address a young girl, maiden, or a single woman. As already mentioned, this address gains popularity and is more commonly used in oral communication with strangers.

There is a widespread neutral form of addressing a stranger (for example, in public transport, on the street) – *Oiga* (literally in Bulgarian – Слушайте! (**en.** Listen!)) – for the Bulgarian speech etiquette such an addressing is not characteristic – it is similar to Хей! (**en.** Hey) and when it is used it is perceived as inappropriate and a sign of rudeness). An example of a communicative situation between two passers-by could be:

A: *Oiga*, puede decirme dónde estoy? (literally in Bulgarian – Слушайте, можете ли да ми кажете къде се намирам?/**en.** Listen, could you tell me where I am?) Similar in Bulgarian – Хей, можете ли да ми кажете къде се намирам?/**en.** Hey, could you tell me where I am?

B: Sí. Usted está en la calle “Soledad” (**bg.** Да. Вие сте на улица “Соледад”/**en.** Yes. You are on Soledad Street).

The courtesy form *por favor* (**en.** Please) is added to the addressing *Oiga* very often. We could give the following example:

A: *Oiga, por favor*, para ir a la calle Esperanza? (Listen, please, how can I get to Esperanza Street?) – **bg.** Извинете, как да стига до улица “Есперанса”?/**en.** Excuse me, how can I get to Esperanza Street?

B: La calle Esperanza es muy larga. A dónde va usted? (Улица “Есперанса” е много дълга. Вие къде отивате?/**en.** Esperanza Street is very long. Where are you going?)

The use of the pronoun *usted* (courteous you) along with the neutral form of *Oiga* is also observed, though rarely:

A: *Oiga, usted*, ¿este autobús va al puerto? (Listen, does this bus go to the harbour?) – **bg.** Хей, Вие, този автобус отива ли на пристанището?/**en.** Hey, you, does this bus go to the harbour?

B: Sí, como no. (Yes, of course.)

The forms to attract the attention of a female to whom we talk are: *Perdón, Perdona, Perdóname, Disculpe*. They are used in communicative situations between strangers on the street, when one of them wants to attract the attention of the other and to ask for help.

A: *Perdona*, se baja en la próxima? (**bg.** Извинете, ще слизате ли на следващата (спирка)/**en.** Excuse me, are you getting off at the next (stop)?

B: No, pase, pase. (**bg.** Не, минете, минете./**en.** No, pass, pass.)

A: *Disculpe*, este es el hotel España? (**bg.** Простете, това ли е хотел “Испания”?/**en.** Excuse me, is this hotel Spain?)

B: Sí, señor. (**bg.** Да, господине./**en.** Yes, sir.)

The use of different forms of addressing a stranger is also related to the age of the person who talks. Addresses like *tenga la bondad, haga el favor de + inf., sería tan amable* are often used by the older generation in Spain.

Example:

A: *Haga el favor de decirme*, qué autobús va a la Catedral? (**bg.** Можете ли да ми кажете кой автобус отива до катедралата?/**en.** Could you tell me what bus goes to the cathedral?)

Attracting the attention of the person who we are talking to can also be realized through stereotyped formulas such as *Sabe usted, Puede decirme*.

Ex.: 1) A: *Puede decirme*, si para cerca del mercado hay alguna parada de autobuses? (**bg.** Можете ли да ми кажете дали близо до пазара има някаква автобусна спирка?/**en.** Could you tell me if there is a bus stop near the market?)

2) A: *Sabe usted*, cómo puedo ir a la sala de conciertos? Está lejos? (**bg.** Знаете ли как мога да стигна

до концертната зала? Далеч ли е?/**en.** Do you know how can I get to the concert hall? Is it far away?)

B: No, está al lado del aeropuerto. (**bg.** Не, до летището е./**en.** No, it is next to the airport.)

The use of second person plural *usted* (i.e. courteous you) is observed in the situations mentioned. This shows that in some situations in Spanish it is adopted to use second person plural when talking to a stranger, for example in the metro, on the street, etc. However, the use of second personal singular (you) is more common.

Nowadays, just like in Bulgarian and Czech language, interjections like (compare *Pss, Eh, Ea*, etc.), which have a touch of familiarity and even rudeness, and are not even a subject of research and analysis in the present study, are used for attracting the attention of a stranger among youngsters.

In our opinion, the addressing toward female strangers have saved its official status and is an expression of respect. An indicative example of this is the use of courteous forms like *señorita/doña* even for children. Despite the use of the courteous form, it is preferred to use second person singular (“you” form). An interesting fact is that if in Spain someone addresses a female stranger with the courteous form, she may be offended because it is assumed that she is made look older this way.

It can be summed up that, unlike the Bulgarian and Czech culture, the use of second person singular is preferred for addressing even strangers in Spain. The use of of the courteous form by the person who talks shows that they do not know the Spanish culture and it may even be accepted for insult.

We could summarize that there are many similarities between the characteristics of the *addresses to a stranger* typical for the speech etiquette of the Bulgarian and Czech language, whereas in the speech etiquette of the Spanish language there are typical addresses, which it is difficult to find an analogue to. The Spanish speech culture is very different from the Bulgarian and Czech ones. The selection of an appropriate *addressing to a stranger* in all

three languages studied depends on their sex, age, social status.

Conclusion

The following conclusions can be made after the analysis of the characteristics of the existing forms of addressing a stranger in Bulgarian, Czech, and Spanish, and the brief presentation of the characteristics of those *addresses* as one of the thematic subsystems of the etiquette formulas:

First. Etiquette formulas of *addressing a stranger* in Bulgarian, Czech, and Spanish are distinguished by their originality and richness.

Second. A distinction between the etiquette units used for addressing a male or female stranger can be made. There are also neutral ones expressed by mod-

al means which are preferred by the Bulgarians and the Czechs but not by the Spanish speakers.

Third. One of the typical ways of addressing in the Czech and Bulgarian is the use of vocative form which does not exist in Spanish.

Fourth. The selection of addressing depends on the social status, sex, age of the person who we talk to but also on our emotional state, level of education.

In addition: This research is indicative that the comparative analysis of the characteristics of the speech etiquette of Bulgarian, Czech, and Spanish is necessary not only for mastering the specifics of the different languages, but also for getting to know the culture of Bulgarian, Czech and Spanish speakers.

References:

1. Андрейчин Л. И др. Български тълковен речник, II изд. – София, –1963.
2. Геров Н. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. – Т. 1. – Пловдив, – 1895.
3. Георгиев Ст. Морфология на съвременния български език. – София, – 1983.
4. Иванова М. Лингвистични и методически проблеми на българския речев етикет. – София – 1987.
5. Форманская Н. И. Русский речевой этикет лингвистический и методологический аспекты. – Москва, – 1982.
6. Речник на българския език. – Т. 3 (Г – Деятел). 2. доп. и прераб. изд. – София, А.И. “Проф. Марин Дринов”, ЕТ “ЕМАС”, – 2006.

*Prokopieva Svetlana Mitrofanovna,
Professor, Dr.habil.sc., Leiterin des
wissenschaftlichen Bildungszentrums
"Typologie der Sprachen und interkulturelle
Kommunikation", Nord-Oestliche Foederale
Universitaet namens M. K. Ammosov,
E-mail: dsmplana@mail.ru*

KINETISCHE PHRASEOLOGISMEN IM JAKUTISCHEN LEXIKON

Abstrakt: Die kinetischen Phraseologismen stellen das eigenartige System der Sprache dar, in dessen Grundlage die Beschreibung der Geste einerseits und die Reaktionen der inneren Organe und Koerperteile auf aeussere Reizerreger andererseits liegen. Die Konnotation ist bei den Phraseologismen kategorialbildend. Die idioethnische Spezifik der jakutischen Einheiten der indirekten Nomination wird durch den Ausdrucksplan der festen Wortkomplexe in Konstituentenbestand, Verbindungsmoeglichkeiten, Syntax und Prototypen expliziert. Sie repraesentieren die Eigenart des phraseologischen Weltbildes durch Sitten, Aberglauben, Mythologie, Religion, Symbole, Folklore.

Stichwoerter: kinetische Phraseologismen, Konnotation, Somatismen, idioethnische Spezifik.

Die Forschungsobjekte der Phraseologie sind feste Wortkomplexe, die wie Lexeme bilaterale, zweiseitige Spracheinheiten sind, aber im Vergleich zu Lexemen unterschiedliche Charakteristiken besitzen, sowohl nach dem Formativ als auch nach der Semantik. Die von uns analysierten Phraseologismen sind in den phraseographischen Quellen [1] der jakutischen Sprache kodifiziert. Die bildlichen Phraseologismen geben Aufschluss ueber die Kulturgeschichte, Sitten und Gebraeuche des Volkes. Die Aufdeckung der Bedeutungsuebertragung geschieht durch die Erforschung der Prototypensemantik. In der vorliegenden Arbeit versteht man unter den Phraseologismen „feste Wortkomplexe verschiedener syntaktischer Strukturtypen mit singulaerer Verknuepfung der Konstituenten, deren Bedeutung durch eine vollstaendige oder teilweise semantische Transformation des Konstituentenbestandes entsteht“ [3, 180].

Fuer die bildlichen Phraseologismen sind semantische Umdeutung, Sondergestaltung und Stabilitaet des Konstituentenbestandes charakteristisch. Die invariante innere Form des Phraseologismus ist stabil.

Die bildliche Motiviertheit sichert die konnotative Wirkung. Die Konnotation ist fuer die bildlichen Phraseologismen kategorialbildend. Unter der konnotativen Komponente der phraseologischen Bedeutung verstehen wir wertende Information, die in der semantischen Struktur der phraseologischen Einheit ist und ihr die Expressivitaet verleiht [2, 5].

Als Gegenstand der Erforschung dienen die kinetischen Phraseologismen der jakutischen Sprache. Die kinetischen Phraseologismen stellen das eigenartige System dar. Als phraseobildendes Zentrum dienen die Phraseologismen, in dessen Grundlage die Beschreibung der Geste einerseits und die Reaktionen der inneren Organe und Koerperteile auf aeussere Reizerreger andererseits liegen. Vorwiegende Zahl der kinetischen Phraseologismen stellen die Phraseologismen mit somatischen Komponenten zusammen, deren Grundlage die Benennungen der Teile und Organe der Koerper der Menschen und Tiere bilden. Die somatischen Phraseologismen sind die sprachlichen Universalien und sind allen Sprachen eigen.

Fuer die Erforschung der kinetischen Phraseologismen werden die Methode der phraseologischen

Identifikation, induktive Methode und die Komponentenanalyse verwendet.

Die nationale Spezifik der jakutischen Phraseologismen wird durch den Ausdrucksplan der festen Wortkomplexe in Konstituentenbestand, Verbindungsmöglichkeiten, Syntax und Prototypen expliziert.

1. Die Repraesentation der Spezifik der Phraseologismen besteht in der Wahl der lexikalisch markierten Konstituenten:

1.1. Das Vorhandensein der Realienwoerter in der Struktur der Phraseologismen: *is mina kihi* (der Mensch wie die Bruehe aus den Gekroesen) – ein angenehmer, attraktiver Mensch; *Naachara chaanin chaannan* (seine Blut wurde so (schwarz) wie bei den Jakuten des Ortes Naachara) – sehr grob, boshaft sein. „Naachara“ – der uralte vergessene Volksstamm oder ethnische Gruppe, die sich durch ihren kriegesischen, schweren Charakter, die Grausamkeit von anderen Menschen unterscheiden.

1.2. Das Vorhandensein der Woerter-Nekrotismen, d.h. diese Konstituenten werden als selbstaendige Lexeme ausserhalb des Phraseologismus nicht verwendet oder nur als Ausnahme gebraucht: *uj kurduk istääch* – mit grossem Bauch (an die Rachitis leidende Kinder); *is kiirbäch* – in sich Wohlwollen, Sympathie erwecken.

1.3. Das Vorhandensein der Archaismen als Konstituenten der Phraseologismen: *atach balaj* – wohin die Beine tragen; *doloyojgor tochtot* – aufmerksam zuhoeren.

1.4. Das Vorhandensein der stilistisch konnotierten Konstituente in der Struktur des Phraseologismus: *bäläskin tarbaa* (die Kehle kratzen) – schadenfroh sein; *ämähätittän (kännittän) kumach tochtot* (vom Hintern (hinten) faellt der Sand) – prahlen, loben.

2. Die Repraesentation der Spezifik des Phraseologismus durch die Struktur der Wortverbindung:

2.1. Partizipialkonstruktion: *buuta bīstarinan* – aus allen Kraeften; *ihä iliaḡinan* – bis zur voelligen Saettigung (essen).

2.2. Isafetenverbindungen: *ajach adayata* – der unnuetzige Esser; *atach soboloḡo* (Loesegeld fuer die Arbeit der Beine) – Hochzeitsgeschenke der Eltern oder der Verwandten von dem Braeutigam fuer die Braut.

2.3. Die Verknuepfung zweier Adjektive: *čäpčäki iliilääch* – die leichte Hand (ueber den Chirurgen, der sehr glaenzend die Operationen durchfuehrt); *bytäḡ ättach* (mit geschlossenem Koerper) – der physikalisch und geistig starker Mensch.

2.4. Die synonymischen Wiederholungen: *taha d'alkījan, ihä iirän oloror* (von aussen hat sich bei ihm alles erregt, von innen bei ihm alles zu tosen begann) – sehr verstimmt sein; *bīar bīhayas, tiis tohoyos* (mit nicht voller Leber, mit den Resten der Zaehnen) – der Mensch mit schlechter Gesundheit.

3. Die Repraesentation der Spezifik bei den Phraseologismen mit der Satzstruktur:

3.1. Bestimmt-persoenliche Saetze: *tarbachchīn ajayar ugan biärimä* (lege keinen Finger in seinen Mund) – ihm darf man nicht (ueber den Weg) trauen, vor ihm muss man sich in acht nehmen; *charachchar yyt iḡiachtara suoḡa* – sie werden mit dir kein Mitleid haben.

3.2. Unbestimmte Saetze: *atach tiriitā baranna* – bei ihm blieb keine Haut auf seinen Fuessen (vom langen Gehen); *kiāḡ koḡys kīarata* (breite Schulter wurde enger geworden) – jmd. geriet in die schwierige Lage, weisst nicht wie er sich benehmen muss, ihm ist unheimlich zu Mute.

3.3. Verschiedene Arten der Nebensaetze: *yəhym da bīstia buollar* (als sogar bei mir die Aorta platzt) – koste es, was es wolle; *yryḡ synn'ä bīsta iliginä* (bis sein Rueckenmark platzt) – solange er lebt, wird er nicht einwilligen.

3.4. Interjektionen: *cīḡaayīn sīalannīn* (bis dein Kinn dick wird) – Segenwunsch fuer das satte und wohlhabende Leben; *ajayittan kyoch ot yynyḡ buol-layaj!* (als ob das gruene Grass aus seinem Munde waechst) – so sagt man, wenn man jmdn. tadelt, der mehr als andere das leckere Essen isst.

3.5. Komparative Phraseologismen: *synn'yn astarbīt kurduk* (als ob er in den Rueckenmark gestochen wurde) – bewusstlos fallen; *burgunas inach muohun kurduk* (*burgunas inach muohunuu*) (wie zwei Hoerner der jungen Kuh) – gleich nach Alter, Verstand, Kraft und Moeglichkeiten usw.

Die idioethnischen Phraseologismen der jakutischen Sprache werden durch ihre Prototypensemantik bestimmt. Sie repraesentieren die Eigenart des phraseologischen Weltbildes durch Sitten, Aberglauben, Mythologie, Religion, Symbole, Folklore.

1. Sitten:

– *Bälähigär (tamayar) sillää* – in die Rachenkehle spucken. Der Prototyp dieses Phraseologismus ist mit dem alten Brauch der Einweihung zum Schamanen verbunden. Der alte Schamane muss dem jungen Schamanen seine Geheimnisse anvertrauen und nach dem Abschluss seiner Lehre spuckt der alte Schamane dreimal dem jungen Schamanen in die Rachenenge (Kehle).

– *Tumsun oγunuochtaa* – 1) ueber den Mund streichen; 2) jmdn. gewinnssuechtig bewirten. Zu alten Zeiten war unter den Jakuten die Gewohnheit bekannt, dem Mund des Kindes, das ins fremde Haus kam, mit den Milchprodukten zu bestreichen (schmieren). Danach hatten sie dieses Waisenkind nicht reichlich bewirtet.

2. Aberglauben:

– *Bytāj ättääch* – der physikalisch und geistig starker, kraeftiger, „mit dem geschlossenen Koerper“, d.h. nicht faehig ist, Halluzinationen zu sehen. Der Mensch mit „geschlossenem“ Koerper galt als gesunder und geistig starker und litt nicht an Halluzinationen.

– *Oγotun bīarīn sir*. Dieser Propotyp ist im Brauch: ein Mensch, der ueber 70 Jahre alt ist, benutzt die Zeit, die fuer seine Kinder oder Enkelkin-

der bestimmt ist, was wortwoertlich heisst „die Leber seines Kindes essen“.

3. Mythologie:

– *Abaahī ajaya* – der Mund des Teufels. Das bedeutet „die toedliche Gefahr“.

– *Chaan jach* – der blutige Mund. Der Prototyp verkoerpert die Gestalt eines schrecklichen Wesens, Vampirs.

4. Religion:

– *Komys unuoγun kōtēch, altan unuoγun arana-staa*. Dieser Prototyp ist mit der Religion des jakutischen Volkes verbunden. Frueher existierte ein Brauch, die hochgeehrten Menschen in den Saergen auf hohen Stelzen zu begraben. Wortwoertlich bedeutet „seine silbernen Knochen erheben, in den Sarg seine goldenen Knochen (in den Sarg auf hohen Stelzen) legen“.

– *Atayīnan ärgä barbit*. Die freie Wortverbindung „zu Fuss heiraten“ bedeutete „das Geburtshaus verlassen und heimlich heiraten (ohne Zustimmung, ohne Segnung der Eltern)“.

5. Symbole:

– *Ilii bilsihitā*. Dieser Phraseologismus entstand aufgrund der Umdeutung der symbolischen Handlung „Haendedruecken“ der Menschen, z.B., bei den Sportveranstaltungen.

6. Folklore:

– *Buutun ätā busput, sihin ätā sippit* – Fleisch des Oberschenkels ist reif, Rueckenfleisch ist reif.

Die kinetischen Phraseologismen als bildliche Einheiten repraesentieren das Weltbild des jakutischen Volkes. Die nationale Spezifik der Phraseologismen wird durch die Sondergestaltung dieser festen Wortkomplexe in Konstituentenbestand, Verbindungsmoeglichkeiten, Syntax und Prototypen expliziert. Diese Einheiten der sekundaeren Nomination dienen zur Bereicherung des Wortschatzes der Sprachtraeger.

Referenz:

1. Nelunov A. G. Jakutisch-russisches phraseologisches Woerterbuch. – Novossibirsk: Druckerei SA der RAW, Bd. 1. – 1998. – 287 S. – Bd. 2. – 2002. – 420 s.

2. Prokopieva S. M. Typologische Analyse der Phraseologie des Deutschen und des Jakutischen. – Moskau: Sputnik+, – 2001. – 132 s.
3. Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – M.: Akademija, – 2003. – 256 s.

Secion 4. Pedagogy

*Chotbaeva Erkingul Aymurtzaevna,
Ph. D., (Biology), senior lecturer,*

*Usubaliev Nazaraly Naralievich,
Ph. D., (Medicine), assistant professor,
International Medicine Higher School*

*Usubaliev Kutmanaly Nazarelyevich,
Ph. D., (Medicine) Clinical Hospital of the Presidential
and Government Administration of the Kyrgyz Republic
E-mail: chotbaeva56@list.ru*

THE BEST CLASSICAL AND INNOVATIVE TEACHING SYSTEMS RATIO USE AS A WAY TO INCREASE THE EDUCATIONAL PROCESS QUALITY

Abstract: The article gives a comparative analysis of the using of different ratio of classical and innovative teaching systems in the teaching of medical protozoology and cardiology to foreign students in the higher school of medicine.

Keywords: classical system of training, innovative training, interactive training, emotional intelligence.

At present, there is no doubt that the use of innovative models of teaching improves the quality of the educational process. However, at the same time, the teacher cannot refuse from the classical system of teaching. They complement and enrich each other, helping the teacher in achieving his goals. The task is to determine and use the best ratio of these types of teaching [4]. It should be noted that this task is rather complicated, since there is no unambiguous solution. Obviously, depending on each specific case, discipline, age of students, etc., there are many options for solving this problem.

The article gives the results of the analysis of the use of different ratios of the classical and innovative teaching systems for teaching medical protozoology and cardiology to foreign students at the Higher School of Medicine.

Having certain knowledge and skills is not enough to solve professional problems. These days education should be aimed at developing skills and the formation of a personality competitive in the labor market. To do this, the teacher can use modern pedagogical technologies, new approaches to the organization of training based on progressive information technologies, especially on multimedia and interactive ones. Interactive technologies make it possible to individualize the learning process and adjust it to the personal characteristics and needs of students.

The classical (or traditional) teaching system includes testing, recitation, explanation of new material and performing experiments, while the innovative teaching system with the same stages of teaching differs from the classical one by the increase in the proportion of visual materials (films, slides, drawings

and tables), change of activities [3]. Activities shall mean the following:

- students' ability to listen attentively to the student answering questions and ask their own correct questions on the topic,
- ability to record make an abstract of the slides information,
- ability to understand, make an abstract of and state the essence of videos,
- ability to make a presentation on a given topic and speak to other students [4].

The innovative model of teaching implies the use of personal-oriented learning technologies, where special attention is paid to creating a favorable emotional climate, i.e. positive interaction of participants in the learning process. Thus, the use of such a teaching model also contributes to the development of emotional intelligence in students, especially of such aspects as interpersonal and intrapersonal emotional intelligence. The need to study and find ways and methods of raising the level of this very important group of mental abilities is caused by the expansion of the social components of human nature, which are now becoming the most important factors determining the success of a person. The need for the development of emotional intelligence among medical students as one of the main factors of the successful medical practice was justified earlier in the article concerned with this issue [6].

Three hundred foreign students (India) took part in our research. Classes were given in English, which was not native neither for the teacher, nor for students. In the 2016 academic year, the medical protozoology and cardiology were taught using a more "classical" model (70% of the academic time) for six groups of first-year students and six groups of third-year students respectively. In the 2017 academic year, teaching the above subjects were taught using an "innovative" teaching system (70% of the academic time) for six groups of first-year students and six groups of third-year students respectively as well. Thus, in 2017, innovative approaches to teaching were used in 70% of the academic time; com-

pared to years 2016 in 2017, the use of innovative technologies was also increased by 40%.

Interactive learning is first of all communication learning, so the students learned how to behave, namely, how to listen and understand the opposite point of view, respect the opponent's point of view, ask the question correctly and, if necessary, stand up for their beliefs, etc.

Innovative training implies using multimedia technologies. We have increased the number of educational videos watched in the experimental groups. In the control groups, they watched 1 video during a session, while in the experimental groups they watched 2. For example, when teaching medical protozoology, when examining the life cycle of a particular parasite, as well as the disease caused by this parasite, 2–3 educational videos were used.

The most important part of training in clinical medicine is practical training. Examinations and clinical analysis of a specific patient helps to gain medical experience, improve practical skills. It is almost impossible to consolidate the material from lectures and information obtained from other sources without practical training. This is especially important in the training of emergencies, hi-tech diagnostic methods and disease treatment, since emergencies, as a rule, develop unexpectedly and at any time of the day. In this regard, this section of medicine for a long time have remained a blank space in the training of future practitioners. At present, introduction of multimedia technology made it possible to raise the quality of clinical medicine training to an entirely new level. For example, showing videos about modern methods of reperfusion during the first hours of acute myocardial infarction with the help of angioplasty (percutaneous cardiac intervention, stenting, and ballooning), high-tech technologies for congenital heart disease, etc. can help the teacher. Two or three videos on complex operations and angioplasty were also used for the cardiology course.

Such an increase in the use of innovative technologies increased the students' interest in the subject significantly, which positively affected the final

results. While in 2016 the average grade for the medical protozoology was 72.36 ± 1.5 points (out of 100), in 2017 it was 81.4 ± 1.1 points. The same for cardiology were 72.39 ± 1.4 and 80 ± 1.2 respectively. The results obtained were processed statistically [2]. The probability of error was $p < 0.01$, which make the result statistically significant.

Thus, the use of innovative technologies requiring greater mobilization, more information and use of the intellectual and creative potential of students through increasing their interest in the subject, helps the students to better understand the essence of the issue, gain knowledge, improve their skills of mental work, and being more independent. At the same time, this process requires a much greater emotional and energy expenditure from the teacher, much greater use of his mental and physical strength [5].

Innovative teaching methods contribute to a more active involvement of students in the learning process. Such training implies involvement of the

majority of students' sensory components in the perception process, contributing to the formation and showing of such competencies as information and communication ones. It ultimately contributes to the development of such a component of mental abilities as emotional intelligence, which is so important for doctors.

We can conclude that an increase in the use of innovative methods up to 70% of the teaching time when training foreign students in medical parasitology and cardiology significantly improves their performance and positively influences their motivation for a deeper studying of the subject and its practical application. The use of innovative technologies in the teaching process also contributes to the creation of a favorable emotional climate, positive interaction between students, as well as the teacher and students, and, thus, contributes to the development of emotional intelligence among students, which in turn is closely related to the academic performance [7].

References:

1. Мифтахова Н. Ш. Система адаптационного обучения студентов на двуязычной основе в технологическом вузе // Автореф. дисс... на соиск. учен. степ. доктора пед.-х наук: – Казань, – 2013. – С. 19–26.
2. Румшинский Л. З. Математическая обработка результатов эксперимента. – М.: Наука, – 1971. – 192 с.
3. Семилетова В. А. К вопросу об особенностях обучения иностранных студентов в Российском высшем учебном заведении // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 3(38). – Новосибирск: СибАК, – 2014.
4. Чотбаева Э. А. Использование инновационных технологий обучения иностранных студентов биологии в высшей школе медицины. Матер. XXV Междунар. Науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы науки». Изд.-во «Спутник +». – М.: – 2016. – С. 93–98.
5. Чотбаева Э. А. К вопросу об оптимальном соотношении классических и инновационных систем обучения иностранных студентов биологии в высшей школе медицины. Научно-аналитический журнал «Научный обозреватель». № 6(66). – Уфа. – 2016. – С. 42–45.
6. Чотбаева Э. А., Усубалиев Н. Н. К вопросу о необходимости развития эмоционального интеллекта у студентов медицинских факультетов. Материалы XXX Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы науки». Научный журнал «Актуальные проблемы современной науки». Издательство «Спутник +». – Москва. – 2017. – С. 91–93.
7. Brackett M. A., Rivers S. E., & Salovey P. Emotional Intelligence: Implications for Personal, Social, Academic, and Workplace Success. – 2011. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00334.x>

Section 5. Political science

*Ph. D. Vu Thi Phuong Le,
M. Sc. Truong Thi Phuong Thao,
M. Sc. Nguyen Thi Le Vinh,
Vinh University, Vietnam
E-mai: vtphuongle@gmail.com*

INNOVATION IN THE METHOD OF EXAMINATION AND EVALUATION MODULES OF POLITICS SECTOR TOWARDS CAPACITY DEVELOPMENT

Abstract: Education towards the development of learners' capacity is the common trend of advanced education in the world. For Vietnamese higher education, the development of learners' capacity is considered as an important solution to improve the quality of human resource training to meet the needs of society. In this article, the author analyzes the importance of innovation in testing and evaluation; point out the competencies that need to be developed for students in Politics; it then proposed some forms and methods of renovation in examination and evaluation in the direction of developing the capacity of the courses in Politics at Vinh University.

Keywords: Evaluation, University training, Examination, Capacity, Capacity development, Politics, Vinh University.

Statement of the problem

Approach to the learners' capacity is the trend of education in many countries around the world. In Vietnam nowadays, in order to foster and train the young with the capacity to face and live up to the challenges of life, to narrow the gap between university's human resources training and the demand of labor market require higher education focus on target of capacity development at all stage from the development of training program to innovation in teaching methods and especially innovation in testing, evaluation of students' learning outcomes. Therefore, reforming the form and methods of examining and evaluating towards capacity development is one of the important tasks of universities to implement the strategy of fundamental and comprehensive in-

novation in education which Resolution No 29.NQ/TU date 4/11/2013 of Central Steering Committee of Communist Party of Vietnam has set out [2].

1. Importance of innovation in testing and evaluation

Resolution of the 8th Meeting – the Central Steering Committee, Session XI (Resolution No.29/NQ/TW) on fundamental and comprehensive innovation in education and training has been determined: fundamental innovation in form and examining method, testing and evaluating the results of education and training to ensuring honesty and objectivity, that are one of the important tasks and solutions to meet the requirements of industrialization and modernization in a socialist-oriented market economy during international integration [2].

Examination and evaluation is the final stage of the teaching process, which not only reflects the teaching-learning outcomes, but also strongly influences other aspects of teaching process. Innovating in methods of testing and evaluating is not only an important factor to develop independent and creative thinking of learners, but is also a nucleus that refers to the whole process of teaching and reforming the textbook program. In modern teaching theory, it is stated that examining and evaluating is a decisive step in the quality of teaching process. Examination and evaluation help teachers to know about the effectiveness and quality of teaching to adjust content and method of teaching, also help learners know about quality of learning in order to adjust learning methods, help managers to give out decision about learning outcomes of learners and adjust training program and teaching organization.

In higher education, the examination and assessment of students' knowledge and skills play an extremely important role. It plays a role of motivating the teaching process as well as the role of a helm help teachers to adjust teaching methods and help students to change learning methods in order to suit with form, method of testing to get high results. In recent years, higher education has been gradually changing its curriculum and training methods, however, examination and evaluation has not been properly researched sometimes subjectively and formally. The evaluation of training quality has not led to the inadequacies in the use of human resources for society. This shows that the change of a program system and training methods, but do not change system of testing and evaluation results in that it could not achieved the intended purpose.

2. Capacity and competency system to be developed for students in Politics sector

There are different approaches to competence. However, regardless of the direction, capacity also includes basic elements such as knowledge, skills and attitudes; is the ability to apply knowledge, skills and attitudes to solve a real situation in the life. In that

sense, capacity is a whole body of interrelated factors and it is expressed only through practical activities [1].

Competencies of learners can be divided into two main categories: general competence and specific competence: General competence is the basic and essential capacity for human to live and work normally in society. This capacity is formed and developed by many subjects, involving many subjects. This is the kind of capacity that is formed through the program. Specific strengths are formed and developed by a particular field or discipline. This is a form of specialized competence that helps people deal with specialized tasks in their narrow field of work. Capacity is only visible when observing student activity in certain situations. . Capacity is formed not only by learning process in the school but also in outside the school and society [4].

Due to the urgent demand about quality of human resources for socio-economic development, universities need to move quickly to the education model towards approach to learners' capacity, change from equipping the knowledge to comprehensive development of quality and capacity of learners. It means that it is to change the views on the teaching objectives as well as the views on the examination and assessment instead of mainly asking students to answer the question: what know is, now capacity approaches should pay attention to the question: know what to do from what you have already know.

The training objective of the Politics is to train bachelors of political science with good political and ethical qualities, capable of creative application of Marxism-Leninism, Ho Chi Minh's thought, the Party's position and the State's legal policies on the assigned work domains; have the capacity for counseling – leadership – management; the organizational capacity, especially the ability to organize and mobilize the masses to improve the combined strength to implement successfully the renovative policy. Therefore, the design and implementation of the political program towards capacity development need to

consistent from system capacity. The capacity system that needs to be developed in the training process for students in Politics is:

- Capacity of theoretical thinking;
- Ability to advise, leading, management;
- Ability to work in practice;
- Ability of independent scientific research;
- Presentation capacity, ...

3. Examination and evaluation the modules of the Politics course towards capacity approaches from the practice in the Vinh University nowadays

Examining and evaluating learning outcomes towards the capacity approach do not take testing of ability to reproduce knowledge that has been learned at the center, but focus on creative applying knowledge in specific situations. In essence, there is no conflict between capacity assessments and assessments of skills and knowledge, capacity assessments are considered to be higher than assessments of skills and knowledge. To demonstrate student's competence at a certain level, it has to provide opportunities for students to solve the problem in a practical situation. At the same time, students have to apply the knowledge, skills that they have already learned, and they also have to use their experiences that they have gained from the experiences. Thus, via the completion of a task in the real context, people simultaneously assess both the cognitive skills, the performance skills and feeling values of learners. On the other hand, capacity assessment is not entirely based on the subject education curriculum such as assessment of knowledge and skills because capacity is a harmony knowledge, skills, behavior, feeling, values, moral norms ..., which is formed from many fields of study and from the natural development about society of a human [3].

In current Vinh university, in general, the method of examining and evaluating the subjects of politics sector is monotonous and undiversified, it normally uses the traditional assessment that is "close", mainly in the form of essay (midterm and final exams) and by the instructor should not maximize the stu-

dent's capacity. Hence, in order to equip students in the field of politics sector with knowledge and professional capacity, it is necessary to change the perception of the objectives of the examination and evaluation.

The objective of the examination and assessment towards the capacity development is to help faculty grasp the capacity of each student, know where their students are and progress through a learning process to faculty know about effectiveness and quality of teaching to adjust content and method of teaching in order to help students know about learning quality to adjust learning methods. Thus, the objective of examination and evaluation is not the technique or method, but is the objective that faculty expects students after completing each module. Therefore, the objective of examination and evaluation of politics courses is the assessment of ability to apply the knowledge and skills learned by students to handle real life situations due to progress of learners compared to himself. This is different from the content-based testing that is just heavy on determining the knowledge, skill towards the objective of education program, evaluating and ranking among learners.

The content of assessment learning results of modules of politics sector must also be compatible with the program developing orientation towards capacity development and integrated teaching. So, the content of the examination and assessment of the modules in the field of Politics in the direction of competency should also focus on the assessment of general capabilities and specific competencies that have been identified for students in the politics sector. For the examination and assessment of general strength should pay attention: verbal ability, presentation, logical reasoning ability. For specialized examination should pay attention to ability of identification, detection, analysis, assessment of socio-political problem and the ability to propose solutions to these problems on the Marxist – Leninist point of view. However, the knowledge of the subjects of the Politics is usually academic, so when evaluated,

although mainly to test the level of understanding, the ability of analysis, synthesis, interpretation and solving of information and practice knowledge but also note the memory checking, memory level of information and knowledge. Thus, faculty could evaluate students at multiple points in each unit, each chapter, each credit. However, at any stage, process of evaluation usually includes: identifying content of lesson, objective of lesson, implementing method, method, form, and tool of assessment.

Tools for assessing the academic performance of the modules in the field of Politics in the direction of capacity development are questions and exercises link to the socio-political situation in practice, in the field of management leadership, public administration, public policy and other socio-political situations.

Form of examination and assessment of the modules in Politics sector in the direction of capacity development should be “open”, involving learners through presentations, presenting problems, reporting on research results, self-study issues that related to the chapters in each module. Through presentations and group discussions, the instructor assesses the ability to focus on the topic and objectives; ability to capture and process information; confidence, dynamics of the speaker; the ability to speak clearly, coherently, make it easy for the listener to grasp the content; the ability to argue and persuade others; the ability to pay attention to the listener; the ability to use assistive technology facilities; teamwork ability.

Through the student’s essay or short essay, the teacher also assesses the ability to identify and handle political situations; the ability to analyze and comment on a particular issue, thereby understanding the attitude, attitude, position of the student, the creativity and originality of the issues presented; clear, logical and effective expression of problems; The ability to analyze, speculate, reason and use arguments, evidence through specific details and metrics that support those processes. However, this assessment is based not only on the final product (essay, short essay), but also on how the student writes:

from thought, observation, research, and choice. topics ... to the search and processing of materials, writing manuscripts, repairing, finishing and presentation. Faculty should exchange, guide, share experiences with students on the steps of the problem selection process, so that students have the opportunity to develop an awareness of the nature of the chosen situation and thoroughly better writing skills.

Time of assessment of modules in Politics sector towards capacity approach: evaluating every moment in the teaching process – during and after each credit. The student’s academic performance depends on the difficulty of the assignment or completed exercise. However, in order to ensure objectivity and honesty in the assessment and assessment of the capacity approach, coordination between regular and periodic assessments is required; combine the form of assessment by presentation, self-study, essay, group discussion, objective test, etc. to promote the advantages of each form of assessment; It should be comprehensive and classifiable to help faculty and students adjust their teaching and learning skills in a timely manner, develop critical, creative, critical and practical skills for students.

Conclusion

Monitoring and evaluation towards development of capacity is an important role and solution for university training. Resolution No. 29-NQ/TW of Central Steering Committee of Communist Party, Section XI (2013) affirmed: to evaluate the results of university training in the direction of focusing on the capacity of analysis, creation, self-updating and renewal of knowledge; professional ethics; capacity of research and application of science and technology; practical ability, capacity of organization and adaptation to working environment.

For Vinh University, the fundamental challenge is the large gap between the current status of the training process and the quality of desired human resources. Therefore, the approach to fundamental and comprehensive innovation in education and training towards capacity development will narrow

the gap in order to build an advanced and qualitative higher education system following to demand of society. In that sense, innovation in form and method of testing and evaluation towards capacity approach

of politics sector at Vinh university will contribute to narrowing the gap between the knowledge that students have learned in the school with the abundant reality being played in life.

References:

1. Dang Tu An. "Education orients capacity development". Journal of Educational Administration, (4),– 2015.– P. 33–37.
2. The Central Steering Committee, Session XI, Resolution – No. 29-NQ/TW – the 8th Meeting session XI on fundamental and comprehensive innovation in education and training, Hanoi.– 2013.
3. Can Thi Thanh Huong, Vuong Thi Phuong Thao. "Innovation in method of examination and evaluation of students' learning outcomes in Hanoi National University", Journal of Sciences of Hanoi National University, Social Science and Humanities (25),– 2009.– P. 26–32.
4. Ron Cammaert. "Assessment bases on capacity", Journal of Educational Administration, (4),– 2015.– P. 29–32.
5. Pham Do Nhat Tien. "Reform of school governance before demand of educational transformation towards orientation of learners' capacity development", Journal of Educational Administration, (4),– 2015.– P. 20–26.

*Dadashova Aynur Sultan,
doctoral, Degree International Relations
Baku Slavic University
E-mail: dadachova-aynour@mail.ru*

POLITICAL AND LEGAL RELATIONS BETWEEN TURKEY AND FRANCE, AT THE PRESENT STAGE

Abstract: As one of the architects of substantial countries Pan-European projects, the French Republic – the orthodox opponent of Turkey’s offensive for the European Union. This is at first, not backed by facts and speculative-stereotyped view of the relations between the two countries in the context of EU enlargement in the first decade of the XXI century. However, the scientific approach involves reliance on facts and research a wide variety of sources and empirical material, to provide that, in my opinion, help the media – existentially-exogenous with respect to the political actors, but being with him in the multifaceted specific relationship agent intermediary, the mediator.

Keywords: France, Turkey, relations, new age, politics.

Allocated multifaceted relationship of agent-mediator influencing the masses and political actor appears in “hidden financial subsidy; Control of the press individuals associated with political parties; Control individuals that make a political career; Informal communication media with the parties by virtue of sympathy for their program and objectives; belongs to an individual, holds the view a certain party, but not a party activist” [50, 67]. Therefore, the study of a large array of information sources from States politically stratified mass media helps overcome stereotypical inspiring and understand the position of the parliamentary parties as a substrate foreign policy of the Republic of France on the question of Turkey’s accession to the EU.

The ratio of LIC / UDF block to Turkey’s EU membership – “historical anomaly” [14], – says in an interview for “the TF1” Farouk Biliji (tour Faruk Bilici.), A historian at the Franco-Turkish relations specialist – and this anomaly, according to the author, a quartet formed hitrospetënnnyh factors.

The first factor – the historical tradition of cooperation: “In 1525, Francis I, after his defeat at Pavia, was looking for a military ally, to save France. He then turned to the only force capable of competing

with the Holy Roman Empire: it is about the Ottoman Empire. In 1535, France opened its first embassy in Istanbul” [14]. “Tupolev TB-1,” says: “The Ottoman Empire extended over three continents: Europe, Africa and Asia. She had all the jewels of civilization: Cairo, Baghdad, Jerusalem, a place of pilgrimage, industrial and technological advances. West needs the East. The converse statement will take place only in the XVIII-OMveke” [14]. Next: “Sultan, Selim III actually supported the revolutionary ideas, as they kept pace with its reforms and ideology. At that time, as the whole of Europe is united against the French revolutionaries, he recognized the new regime” [14]. Later: (1853–56) “during the Crimean War, France, England and the Ottoman Empire fought against the Russian. Mainly, the Treaty of Paris in 1856 introduced the concept – the concert of European nations, to which the Ottoman Empire was fully joined ... To say that Turkey is not European – historically inaccurate” [14]. «TF1» stresses: “Francophile Kemal Ataturk established relations with France. Turkish society Francophile. His elite know about the West thanks to France. Intellectuals and political establishment have received a French education. French culture in relation to the

Anglo-Saxon culture remained dominant in Turkey until the seventies of the XX century” [14].

The second factor – the modern priori prejudices of the French – as, in general, with respect to EU enlargement and globalization, “the French of all EU citizens less disposed to future extensions, only 39% of “yes”, while the average European figure of 53%” [23]. So, in fact, prejudice against Turkey, based on the image, “promoted by such films as” *Midnight Express* “[Eng. “Midnight Express”, 1978] with horror Turkish prisons” [23].

The third factor – the key objectives of the French diplomacy on the issue of Turkey’s integration in the EU, their lights “Le point”: it is necessary to take into account three elements – belief in the need to tie Turkey to Europe, respect of the commitments made for forty two years [citation 2005] with respect to Ankara and, finally, the concern of public opinion [59].

The fourth factor – the chaotic inner-background is in the DNS. Nicolas Sarkozy is hostile to Turkey’s accession to the Union, in an interview to “*Le Figaro*”, he said: ‘No Turkey in the EU’ [47], in “Le point” Sarkozy outlined: “Turkey – a Muslim country with 71 million inhabitants and has no reason to for membership in the European Union” [54]. At the same time, ex-Prime Minister Dominique de Villepin in the future enlargement of the “cautious” [59]. And Jacques Chirac, “an ardent supporter of Turkey’s accession process to the EU for the sake of dialogue of civilizations” [34], in “*Le Figaro*” noted that “exceptionally friendly relations that France for centuries maintains with Turkey, talking about our [Turkish and French republics] common destiny in the European Union” [61].

All of the above does not turn into a cacophony ratio of center-right forces in European integration ambitions of Turkey, it is – polyphonic harmony. This thesis confirms “*France-Soir*”: “France slows the accession process, which began in 2005 and is blocking the opening of the most important chapters, but she did not dare to completely stop the process. Result: The negotiations did not move, but continued”, [12].

The essence of the relations of center-right media and party UMP / SFD is permanent skepticism. They, in defiance of the German CDU / CSU negotiation “for the result”, [42], work on the “infinite perspective” (continuation), but dosage camouflaging it in a “not very promising” Turkey’s membership in the EU, and “teasing” the most official Ankara, are not configured on the outcome of the negotiations in general, be it entry or failure. To this end, creating an ambivalent image of yielding confusion, confusion in the perception of a candidate country and holding public opinion in France, voltage and constant anticipation of the final summary, what is Turkey. However, the final response center-right forces will, on their plan instead to society should always be offered a cast in which a negative coloring, of course, is present but does not pay to Turkey in a frightening challenge to the basic elements of European identity (common history, a strong economy, democratic ideals).

Permanent skepticism media SND / SFD is permeated with two trends and ontologically owe them:

First openly condemning Turkey’s EU membership, “because of the sabotage of the Turks elected Danish Prime Minister as NATO Secretary General, French Foreign Minister Bernard Kouchner is no longer located in the Turkish entry into the European Union” [20] – According to “*France 24*”. “Before the presidential elections in 2007 «TF1»: “repeating his opposition to Turkey’s entry into the EU, Nicolas Sarkozy claimed that if elected, will protect the political Europe, and Europe, which will have the border” [55] “And – Sarkozy continued unwavering from the pages of “*France-Soir*”, – I have always opposed the entry of Turkey in Europe, if I am President of the Republic, I will make a referendum on Turkey in the EU” [38]. For the representation of the mood of the masses to the integration of Turkey into the Union and the impact on the audience, are the results of sociological surveys, “in a referendum on Turkey, 64.4% of French people would answer ‘no’” [36]. In decried the entrance of Turkey to date, media SND / SFD very often postulated similarity of positions

of France and Germany as a whole, which, in my opinion, is wrong, because in addition to the DNS / SFD, in France there is FAK / PCF. And in Germany, the majority of political parties (SPD, Alliance 90 / Zelë-, SPECIAL FDP) and, accordingly, the media is not against Turkey's membership in the Union, the conservative forces of Germany – not opponents, skeptics and doubters-practice integration of Turkey into the European Union [2, 146]. However, the fact speculative deliberate stereotyping in the center-right media is there, "it is the opposition of several countries, including France and Germany, fears the arrival in the European club of the Islamic state". [36] "France 24" continues: "Germany, just like France, fears of EU accession countries with their 71-million inhabitants, most of whom are Muslims" [9]. This was echoed by «Le Figaro»: "France and Germany unfavorably disposed towards the entry of Turkey into the European Union" [11].

2nd, veiled, and sometimes clearly encouraging Turkey's accession to the EU: the trend presented in the form of media slips of the tongue, the reservations and additions to the above, this center-right forces "do not hesitate" to declare its attitude towards Turkey's membership in the European Union as an "historic anomaly" [14]. The usual criticism of Turkey complemented by President Sarkozy: "at the French presidency of the Union [EU Council of Ministers] Sarkozy did not stop the entry process of Turkey" [13], – writes «Le Figaro». "Nicolas Sarkozy has taken to open two more chapters in negotiations with Ankara" [12] – complements the «France-Soir». "Just two new chapters were opened for free movement of capital, as well as the information society and media" [26] – detail «Le point». Regarding the polls, "France 24", explains: "If you force people to vote in a referendum either" yes "or" no " , they become less shy and brave. And if they ask simply view with shades, such as – "you are located," or "more inclined" the results vary [36]. Therefore, "for Turkey to have 47% of respondents expressed the EU, against 47% and 6% refrain" [36]. According to «TF1» April 2009:

"50% of the French against the entry of Turkey into the European Union, 35% of this supportive, and 15% were undecided. These figures show an increase in the number of French, located to the entrance of Turkey into the EU. In June 2005, the previous poll on the same issue gave opponents 66%, 28% and 6% of supporters did not express" [24]. "Union of the whole of France and Germany" against Turkey's aspirations to EU concretized "blabbed" «TF1»: "SND offered the CDU together to prepare a plan for a "privileged partnership" with Turkey" [21], ie, the right to propose an alliance only only with some ... a similar attitude to the Turkish party in the Bundestag of Germany, but not all. But it is worth considering that a "privileged partnership" proposed unit SNM / UDF without structural component, the sole purpose of "anger" Ankara, German conservatives goal is different [2, 147].

The study of the sources of articles, media SND / SFD allows us to trace the evolution of the relations of center-right forces of the French Republic to Turkey's accession to the EU:

October 2005 – May 2007 – Stage "uncertainty" can be traced kontradiktornost Titles of articles: "Turkey in Europe tongs" [59]. "Ankara is proud of the support of Benedict XVI" [7]. "Again, the tone of the dialogue between France and Turkey rises" [33]. "Turkey releases ballast in Cyprus". [27] "France – Turkey: the long story of love" [14]. "Turkey threatens France's retaliation" [28]. "The EU submitted to Turkish blackmail" [40], – speaks "the TF1" October 4, 2005, the day after of the Republic of Turkey the official status of candidate for EU membership. "France will try to slow down negotiations with Turkey" [21]. "Turkey crystallises the fears" [4]. "The EU – Turkey: pros and cons" [65] – the motto of the entire stage.

May 2007 – April 2008 – The stage of "dislikes", helped by the rise to power of Nicolas Sarkozy, the discussion of the law criminalizing the refusal to recognize the Armenian Genocide. "Genocide: Ankara does not cease to be angry at Paris" [15]. "Robert Kocharian: Turkey must apologize" [52]. "Two-faced Turkey" [35].

April 2008 – December 2008 – The stage of “short-term warming in relation to Turkey.” Center-right media speak positively about internal reforms in the candidate country: “Reform of the freedom of expression in Turkey” [67]. “Turkey wants to strengthen freedom of expression”. [30] “Turkey is required” [17]. “Turkey closer to the EU” [26].

December 2008 – August 2009 – The stage of the “antipathy”, his slogan was Nicolas Sarkozy, published in «Le Figaro»: “No Turkey in the EU” [5]. “The refusal of Turkey to the EU: Gul outraged” [51].

Since August, 2009 – The stage of “improving relations”. Center-right media in one voice say: “Turkey and Armenia: a historic breakthrough”. [56] “Paris and Ankara want to extend the Franco-Turkish cooperation” [46]. Titles acquired expressive declarative tone: “EU-Turkey tion: a common destiny (Shirak)” [61]. “Madrid is in favor of Turkey’s accession negotiations” [64]. “Rome reaffirms its support for Turkey’s admission to the EU” [53]. “Turkey has supported Slovenia” [63].

Further, according to the author, once again enter a period of “dislikes” the Armenian parliament since ceased rapprochement between Yerevan and Ankara, namely, the peace process between the two countries was the reason for the improvement of relations center-right forces of France to Turkey. Also, the reduced overall pattern of evolution and the concept of permanent skepticism alternation “yes” and “no” in the DNS / SFD unit and media organizations in the issue of Turkey’s accession to the EU confirms the assumption stated above.

Left grouping FAK / PCF believes that there are two types of Turkish entry opponents in the European Union: “ideology” [16], which, according to “by Marianne”, “European civilization is based on family of Christian Democracy” [16], and “cynics” [16], indifferent to the nature of the European project. For the latter as a threat to Turkey – “electoral term success” [16], because, according to the “Le Courrier International”, “cynics” pursuing a policy of “double standards and hypocrisy demonstrative” [39].

Logical Framework relationships FAK/PCF and the media to join the Republic of Turkey to the EU formally delineated, on the one hand, the manifesto adopted by the 33 members of the Party of European Socialists (PSE), where, according to the analysis of the distribution of influence in the European political parties [1], namely French left has the greatest weight. «L’Express» quoted manifesto: “We are in favor of the process, open negotiations with a view on the basis of clear criteria for Turkey’s accession to the EU” [8]. On the other hand, the statements of the French Communists, in particular Alain Bocquet (Alain Bocquet) in an interview with «L’Humanite»: “accession process accompanied by many contradictions, but the Communists did not bury their heads in the sand, and are willing to work for the benefit of future changes in Europe and Turkey” [3]. That is, in fact, the attitude of the French left-wing forces in the course of Turkey evrointeg- diet is characterized as relativity-positive. The condition is directly proportional to the willingness of support in favor of Turkey meet the entrance criteria and carry out the necessary internal reforms. Therefore FAK / PCF, in defiance of the “enemy ideology-din” entry of Turkey into the Union and the adherents of the concept of “EU – Christian club”, say: “Europe is based on democracy, social and environmental values. Should Turkey join the European Union or not, depends on whether it shares these values” [19]. An “opponents-cynics” in opposition to the realistic image of Turkey, devoid of speculative generalizations, just the facts, and gradually dispel myths about Turkey. Declare: Turkey – a secular country. Let the Turkish secular character is not identical to the French and the whole European secularism XXI century, explains «L’Express»: “In fact, Turkish secularism is close to the French secular character, such as it was conceived at the time of Napoleon III. We are not talking about the absolute separation of state affairs from religious rather that the government strictly controls the practice of religious cults” [57]. However, the fact, according to media FAK/PCF, the fact remains, and

the Republic of Turkey – a secular country. At the peak of crafty European anti-militarists who claim that in Turkey, secularism detrimental (for the European aspirations) is only guaranteed all-powerful army, «Marianne» recalls: “the positive role played by the Portuguese army in the overthrow of the dictatorship of Salazar, in the establishment and guarantee democracy that eventually, in 1986, resulted in the Lisbon EES” [16]. Of course, the French left-wing forces against the army interference in public administration, but for that not to generalize and not absolute facts of intervention, arguing that their presence eliminates the prospect of EU accession of any country. Moreover, «L’Humanite» focuses on reducing the political weight of the army in Turkish society, “stopped the military presence in the Council of Higher Education, abolished state security courts” [32].

Supporting Turkey’s entry into the Union, left-wing forces in France state that geographically this candidate country European “part of the European Turkish Thrace, in the north-west of the Bosphorus, is the economic heart of the country with the largest urban center – Istanbul. Historically, Turkey has more support in Europe – the legendary city of

Troy”, [57]. That is, they insist that geographically as formally required to qualify for entry to the EU, Turkey – European country.

The lack of freedom of expression in Turkey, according to media FAK/PCF, a myth: “Turkey – the only country in the region, where indeed coexist political pluralism and democratic elections. The government there is opposition. Only a handful of those in control, in particular: the criticism on Ataturk and discussion of the Armenian Genocide” [57]. Left explain that there is no reason to fear the entrance of Turkey in the EU because of its potential gipoteticheski- much weight in the European Parliament: “The Lisbon Treaty provides for the establishment of the limit of 96 representatives in the European Parliament, to five deputies from the country. Therefore, Turkey will not be presented more than Germany or the United Kingdom” [18].

Leftist forces of France share the optimism of the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey Ahmet Davutoglu on the strategic mediation of Turkey, who in an interview with «Le Monde diplomatique», said: “We [the Turks] are ready to play the role of mediator in the conflict, because of our good relations with the various ethnic, religious, and it is”.

References:

1. Analysis of the distribution of power in the European Parliament // Higher School of Economics. URL: http://www.hse.ru/data/546/768/1238/yakuba_ConfText.doc (reference date: 18.06.2010).
2. Belov V.S. The positions of Germany’s leading political parties on the issue of Turkey’s accession to the EU (based on the mass media) / VS Belov // News. Volgogr. state. Univ. Series 4 “History. The reaction gionovedenie. International relations” – № 1 (17). – Volgograd: Volgograd Publishing, – 2010. – P. 145–150.
3. “Aux ccjttfts des forces d’avenir en Turquie” // L’Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2005-02-09_Politique_-Aux-cotes-des-forces-d-avenir-en-Turquie (reference date: 18.06.2010).
4. “La Turquie cristallise les peurs”, par Nonna Mayer // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/europe/2005-05/turquie-cristallise-peurs-par-nonna-mayer-4906847.html> (reference date: 10.06.2010).
5. “Pas de Turquie dans l’UE” (Sarkozy) // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/04/05/01011-20090405FILWWW00079-pas-de-turquie-dans-l-ue-sarkozy.php> (reference date: 10.06.2010).
6. Ankara doit accepter les conditions de Nicosie pour ftviter une crise avec l’UE // Le Courrier International. URL: <http://www.courrierinternational.com/breve/2006/06/12/ankara-doit-accepter-les-conditions-de-nicosie-pour-eviter-une-crise-avec-l-ue> (treatment date: 18.06.2010).

7. Ankara se targue du soutien de Benoît XVI // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/europe/2006-11/ankara-targue-soutien-benoit-xvi-4905671.html> (reference date: 10.06.2010).
8. Aubry n'est pas pour l'entrée de la Turquie, mais pour des négociations // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/politique/aubry-n-est-pas-pour-l-entree-de-la-turquie-mais-pour-des-negociations_763576.html (reference date: 18.06.2010).
9. En visite à Ankara, Merkel s'oppose à l'adhésion entière de la Turquie à l'UE // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100329-visite-a-ankara-merkel-soppose-a-ladhesion-entiere-turquie-a-lue> (reference date: 10.06.2010).
10. Entre la Turquie et l'Europe, il y a Chypre // L'Humanité. URL: http://www.humanite.fr/2006-11-08_International_Entre-la-Turquie-et-l-Europe-il-y-a-Chypre (reference date: 18.06.2010).
11. Erdogan: "Sarkozy doit venir voir la Turquie aujourd'hui" // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2010/04/06/01003-20100406ARTFIG00002-erdogan-sarkozy-doit-venir-voir-la-turquie-d-aujourd-hui.php> (reference date: 10.06.2010).
12. Européennes – UMP et PS au banc d'essai européen // France-Soir. URL: <http://www.francesoir.fr/politique/europeennes-ump-et-ps-au-banc-d-essai-europeen> (reference date: 09.06.2010).
13. Européennes: la question turque ouvre la campagne // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2009/04/07/01002-20090407ARTFIG00010-europeennes-la-question-turque-ouvre-la-campagne.php> (reference date: 10.06.2010).
14. France-Turquie, une longue histoire d'amour // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/2005-09/france-turquie-longue-histoire-amour-4902297.html> (reference date: 09.06.2010).
15. Génocide: Ankara ne décolère pas contre Paris // Le Figaro. URL: http://www.lefigaro.fr/international/2006/10/17/01003-20061017ARTFIG90170-genocide_ankara_ne_decolere_pas_contre_paris.php (reference date: 10.06.2010).
16. Halte à la turquophobie // Marianne. URL: http://www.marianne2.fr/Halte-a-la-turquophobie_a98221.html (reference date: 18.06.2010).
17. Indispensable Turquie // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/debats/2008/09/04/01005-20080904ARTFIG00008-indispensable-turquie.php> (reference date: 10.06.2010).
18. Intégrer la Turquie "dans une Europe confiante, riche et plurielle" // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/integrer-la-turquie-dans-une-europe-confiante-riche-et-plurielle_764876.html (reference date: 18.06.2010).
19. Je refuse une Union, club de FOccident chrétien // L'Humanité. URL: http://www.humanite.fr/2007-03-23_International_Je-refuse-une-Union-club-de-l-Occident-chretien (reference date: 18.06.2010).
20. Kouchner se ravise sur l'entrée de la Turquie dans l'UE // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20090407-union-europeenne-turquie-adhesion-bernard-kouchner-defavorable-entree> (date treatment: 09.06.2010).
21. La France essaiera de freiner les négociations avec la Turquie // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/2005-06/france-essaiera-freiner-negociations-turquie-4902039.html> (reference date: 10.06.2010).
22. La frustration et le dépit des citoyens turcs // L'Humanité. URL: http://www.humanite.fr/2006-12-15_International_La-frustration-et-le-depit-des-citoyens-turcs (reference date: 18.06.2010).
23. La Turquie cristallise les peurs", par Nonna Mayer // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/europe/2005-05/turquie-cristallise-peurs-par-nonna-mayer-4906847.html> (reference date: 09.06.2010).

24. La Turquie dans FUE: Favis des Français // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/france/societe/2009-04/la-turquie-dans-l-ue-l-avis-des-francais-4889872.html> (reference date: 10.06.2010).
25. La Turquie et l'Arménie se rapprochent // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/la-turquie-et-l-armenie-se-rapprochent_783722.html (reference date: 18.06.2010).
26. La Turquie gravit une nouvelle petite marche vers l'UE // Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-monde/2008-12-19/la-turquie-gravit-une-nouvelle-petite-marche-vers-l-ue/924/0/301301> (treatment date: 10.06.2010).
27. La Turquie lache du lest sur Chypre // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/europe/2006-12/turquie-la-che-lest-sur-chypre-4906830.html> (reference date: 10.06.2010).
28. La Turquie menace la France de retorsions // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/europe/2006-10/turquie-menace-france-retorsions-4907001.html> (reference date: 10.06.2010).
29. La Turquie regarde vers FEurope // Le Monde diplomatique. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2008/06/FINKEL/16007> (reference date: 18.06.2010).
30. La Turquie veut renforcer la l'eNë depression // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20080408-turquie-veut-renforcer-liberte-depression-turquie> (reference date: 10.06.2010).
31. La vocation eigorëppe d'Ankarareconnue // L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2005-10-05_International_La-vocation-europeenne-d-Ankara-reconnue (reference date: 18.06.2010).
32. Le gouvernement d'Erdogan sur la corde raide // L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2006-05-26_International_Le-gouvernement-d-Erdogan-sur-la-corde-raide (reference date: 18.06.2010).
33. Le ton remonte entre la France et la Turquie // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/2005-08/remonte-entre-france-turquie-4901223.html> (reference date: 10.06.2010).
34. L'Elysée pret au débat sur Fadhëtion de la Turquie // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2009/04/07/01002-20090407ARTFIG00262-l-elysee-pret-au-debat-sur-l-adhesion-de-la-turquie.php> (reference date: 09.06.2010).
35. Les deux visages de la Turquie // Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-monde/2007-01-17/ue-les-deux-visages-de-la-turquie/924/0/31341> (reference date: 10.06.2010).
36. Les Eigorëesh partagés sur l'entree de la Turquie dans FUE, voteraient non // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100124-europ-ens-par-tag-s-lentr-e-turquie-lue-voteraient-non> (reference date: 09.06.2010).
37. Les peres fondateurs de FUE pensaient deja a la Turquie // Le Nouvel Observateur. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/actualite/monde/20051004.OBS1089/les-peres-fondateurs-de-l-uepensaient-deja-a-la-turquie.html> (reference date: 18.06.2010).
38. Les principales declarations du president Sarkozy hier soir // France-Soir. URL: <http://www.france-soir.fr/divers/les-principales-declarations-du-president-sarkozy-hier-soir> (reference date: 09.06.2010).
39. L'Europe ne peut se passer de la Turquie // Le Courrier International. URL: <http://www.courrier-international.com/breve/2005/10/03/l-europe-ne-peut-se-passer-de-la-turquie> (reference date: 18.06.2010).
40. L'UE a cede au chantage turc // TF1. URL: <http://lci.tfl.fr/monde/2005-10/cede-chantage-turc-4901535.html> (reference date: 10.06.2010).
41. L'UE salue les ^gociations avec la Turquie // Le Nouvel Observateur. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/actualite/monde/20051004.OBS1082/l-ue-salue-les-negociations-avec-la-turquie.html> (reference date: 18.06.2010).

42. Merkel steht zu EU-Beitrittsverhandlungen // Die Welt. URL: http://www.welt.de/politik/article157836/Merkel_steht_zu_EU_Beitrittsverhandlungen.html (reference date: 09.06.2010).
43. Ne tirez pas sur la Turquie // Liberation. URL: <http://www.liberation.fr/tribune/010163552-ne-tirez-pas-sur-la-turquie> (reference date: 18.06.2010).
44. Ni Orient ni Occident, les choix audacieux d'Ankara // Le Monde diplomatique. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2010/02/KRISTIANA-SEN/18795> (reference date: 18.06.2010).
45. Nouvelles tensions sur l'élargissement // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/nouvelles-tensions-sur-l-elandissement_459021.html (reference date: 18.06.2010).
46. Paris et Ankara veulent étendre la coopération franco-turque // France 24. URL: http://www.france24.com/fr/20091009-paris-ankara-veulent-etendre-cooperation-franco-turque-%5Bfield_surtitre-format%5D (reference date: 10.06.2010).
47. Pas de Turquie dans l'UE (Sarkozy) // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/04/05/01011-20090405FILWWW00079-pas-de-turquie-dans-l-ue-sarkozy.php> (reference date: 09.06.2010).
48. Pour parler d'adhésion, ou en est-on? // Le Monde diplomatique. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2008/06/BILLION/16010> (reference date: 18.06.2010).
49. Pourquoi nous avons dit non au chantage turc // Marianne. URL: http://www.marianne2.fr/Pourquoi-nous-avons-dit-non-au-chantage-turc_al14391.html (reference date: 18.06.2010).
50. Raymond Kuhn. The Media in France / Raymond Kuhn. – London, Routledge, – 1995. – 284 p.
51. Refus de la Turquie dans l'UE: l'indignité // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/05/17/01011-20090517FILWWW00138-refus-de-la-turquie-dans-l-ue-gl-indigne.php> (reference date: 10.06.2010).
52. Robert Kotcharian: "La Turquie doit demander pardon" // Le Figaro. URL: http://www.lefigaro.fr/international/2007/02/19/01003-20070219ART-FIG90379-robert_kotcharian_la_turquie_doit_demander_pardon.php (reference date: 10.06.2010).
53. Rome réaffirme son soutien à l'adhésion de la Turquie à l'UE // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100409-rome-reaffirme-son-soutien-a-l-adhesion-turquie-a-lue> (reference date: 10.06.2010).
54. Sarkozy et Güllü constatent leur désaccord // Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-politique/2009-10-09/diplomatie-sarkozy-et-gullu-constatent-leur-desaccord/917/0/384,508> (reference date: 09.06.2010).
55. Sarkozy: "la France ne peut rien sans l'Europe" // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/politique/2007-02/sarkozy-france-peut-rien-europe-4886244.html> (reference date: 09.06.2010).
56. Turquie – Arménie: Une avancée historique // France-Soir. URL: <http://www.francesoir.fr/etranger/turquie-armenie-une-avancee-historique> (reference date: 10.06.2010).
57. Turquie, entre fantasmes et réalité // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/turquie-entre-fantasmes-et-realite_761911.html (reference date: 18.06.2010).
58. Turquie: en finir avec l'hypocrisie // Marianne. URL: http://www.marianne2.fr/Turquie-en-finir-avec-l-hypocrisie_al12633.html (reference date: 18.06.2010).
59. Turquie: l'Europe au forceps // Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-monde/2005-10-06/elargissement-turquie-l-europe-au-forceps/924/0/22496> (reference date: 09.06.2010).

60. Turquie: processus d'adhésion ralenti L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/turquie-processus-d-adhesion-ralenti_461546.html (reference date: 18.06.2010).
61. UE / Turquie: "un destin partagé" (Chirac) // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2010/05/11/97001-20100511FILWWW00404-ueturquie-un-destin-partage-chirac.php> (reference date: 09.06.2010).
62. UE: Bruxelles met en garde la Turquie // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/ue-bruxelles-met-en-garde-la-turquie_461170.html (reference date: 18.06.2010).
63. UE: la Turquie soutenue par la Sloénie // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/08/30/01011-20090830FILWWW00049-ue-la-turquie-soutenue-par-la-sloenie.php> (reference date: 10.06.2010).
64. UE: Madrid plaide pour une relance des négociations d'adhésion de la Turquie // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100222-ue-madrid-plaide-une-relance-negociations-dadhesion-turquie> (reference date: 10.06.2010).
65. UE-Turquie: le pour, le contre // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/2005-09/turquie-pour-contre-4902223.html> (reference date: 10.06.2010).
66. Un pas d'Ankara vers l'UE? // L'Humanité. URL: http://www.humanite.fr/2009-10-12_International_Un-pas-d-Ankara-vers-l-UE (reference date: 18.06.2010).
67. Une réforme pour la liberté d'expression en Turquie // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20080430-une-reforme-liberte-d-expression-turquie-turquie> (reference date: 10.06.2010).

*Radjabov Khabibullo,
doctoral candidate,
Tashkent Institute of railway engineers transport,
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: rhabibullo@mail.ru*

THE IMPACT OF THE GLOBAL INFORMATION SPACE ON THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY

Abstract: The article illustrates forming the foundations of civil society, when disclosing socio-political processes, media activities require special responsibility. At the same time, it says that various information forces influence the information of civil society. Taking into account that the main impact is carried out with the help of information, attention is paid to the strengthening of the positive influence of the information flow on the development of civil society.

Keywords: democracy, globalization, global information, informative area, civil society, Mass Media, geopolitical competition, informative defense, information attacks.

*Раджабов Хабибулло Ибодуллаевич,
Докторант-соискатель,
Ташкентский институт инженеров железнодорожного
транспорта, Ташкент, Узбекистан
E-mail: rhabibullo@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье отмечается роль и деятельность СМИ при формировании основ гражданского общества и раскрытии социально-политических процессов, которая требует особой ответственности. Вместе с тем, в ней говорится о том, что на формирование гражданского общества оказывают влияния различные информационные силы. Учитывая, что основное воздействие осуществляется при помощи информации, обращено внимание на усиление положительного влияния информационного потока на процесс развития гражданского общества.

Ключевые слова: демократия, глобализация, глобальная информатизация, информационное пространство, гражданское общество, СМИ, геополитическая конкуренция, информационная безопасность, информационные угрозы.

Сегодня человечество вступило в век информатизации, возникающему в виде единого информационного пространства, и не подвластному законам времени, и пространства. Сегодня

средства массовой информации стремительно входят в нашу жизнь. Известно, что любое государство при осуществлении своей информационной деятельности опирается непосредственно

на информационные средства. То, что СМИ именуют четвёртой властью, и осуществление ими деятельности на основе этого, служит гарантом достижения успеха не только в информационной, но и также в других отраслях и сферах жизни общества.

Сегодня, когда формируются основы гражданского общества, при раскрытии своеобразных особенностей социально-политических процессов, деятельность средств массовой информации требует особой ответственности в деле направления деятельности населения страны на общие благие цели. Средства массовой информации оказывают самое непосредственное влияние на формирование гражданского общества объективно освещая действительность, заостряя внимание на существующих недостатках и проблемах, имеющих в обществе, выдвигая конкретные предложения и рекомендации по их решению.

Средства массовой информации – основное, мощное и самое действенное оружие пропаганды. Именно через них выдвигаются и воспеваются национальные и общечеловеческие ценности, а также пропагандируются общемировые принципы демократии. Средства массовой информации всегда есть и будут своеобразным мерилom, показателем демократии и свободы слова. Свободные и независимые средства массовой информации поощряют демократическое развитие и укрепляют фундамент формирования основ демократического общества.

Одна из приоритетных задач сегодняшнего дня – превращение средств массовой информации в самостоятельную социальную силу, в полноценное звено политической системы, и действенное орудие, формирующее общественное мнение. Для того, чтобы они осуществляли свободную и самостоятельную деятельность, необходимо создать крепкий правовой фундамент, на государственном уровне заниматься подготовкой высококвалифицированных журналистов, повышением их знания и опыта, а также создать возможности

для воспитания их настоящими пропагандистами и агитаторами демократии, так как всё это является наиважнейшей задачей в сегодняшних условиях социально-политического развития. Вместе с тем, в данной сфере поставлена задача завоевания еще большей степени свободы и независимости. Здесь идет речь о высшей степени свободы – о свободе внутренней. Подобная независимость средств массовой информации отражается в творческой свободе журналистов, в свободе выбора тем и независимости (плюрализме) мнений.

Необходимо отметить, что осуществление деятельности средствами массовой информации на основе принципа плюрализма мнений также способствует развитию демократии. Создание при этом программ, состоящих из противоположных взглядов, обеспечение столкновения альтернативных мнений в выступлениях играет не последнюю роль в развитии плюрализма взглядов и мнений. Лишь в таком случае средства массовой информации способны сформировать общественное мнение, поощрять его и управлять им. Выдвижение новых идей, предложений и рекомендаций, имеющих созидательную природу, и направленных на процветание общества, и улучшение жизни населения требует от журналистов смелости и правдивости.

Как мы демократию воспринимаем, такие задачи и возлагаем на средства массовой информации. Если мы понимаем демократию как независимость, свободу выражения мнения и ответственность, значит того же ожидаем и от СМИ. Демократические процессы в Узбекистане протекают в условиях информатизированного общества, геополитической конкуренции, глобализации, информационных угроз и т.д. Пропаганда культа силы, межнациональной и межконфессиональной ненависти, подача искаженной, неправильной информации является одной из форм существующих угроз в этой сфере. Оказание вредоносного информационного воздействия, противоречащего национальным интересам страны

и идущего вразрез развитию страны тоже входят в их число.

В информатизированном обществе обеспечение его безопасности требует решения ряда организационных и правовых вопросов, в том числе и принятия воспитательных мер. Информационная безопасность обеспечивается путем создания условий для удовлетворения потребности граждан, населения в информации. Еще один способ обеспечения информационной безопасности – связан с повышением информационной культуры граждан, т.е. с формированием у них навыков по выявлению, проверке и сознательному использованию любой информации. Главное, людей необходимо готовить к правильному восприятию данных. Каждый человек должен развивать у себя способность отличать информацию, в зависимости от её полезности или вредности, овладевать навыками оценивать степень необходимости определённых сведений для своей профессиональной деятельности и др.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что пропаганда идейных целей через средства массовой информации должна осуществляться в гармонии с политическим и нравственным воспитанием, так как лишь в подобной целостной системе обретают качество и совершенство информационные стратегические направления информатизированного общества. В общем, насколько проще, точнее и естественнее суть избранной темы, тем сильнее она оказывает воздействие, а также может быть эффективным обращением к человеческим чувствам. Вместе с тем, несомненно то, что повышение эффективности агитационной работы, применение нетрадиционных способов, широкое распространение передового опыта может привести к положительному результату.

Сегодня, при формировании основ гражданского общества важное значение приобретает эффективное использование деятельности средств массовой информации, развитие в сознании чле-

нов общества идейного иммунитета, направление населения на повышение потенциала нашей независимой страны и решение следующих, ждущих своего часа задач.

- поощрение деятельности, направленной на обеспечение национальной безопасности, и предотвращение различных шагов (качеств), проявляющихся в качестве угрозы безопасности страны;

- выход национальных интересов на ведущее место, пропаганда эффективных путей и способов направления деятельности членов общества к общей, единой цели;

- в целях обеспечения национального единства и гражданского согласия создать возможности для пропаганды (агитации) культуры, традиций и обычаев всех национальностей и народностей, проживающих на территории страны;

- всемерная поддержка деятельности существующих национально-культурных центров, пропаганда дружбы и мирного сосуществования между народами;

- поощрение деятельности, направленной на предотвращение региональных конфликтов, пропаганда решения существующих проблем;

- пропаганда национальных, региональных а также общечеловеческих взаимосвязанных особенностей, качеств на основе политики, опирающейся на национальные ценности;

- формирование и развитие мощного иммунитета в сознании членов общества против существующих информационных угроз;

- обратить внимание на развитие нравственности против некоторых элементов массовой культуры, угрожающей и мешающей развитию нравственного облика общества;

- укрепление основ гражданского общества, основывающейся на национальной модели и приоритетности демократического государства и демократических ценностей.

Вышеотмеченные особенности обеспечивают верховенство политики, осуществляемой

государством в информационной сфере, и создание возможностей для осуществления активной деятельности граждан, направленной к информатизированному обществу.

Список литературы:

1. Добренков В. И. Вызовы глобализации и перспективы человечества // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология – 2004. – № 4. – 4 с.
2. Деягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации: Курс лекций. – М., – 2003. – 51 с.
3. Информационная политика. Учебник. Под общ. редак. проф. В. Д. Попова. – М.: Изд-во РАГС, – 2003. – 25.
4. Расторгуев С. П. Информационная война. – М.: Радио и связь, – 1998. – С. 35–36.
5. Schwartau W. Introduction to information warfare // War in information age. New challenges for U.S. security policy. – Washington – London. – 1997.

Section 6. Regional studies

*Nugueva Shahla Sadraddin,
postgraduate student, the Faculty
of Environmental Protection and Technology
Azerbaijan University of Technology,
E-mail: sh.nuhuyeva@uteca.edu.az*

*Khasanova Rakhila Yunis,
Azerbaijan University of Technology,
Senior lecturer*

*Huseynova Sevil Yunis,
Azerbaijan University of Technology,
Senior lecturer*

*Mammadov Elshad Arshad,
doctor, of chemistry, professor,
Azerbaijan University of Technology
E-mail: elshad1952@mail.ru*

MOUNTAINOUS TERRITORIES OF PROTECTION IN AZERBAIJAN

Abstract: The Zivilen village, which is characteristic of tourism, has a very marvelous nature. The village has a very clean air, dense forest, rich flora and fauna. Zivilen village is located on the right bank of Goychay. The village covers an area of approximately 6 hectares. Bala Murov, Bavanovshly, Garagaya, Garashish, Kurdarkhachi, Saruschug, and Koshgar's puppets.

Keywords: Dashkasan, The Zivilen village, Goychay, Farel fish.

Dashkasan district is located 33–41 km south-west of Ganja city, 1600–1800 meters above sea level in the north-eastern part of the Lesser Caucasus.

The region borders with the Republic of Armenia (8 km) and 8 km south-west, as well as Shamkir (24.5 km), Kalbajar (23 km), Gadabay (41 km) and Goygol (56.3 km) districts. The total area is 1046.02 km². The distance between Dashkasan and Baku is 396 km.

The surface of the district is surrounded by mountains that descend to the north. The slopes of Mur-ovdag and Shahdag ridges are also the territory of

this region. The highest peaks are Hinaldag (3367 m.), Mount Koshgar (3361 m) and so on.

The average annual relative humidity of the air is 75 percent and varies between 67–82 percent per year. The annual rainfall in the area is 600–900 mm. Most of the rainfall falls into the spring. It is possible to evaporate 300–800 mm per year from the surface of the soil.

There is a unique soil-vegetation cover and animal kingdom, with the temperature and moisture content of Dashkasan.

The broad-leaved mountain-forest landscape is surrounded by slopes ranging from 600 to 1900 meters. The highlands of the mountains are completed with oak woods. Subalpine and alpine meadows are located on the upper border of the forests [4].

There are 1 city, 6 urban-type settlements and 42 villages in Dashkasan.

The Zivilen village, which is characteristic of tourism, has a very marvelous nature. The village has a very clean air, dense forest, rich flora and fauna. Zivilen village is located on the right bank of Goychay. About 40 houses have about 100 residents. The rural population is mainly engaged in malnutrition. The village covers an area of approximately 6 hectares. Bala Murov, Bavanovshly, Garagaya, Garashish, Kurdarkhachi, Saruschug, and Koshgar's puppets.

The oldest grave stones dating from the ancient village cemetery, as well as ancient writings on stone with a height of 2m and a height of 2m, called "Writing stone" found in the village of Rahimgavan, indicate that there are ancient settlements in that area.

The village has its pastureland such as "Uzun-guney", "Goygol", "Rahimgavran", "Qocadari", "Shahavelandli Yurdu". There are springs such as Nuru Spring, Spaghetti Spring, Ongozlu and Şırşır. The lake called Goygol is also in this village. The lake is rich in freshwater fish, Farelina fish.

Goychay, flowing through the village, owns its source from 2000 to 3500 meters above sea level. from the hills of Murov and Koshgar. The water is quite clean because it has no residential and industrial facilities before the Zivilen village on the river. There are varieties of Mulberry and Garaxallus Farelina in the river. In recent times, these types of fish are rarely found in the river as a result of illegal fishing. This species of endangered species needs protection.

The village territory is surrounded by dense forests. In the forests, mainly peanuts, linden, lynx, cabbage, blackcurrant, cedarwood grow. Oak oak trees are more commonly encountered as they climb high. The absence of alternative fuels in the village has led to an increase in spontaneous scarcity in these

forests and has led to a recent decline in forests [3, 344–346].

Wood picks have been found in many parts of Azerbaijan. The traces of this belief extending from the roots to the depths of millennia are also today. From this point of view, the Azgilian and Apple tree of oak trees in the Zivilen village.

Pig is an example. These trees, which are more than 100 years old, are protected by the local population and are considered sacred.

The juniper arms occupy a wide area in the highlands.

Subalp meadows and meadows occupy a large area between the forests and alpine meadows. Here you can find a variety of grassy, different grass, oats. In the Subalp meadows, legumes, roses, cuticles, raspberries and other intermediate plants create a tall, highly effective butchering grass cover.

In the subalp zone, grassy grasses and grassy grasses have also developed, except for grassy meadows.

Alpine meadows are very different from the subalpine meadows with the herbaceous herbaceous herbs called Alpine shrubs. These plants form a dense grass cover on mountainous meadows. Rare, thin plant groups develop on rocky slopes. Cereals and cypresses are densely populated summer pastures on smooth mountain slopes. On the more humid slopes of the high mountains, grazing solid-bearing "Alpine shales", which forms rocks, shrubbery, reed, aggregate, swamp, lame, and other rooted system.

The variety of natural conditions has led to the formation of a very rich species of plant and animal kingdom.

The village has significant healing medicines that are of particular importance to human health. Among them are: thyme, rosemary, gum, rosemary, chamomile, dandelion, dandelion, blackberries, blackberries, blackberries, silkworms, carpets, chestnuts, solmazicichi, jasmine, meadow, pathowe (cypriot), cincilim bastard, diver, mountain violet, violet, daffodil, lilac, unnuca, nettle, suede, crochet,

wild rhinoceros, hawthorn, lynx, squash, turp and so on. Available [2, 3–4].

The village has significant healing medicines that are of particular importance to human health. Among them are: thyme, rosemary, gum, rosemary, chamomile, dandelion, dandelion, blackber-

ries, blackberries, blackberries, silkworms, carpets, chestnuts, solmazicichi, jasmine, meadow, pathowe (cypriot), cincilim bastard, diver, mountain violet, violet, daffodil, lilac, unnuca, nettle, suede, crochet, wild rhinoceros, hawthorn, lynx, squash, turp and so on. Available [2, 3–4].

Figure 1.

From garden fruits, natural forest fruits and berries: apple, pear, honey, cherry, peach, currant, hips, cherries, arm pears, strawberries, forest pickles, sheepskin, raspberries, marijuana,

From desserts: walnut, whispered.

It is rich in species of birds, which give a special beauty to the village and turn into a wildlife landscape. In the summer and summer months of the year, in the forests, mountains, in the mountains, on the thoroughfares, thickets, turquoise, pheasants, shrubs, meadows, doves, hop-hopes, sanapias, woods, sparrows, eagles, leeks [1, 22–24].

There are animals such as roe deer, deer, rooster, rabbit, forest squirrel, bullfighter, hedgehog, boar, badger, lynx, wolf, bear, fox, jackal.

Protecting the etalon nature complexes, natural resources of the Zivilen village and the valuable, rare

and endangered species of flora and fauna (especially Farel fish) on scientific grounds and exploring the common lawfulness of relatively little anthropogenic impacts, their relationships and connections It is very important to build areas and facilities specially protected in the area [4].

In modern times, intensive physical and mental-minded people are more likely to travel, especially to the nature of nature. With regard to the rapid growth of tourist flows, a great deal of attention is given to the development of the tourist industry, which has become a lucrative field of economy in a number of countries including western countries with rich recreational resources. Tourists are attracted to the rich nature. The presence of such a beautiful, rich nature in the village of Zivilen shows the possibility of tourism developme.

References:

1. Abutalıbov M., Hacıyev V. Azərbaycanın bitki örtüyü. – B.: İşıq, – 1976. – 48 s.
2. Biomüxtəlifliyin genetik ehtiyatları. I Beynəlxalq Elmi Konfrans. AMEA Genetika İnstitutunun əsərləri. – Bakı: – 2006.
3. Qərib Məmmədov., Mahmud Xəlilov Ekologiya və ətraf mühit. – Bakı: – 2004. – 880 s.
4. URL: <http://dashkasan.cls.az/more/text/41984>

Section 7. Sociology

*Isanova Gulbahor,
senior lecturer, Chair "Theory and
practice of construction
democratic state" Faculty of Social Sciences
National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: naumenko06@mail.ru*

SOCIAL ADVERTISING INFLUENCE ON SOCIAL OPINION CHANGING

Abstract: In this article some aspects and tendencies of social advertising development are considered. The main idea of paper is analysis some terms and functions of social advertising and it influence on social opinion changing.

Keywords: society, social advertising functions, social opinion, mass-media, social activity, levels and types of social advertising.

*Исанова Гулбахор,
старший преподаватель, кафедра «Теория и практика
строительства демократического государства»
факультет Социальных наук
Национальный университет Узбекистана
Ташкент, Узбекистан
E-mail: naumenko06@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ НА ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые аспекты и тенденции развития социальной рекламы. Основная идея статьи это некоторый анализ отдельных определений и функций социальной рекламы, а также рассмотрение ее влияния на изменение общественного мнения.

Ключевые слова: общество, функции социальной рекламы, общественное мнение, средства массовой информации, социальная активность, уровни и типы социальной рекламы.

В наши дни социальная реклама имеет решающее значение в формировании социальной сферы жизни общества. Благодаря подключению

широкой общественности к насущным проблемам современного человечества, возросло потенциальное количество участников общественного

прогресса, реальных акторов общественной деятельности.

Пользуясь электронным словарём, дадим наиболее употребляемое определение социальной рекламы. «то реклама, направленная на изменение моделей социального поведения и привлечение внимания к общественно значимым явлениям и проблемам. Социальная реклама представляет собой особую форму неличного представления и продвижения социальных идей, поведения и практик, способствующих как гуманизации общества в целом, так и достижению отдельных целей, полезных с точки зрения общественного блага [1].

Круг глобальных проблем или проблем общепланетарного характера все более расширяется и, к сожалению, много времени упущено и некоторые процессы необратимы. Однако, благодаря современным технологиям, телевидению, сети Интернет, появились новые возможности использования человеческих ресурсов во благо развития самого человечества.

Социальная реклама сегодня это не только механизм, способный изменить отношение общества к определенным проблемам, но и способ изменить массовое сознание, повлиять на взаимоотношения людей, а также на отношение людей к окружающему их миру природы.

Изначально перед социальной рекламой ставилась задача изменить отношение общественности к той или иной проблеме с целью создания в дальнейшем новых ценностных установок.

Необходимо отметить, что социальная реклама используется на разных уровнях и в различных секторах общественной жизни.

Так, некоторые исследователи выделяют три основных типа организаций, использующих социальную рекламу [2].

Первый тип – некоммерческие организации. Как правило, это благотворительные фонды, больницы, церкви. Деятельность их заключается в помощи больным, нуждающимся. Такой характер

деятельности во многом определяет направленность социальной рекламы, размещаемой ими. В основном, это привлечение средств либо на строительство храма, либо в различные фонды, либо целевая помощь конкретным людям, нуждающимся в лечении. Пропаганду здорового образа жизни, безопасного секса, несмотря на специфичность, также можно отнести к социальной рекламе. Можно сказать, что среди всего объема социальной рекламы, размещаемой в средствах массовой информации, именно реклама некоммерческих организаций встречается наиболее часто и, соответственно, находит больший отклик среди людей.

Второй тип – ассоциации. Различные профессиональные, торговые и гражданские ассоциации также пользуются рекламой для достижения своих целей. Часто целью такой рекламы является создание позитивного общественного мнения, общественного спокойствия.

Третий тип – государственные структуры. Объем такой рекламы невелик, но весьма подвержен колебаниям. Например, в течение апреля, последнего месяца сдачи налоговой декларации учащаются рекламные призывы и напоминания заплатить налоги.

Во многих странах мира, идущих, как говорится в ногу с современными требованиями перехода к гражданскому обществу, обществу гласности, процветания и прогресса социальная реклама и все, что с ней связано, закреплена на законодательном уровне.

Что касается подвидов социальной рекламы, то большинство авторов выделяет их четыре: некоммерческая, общественная, государственная и собственно социальная. Каждый из этих подвидов характеризуется собственными качествами подготовки, организации и передачи социальной информации.

«Некоммерческая реклама – реклама, спонсируемая некоммерческими институтами или в их интересах и имеющая целью стимулирование

пожертвований, призыв голосовать в чью-либо пользу или привлечение внимания к делам общества» [3, 115].

«Общественная реклама передает сообщение, пропагандирующее какое-либо позитивное явление. Профессионалы создают ее бесплатно (корректнее говорить об этической позиции отказа от прибыли). Место и время прохождения рекламы в СМИ также предоставляются на некоммерческой основе» [4, 202].

Государственная реклама – это реклама государственных институтов (таких как армия, военно-воздушные силы, налоговая полиция) и продвижение их интересов.

Социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям, направленный на актуализацию проблем общества.

Также необходимо разделять два вида социальной рекламы: реклама ценностей и информационная реклама, продвигающая социальные программы, услуги, организации.

Реклама ценностей в принципе присуща всем информационным центрам в мире. Она более всех систематизирована, обладает мировоззренческой наполненностью и больше выступает как напоминание о забытом, фокусируется на определённых жизненных и естественных ценностях, которые обыватель пропускает мимо себя. Реклама ценностей не требует указания ее производителя.

Информационная социальная реклама привлекает внимание к очень важным проблемам общества, к социальным программам и возможностям их решения. Главное в этой рекламе – наличие обратной связи. Если точно, остро и ярко вскрывается проблема, то социальная ответственность такой рекламы заключается в том, чтобы дать зрителям возможность выбора путей решения этой проблемы или реакции на нее. Такая реклама необходимо завершается указанием телефонов, адресов сайтов и других контактов.

Информационная социальная реклама чаще всего заставляет воспринимающих ее задуматься о своём вкладе в общественную жизнь, даже где-то даже чувствовать свою вину, например за то, что много детей-сирот, людей с ограниченными возможностями и т.п. именно информационная социальная реклама способна изменить общественное мнение и направить именно в то русло, которое нужно было рекламодателю.

Для того, чтобы социальная реклама могла влиять на изменение общественного мнения, она выполняет ряд функций. Информационная функция социальной рекламы – информирование граждан о наличии определенной социальной проблемы и привлечение к ней внимания. Экономическая функция социальной рекламы проявляется в долгосрочной перспективе в стремлении достичь экономически выгодных государству результатов, поскольку устранение многих социальных проблем ведет к благосостоянию государства: здоровью нации, поступлению в полной мере налогов в бюджет. Просветительская функция социальной рекламы – это распространение, привитие определенных социальных ценностей и объяснение проблемы, а также, возможно, ее источника и путей решения. Социальная функция социальной рекламы в долгосрочной перспективе направлена на формирование общественного сознания, а главная ее миссия – изменение поведенческой модели. Эстетическая функция социальной рекламы имеет также своей целью формирование вкуса аудитории.

Итак, социальная реклама через своих организаторов, продюсеров, функции, механизмы и методы способна изменять поведенческие модели личности и в целом общественное мнение. Специалист в области социальной рекламы Александра Богданова высказала интересную мысль: «Ключ к успеху социальной рекламы – это, в первую очередь, люди, занимающиеся организацией и проведением кампаний, неравнодушные к проблемам человека в обществе, а также наличие необходи-

мых ресурсов, грамотное медиапланирование и нестандартный подход при реализации подобных проектов».

Несомненно, изменить себя в лучшую сторону может каждый человек и для этого не нужна

социальная реклама, однако двигатель социальной рекламы способен пробудить чувства многих инертных людей с целью активной деятельности по изменению восприятия общественной жизни и ее преобразования.

Список литературы:

1. URL: <http://adindustry.ru/doc/1132>
2. Что такое социальная реклама // URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=389&SECTION_ID=122
3. Кортлэнд Л. Бове, Уильям Ф. Аренс Современная реклама – 1995. – 610 с.
4. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика – 2001. – 800 с.

*Krul Alexandra Sergeevna,
associate professor, of the Department
of Social, Economic and Humanitarian Disciplines
Bashkir State Agrarian University
E-mail: gecata@inbox.ru*

INSTITUTE OF PRIVATE PROPERTY IN THE AGRARIAN SECTOR OF THE MODERN RUSSIAN ECONOMY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract: The paper presents an institutional analysis of the formation of private ownership of land in the agrarian sector. The purpose of the study is to analyze and evaluate the existing social practices of using agricultural land by rural residents. The main components of the institute of private property of agricultural land are investigated. Social processes in the sphere of formation of ownership rights to land shares and social practices of the economic realization of the land share have been revealed.

Keywords: agriculture, private property, land fund and its use, social institution, components of a social institution, social practices, institute of private property, villager, proprietor.

*Круль Александра Сергеевна,
доцент, кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Башкирский государственный аграрный университет
E-mail: gecata@inbox.ru*

ИНСТИТУТ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В статье представлен институциональный анализ формирования частной собственности на землю в аграрном секторе. Цель исследования – проанализировать и оценить существующие социальные практики использования сельскохозяйственных земель сельскими жителями. Исследуются основные компоненты института частной собственности сельскохозяйственных земель. Выявлены социальные процессы в сфере формирования прав собственности на земельные доли и социальные практики экономической реализации земельной доли.

Ключевые слова: сельское хозяйство, частная собственность, земельный фонд и его использование, социальный институт, компоненты социального института, социальные практики, институт частной собственности, сельский житель, собственник.

Институт частной собственности формируется не так давно в рамках социального пространства российского общества, а в некоторых отраслях происходит только становление основных

компонентов. Права собственности недостаточно определены и размыты границы регулирования отношений собственности – это базовые послышки. А в рамках социальной среды формируются

неформальные способы регулирования отношений собственности, причем такие специфические механизмы будут характерны для локальных социальных образований.

Базовыми компонентами любого социального института являются: установки и образцы поведения; культурные символы; утилитарные культурные черты; устные и письменные кодексы поведения; идеология [3]. Собственность как экономическая категория выражает отношение между людьми по поводу присвоения (отчуждения) средств производства и создаваемых с их помощью материальных благ в процессе их производства распределения, обмена и потребления. А собственность как социальный институт – это оформленная социальная структура, которая определяется фундаментальными социальными практиками владения, пользования и распоряжения благами. Важно понимать, что не ресурс сам по себе является собственностью, а доля прав по использованию ресурса как форма присвоения собственности. Отношения собственности понимаются как отношения между людьми, а не как отношения «человек/вещь». Основными содержательными компонентами института частной собственности земли являются: право на исключение из доступа к ресурсу других агентов; право на пользование ресурсом; право на получение от него дохода право на передачу всех предыдущих правомочий [7].

К ключевым социальным компонентам института собственности земли можно отнести:

- установки образцы поведения по отношению к пользованию собственной земли, получения дохода и передачу дохода другим экономическим субъектам;
- установки и модели поведения, определяющие доступ других субъектов к земле;
- специфическую систему статусов и ролей – субъект и объект собственности (в некоторых обществах, например рабовладельческих и феодальных, человек может выступать объектом

собственности), в зависимости от субъекта различаются виды собственности;

- смысловую и ценностную систему [4].

В рамках реализации проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) по теме «Социально-экономическая эффективность использования земельных ресурсов в аграрной сфере экономики Республики Башкортостан: современное состояние и пути повышения» с 1 сентября 2016 по 1 июля 2017 года было проведено анкетирование сельских жителей различных районов Республики Башкортостан. В опросе приняли участие 250 жителей сельских поселений из 12 районов Республики Башкортостан.

На вопрос наделили ли Вас правом получения земельного пая (земельного надела), да ответили 86% опрошенных, нет 10%, затруднились ответить на этот вопрос около 4% респондентов. Эти данные свидетельствуют о том, что почти все сельские жители региона достаточно подробно знают о своих правах на участок земли (земельный пай) выделенных им государством в рамках проведенной земельной реформы. Средний размер земельного пая по итогам опроса составил около 5–6 гектаров.

На вопрос оформили ли Вы право индивидуальной (обособленной) частной собственности на земельный пай? Более 10% ответили да, 60% респондентов ответили нет, и около 30% затруднились ответить. Данные свидетельствуют о том, что основная масса сельских жителей недостаточно четко представляют необходимость оформления прав собственности на свои земельные пай, и не видят разницу между частной, общей и общей долевой собственностью на землю. Таким образом, оформление прав частной собственности на землю, то есть формирование института частной собственности на землю в регионе охватило не более 30% сельского населения. В результате большинство сельского населения не стремится оформить права частной собственности на выделенные им земельные пай. Институциональный

анализ показывает что подобная ситуация свидетельствует о несформированном отношении к частной собственности как к правовой категории и как к ресурсу за который необходимо нести ответственность. Земля не является ценностью как собственность, и сельские жители не видят необходимости формальных отношений во взаимодействии «земля – собственник – государство».

На вопрос Вы сами используете земельный пай, находящийся в вашей частной (индивидуальной, общедолевой, совместной) собственности респонденты ответили следующим образом. Только 20% ответили, что выделенный им земельный пай используются самим собственником, некоторые создали крестьянские (фермерские) хозяйства, часть использует для сенокошения. Остальные 70% отметили, что свои земельные паи они сдают в аренду, передали в доверительное использование, отдали родственникам и т.д. А 10% респондентов отметили, что не интересуются земельным паем и затрудняются ответить на данный вопрос. Таким образом, более 70% сельских жителей сами не используют переданный им земельный пай, что свидетельствует о создании в сельской местности социальной практики передачи земельных паев во временное платное землепользование. Из тех, кто не использует свой земельный пай, основная часть сдала его в аренду местным сельскохозяйственным организациям или крестьянским (фермерским) хозяйствам. Интересна и формальная сторона арендных отношений. Только 25% из тех, кто сдал свой пай в аренду, оформили договора аренды и зарегистрировали их в журналах местных органов власти.

Из сельских жителей которые сдали свой земельный пай в аренду только 20% получают арендную плату. При этом почти все владельцы земельных паев (их средний размер колеблется от 5 до 6 гектаров) платят налог на землю, который составляет около 200–300 рублей. Основная часть населения это около 30% отмечает что получает доход от использования своего земельного пая причем в пре-

делах 2000 рублей. 10% респондентов указали, что получают доход в размере 3000 рублей и 8% до 4000 рублей. Определенная часть сельского населения получают определённый денежный доход от владения свои земельным паем. Однако около половины сельских жителей не получают дохода, из них 15% заявили, что отказались от земельного пая путем подачи заявления, то есть формально. Причинами отказа от земельного пая (прав на земельный пай) был указан возраст. Сельские жители указали, что в возрасте 55–65 лет тяжело нести ответственность за землю, а в возрасте 18–25 лет нет условий и мотивации вести хозяйство.

Результаты опроса показали, что только в некоторых случаях произошло действительное формирование частной социальной практики использования земель. В основном земельный пай не несет должной нагрузки, не выполняя заложенную земельной реформой функцию.

Можно проанализировать и такой компонент как ценностное и культурное пространство института частной собственности. К примеру, самоопределение и идентификация экономических субъектов в процессе реализации права собственности.

Интересно то, что исторически к любому экономическому, материальному и финансовому ресурсу в российском обществе складывается ценностное отношение «хозяин». Если в теории хозяйственного права субъекты делятся на «юридических» и «физических» лиц, то в хозяйственной практике, избегая высоких транзакционных издержек (фактически – поборов), люди предпочитают обращаться к «хозяевам», и тогда мы получаем известное в экономической истории России деление на «хозяев» и «гостей». Такая структура отношений закреплена в форме общинной (семейной/клановой) собственности [5]. В этом отношении у сельских жителей также нет сформированного понимания собственного владения землей. В ценностную категорию «хозяин» входит множество представлений о такой роли, а именно: ответственность за соб-

ственность, принадлежность к собственности, реализация собственного «Я» в собственности, контроль и охрана и т.д. «Хозяин» ставит своей целью обеспечить землю и по возможности оптимизировать ее состояние; без таких целей роль хозяина не может быть полной. Должна быть готовность ради земли идти на жертвы, в том числе и за счет своих доходов [6]. Подобные ценностные компоненты отсутствуют по отношению к земле у сельских жителей. Отметим, что роль «хозяин» жителям понятна и раскрыта в полной мере (не по отношению к земельному паю).

Такое явление как «размытая собственность» в отношении земель сохраняется, когда нет четко-го определения настоящего собственника. Речь не о юридическом определении, а о социальном, о принятии себя как владельца земли.

Сложившаяся ситуация показывает, что в рамках отношений земельных ресурсов сложилась стойкая картина постоянного самовоспроизводства земли не как собственности за которую несут ответственность и которой можно экономически выгодно «рационально» распоряжаться. А как материальный ресурс который не имеет конкретного назначения и который не является источником экономической ответственности.

Результаты проведенного исследования показали, что неосознанность роли и социально-экономической сущности земельных отношений в реформировании АПК привели к формированию в настоящее время деформированного, несовершенного во многих вопросах механизма земельных отношений, что в свою очередь повлекло неэффективность развития сельскохозяйственного производства, выбытие земель из сельскохозяйственного оборота, нерациональное использование. В новых условиях отношение к основному для сельской семьи ресурсу коренным образом изменилась. Земля для крестьянина окончательно перестала быть ценностью. Из-за неудовлетворительных условий (отсутствие инфраструктуры, специализированной техники и т.д.) земельный пай в качестве источника дохода непривлекателен и не конкурентен по сравнению с другими источниками дохода [1]. Собственник ни юридически, ни экономически, ни психологически не сформирован как собственник земли, как самостоятельный субъект земельных отношений. Доходы от использования земельных наделов уже не являются основным источником пополнения бюджета селян. Большинство не верит в доходность земельного пая и уже давно рассталось с ним [2].

Список литературы:

1. Долгушкин И. К., Новиков В. Г., Староверов В. И. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социологическое исследование. – 2009. – № 2. – С. 86–94.
2. Заикин А. В. Факторы, влияющие на трансформацию социально-экономической среды современного поволжского села // Дневник науки. – 2017. – № 6. – 3 с.
3. Зайнетдинова Л. Ф., Круль А. С. Неформальная занятость как социальный институт рынка труда современного российского общества // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. – 2016. – № 3. – С. 125–130.
4. Куликова А. В. Концептуальные рамки изучения института частной собственности // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 38–42.
5. Пястолов С. М., Попов Г. Г., Руднев О. А. Актуальные вопросы собственности в современной России // Terra Economicus. – 2011. – № 1. – Т. 9. – 54 с.
6. Савицкий П. Хозяин и хозяйство // Евразийское движение российской федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/4257> (дата обращения 14.05.2018).

7. Силкина М. И. Типы собственности и модификации экономического поведения. Автореферат диссертации на соискании ученой степени кандидата социологических наук / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). – М. – 2003. – 32 с.

Nakamura Yuki,
assistant professor, Waseda University
Ph D., in Sociology
E-mail: yuki_nk7@hotmail.com

THE ISSUE OF ACCOUNTABILITY IN COMPLEX SOCIAL SITUATIONS OF VIOLENCE

Abstract: In complex social situations of violence, where violence is both agency-driven and perpetrator-less, it becomes extremely difficult to determine who is to blame. gives rise to the problem of accountability. The aim of this paper is to theoretically explore the social mechanisms that accountability undergoes within complex social situations of violence. The act and social phenomena of harming others has been a topic that has been treated throughout the entire spectrum of the social sciences but what has baffled researchers is that there are characteristics in structural violence that cannot be found in the violence done at the individual level and vice-versa. The most notable characteristic being the perpetrator-less aspect of structural violence and the dissipation of accountability. Even at the individual level, properties such as (un)intentionality, unintended consequences of action and the types of evil which are nonautonomous and autonomous also undergo complex social processes when the harm is committed by collective and organizational agents.

Keywords: Violence, Accountability, Agency.

1. Complex Social Situations of Violence

Complex social situations of violence are the events and social processes in which there is violence, but it is difficult to clearly allocate accountability. It has the properties of both, evil as a social action (individual violence) and structural violence. The interplay that occurs between the agents themselves and between structure makes it nearly impossible to analyze where the violence as an emergent property originated. The interplay between the different manifestations of violence at the structural and individual level expose certain elements that cannot be explained by focusing on one side alone.

1.1 Interchangeability and Cycles of Violence

Cycles of violence can take two forms: the repetition of previous forms of violence or an elaborated new manifestation of violence. According to a report released by the World Bank, 90% of the civil wars of the last decade occurred in countries that had already experienced a civil war in the last 30 years [1].

This case illustrates how complex social situations of violence can undergo through morphostatic processes that end up reproducing previous forms of violence. Even when there are morphogenetic processes that cause the apparently superficial transformation of structure, violence changes its form to manifest itself in another way. It is no secret that some 'peaceful' interventions and humanitarian aids end up reproducing patterns of violence *precisely because* of the morphogenetic cycle that changed by the structural patterns that suppressed the manifestations of violence.

The interchangeability of violence can also be observed with the way how certain areas are simultaneously affected by weak governance, conflicts and political instability [1]. Organized crime in Latin America, is known for infiltrating sectors of the civil society that were traditionally out of their reach.

Repeated cycles of violence and the interchangeability of the forms of violence illustrates how morphogenetic and morphostatic cycles can give rise to

structures that transform and/or reproduce violence. The transformation and reproduction of violence can also manifest itself in a different form and infiltrate spaces of the social world that were not previously affected.

1.2 Corporate Cases

Corporations pose a challenge in the sense that it is not only extremely difficult to allocate accountability, but the way it is allocated highly depends on the social context in which the allocation occurs. The financial crisis of 2008 exposed this issue when investment banks in the United States were offered a bail-out while their counterparts in Iceland were being sent to jail for their role in causing the financial crises.

The allocation of accountability within the components of the organizational agents can be extremely problematic and contradictory even within the same social environment. Former TEPCO executives are facing trial (as of 2017) because of professional negligence during the meltdown of the Fukushima nuclear disaster. Dentsu on the other hand, was only fined 500,000 yen for the suicide of a young worker that was caused by excessive overtime. So what makes it possible to downgrade the allocation of accountability from organizational to individual agents?

The point of these examples illustrate is that the emergent properties of higher-level agents and the complex interaction between its components can give rise to different allocations of accountability.

1.3 Structural Violence as the Unintended Consequences of Action

The example provided by Ermolaeva and Ross [2] of the unintended consequences of the policies implemented to crack down on illegal immigration in the United States show how well intended actions and plans can ultimately cause more damage than what it was originally anticipated.

There were several measures that were taken to stop the illegal immigration from Mexico and other parts of Latin America. Some of these measures included the strategic relocation of border patrols to stop illegal immigration in designated point of entry.

The unintended consequences of these actions were that the people attempting to cross the border were now forced to take dangerous paths, which in turn increased the death toll of illegal immigrants that attempted it.

Another unintended consequence was the increase in use of illicit services provided by Mexican drug cartels to cross the border. The increase in the income of organized crime was reflected in other social issues such as gambling that affected populations near the border [2, 72].

The unintended consequences of actions serve as a reminder to show how events and social processes can stretch out in time and space to produce violent results that were not originally intended.

2. The Problem of Accountability

Complex social situations of violence are characterized with having elements of both, structural violence and evil as a social action. What this means is that violence in these situations is both agency-driven and perpetrator-less. The matter becomes even more complex when the types of agents, the emergent properties of structure and agency and the different manifestations of violence are taken into consideration. Large scale atrocities and the concepts of accountability and reconciliation can help understand some of the implications of the arguments developed throughout this paper.

The paths that can be taken to tackle the issue of accountability works on two fronts. The first one is related to the punishment of the accountable agents. The second one advances on the possibilities of reconciliation of the parties involved in the complex social situations of violence.

The examples given below illustrate the positions that can arise in regard to the conception of what agents are to be held accountable and in what way. For example, business ethics shows the same positions that can be applied to when allocating accountability in complex social situations of violence. There are those that argue that the employees should be held accountable for the harm done on behalf of the corpo-

ration they are members of, while others advocate for only punishing the corporation [3, 92]. In large-scale atrocities this is translated into the problem of considering which type of agents should be held accountable (individual, collective or organizational) and for which dimension (structural or agentic).

The proposed answer is that it depends on what wants to be accomplished and also on the nature of the agents involved in the complex situations of violence. The dimension in which the violence occurred, in other words the interplay of the different manifestations of violence, reflect the issue and belief “in the influence of cultural and historical factors on human being and their behavior ... [but also] believe that the actor has a choice, or, if he didn’t really have a choice when he committed the act, that once he [or someone else] recognizes the consequences of his acts ... he *then* [italics in original] has a choice” [4, 2].

The problem that arises from the division that exists between the two positions has been summarized and solved by Vetlesen with a dualistic approach:

Normatively speaking: evil-doing ... is something for which the individual agent must be held accountable. Modern law is premised on this very principle –and rightly so. But on an empirical-psychological level, their accounts of how the most severe forms of injustice actually happen suffer for lack of combining and individual-oriented approach with a collective-oriented one [5, 260].

Evil, as an individual agency-driven social action sort of facilitates the issue of accountability at the individual level, that is, whenever it is autonomous. Nonautonomous evil present other problems because it goes back to the debate of what is the agents that should be held accountable; individual, collective or organizational?

It must be remembered that a process of double dehumanization is characteristic for most types of collective violence. Both modern and postmodern genocidal logic “subscribe to a notion of agency as collective and, by implication, to the idea of collective guilt. Individuality is obliterated within the in-

group as well as within the targeted group: the killing is not an interaction between unique individuals but instead what a member of one group does (executes) to a member of another” [5, 260].

Nonautonomous evil dissipates the accountability of individual agents that are the components of the emergent properties of collective and organizational agents. Once again, Vetlesen offers a misleading hint as to what is the solution in cases like this. According to Vetlesen, “when confronted with collectivization of agency, with collectivistic allocations of guilt, law has one principal task: *to disaggregate agency, to strip it down to the individual level where it belongs and where it arises in the first place* [italics in original]” [5, 264].

3. Conclusion

It must be pointed out that the stripping accountability down to the individual level is appropriate provided that it is done within the framework of a dualistic allocation of accountability that tackles higher-level agents as well. Vetlesen is half right in pointing out the importance of identifying individual agents to solve the issue of accountability but in the process fails to recognize the importance of high-level agents such as collectives and organizations.

The other available path to tackle the issue of accountability lies in the possibilities of reconciliation between the parties involved in complex situations of violence. Here, it is important first to identify the emergent properties that arise in the victims and perpetrators as individual agents that had their actions conditions by previous structures of violence.

In such cases, victims possess what Claudia Card [6] calls the two types of moral powers: negative and positive. Negative power refers to blame which is related to “attitudes of condemnation and resentment” and it invokes “guilt and associated senses of obligation in those blamed” [6, 167], while positive power refers to forgiveness, and it can “relieve burdens that may not be morally relievable in other ways” [6, 167].

Perpetrators on the other hand, possess what is referred to as moral burdens and obligations. What

this means is the “burdens of guilt but also those imposed by gratitude for such things as forgiveness and mercy from victims” [6, 167]. As it what explained with the arguments related to the types of agents and emergence, the emergent properties of the victims and the perpetrators are inextricably linked: one cannot be accomplished without the other.

The point of merging these two properties of the victims’ and perpetrators’ is that part tends to focus on a different element of the violence that occurred. This focus will provide a way for renewed and improved ways of interacting and reconciling, something that Rigby has termed a culture of reconciliation [7]. The culture of reconciliation is a long-term morphogenetic process that requires the active involvement of the agents. The involvement of the agents works at the lower-level components and high-level agents that are configured by the actions and interactions of its parts. Rigby’s culture of reconciliation therefore, is constituted of the following two elements:

1. The necessary conditions for reconciliation between formerly antagonistic parties can only be realized over time. Moving beyond the divisions of the past is a multidimensional process that can take generations, and the different constitutive elements involved in the journey toward reconciliation can rarely be pursued all at the same time.

2. In the efforts to promote reconciliations it is crucial that the process should not be confined to a narrow stratum of society. The different dimensions and values that together contribute to any healing

process must be deepened and broadened to encompass all levels of society... [7, 183].

A third role becomes apparent at this point: the bystanders’. Agency as the capability of doing things, implies that regardless of the course of action that what taken, agents at any moment could have done otherwise not at all. It depends on the case, but both aspects of the agential emergent properties of bystanders work as a double-edged sword. An active involvement for example, can work as a force that elaborate complex social situations of violence for the better, “to become active requires that people focus their attention on a problem, so that their values or feelings of empathy [the animal pity of men] are activated” [8, 387]. But being an active bystander can also give rise to different manifestations of violence and activate repeated cycles as it is the case with failed military and humanitarian interventions. From the same token, not a passive bystander can either contribute to the structural elaboration or reproduction of violence depending on the case.

As Staub has pointed out, reconciliation means “mutual acceptance [between the parties involved in the situations of violence], both parties [victim and perpetrator] letting go of anger and coming to accept the other party more” [8, 471]. In order for it to be successful, the social mechanisms that underlie violence should be understood to address the different issues that arise from its different manifestations while simultaneously promoting the active involvement of the parties to seek an appropriate solution.

References:

1. Marc Alexandre. Conflict and Violence in the 21st Century. World Bank. – 2014. Retrieved from URL:(<http://www.un.org/pga/70/wp-content/uploads/sites/10/2016/01/Conflict-and-violence-in-the-21st-century-Current-trends-as-observed-in-empirical-research-and-statistics-Mr.-Alexandre-Marc-Chief-Specialist-Fragility-Conflict-and-Violence-World-Bank-Group.pdf>)
2. Ermolaeva E. P., and Jessica Ross. Unintended Consequences of Human Actions. Lanham: U of America, – 2011.
3. Wilkins Burleigh T. “Whose Trial? Whose Reconciliation?” in War Crimes and Collective Wrongdoing: A Reader. Jokic Aleksandar (Ed.). Malden, MA: Blackwell, – 2001.

4. Lamb Sharon. *The Trouble with Blame: Victims, Perpetrators, and Responsibility*. Cambridge, MA: Harvard UP,– 1999.
5. Vetlesen Arne Johan. *Evil and Human Agency: Understanding Collective Evildoing*. Cambridge, UK: Cambridge UP,– 2005.
6. Card Claudia. *The Atrocity Paradigm: A Theory of Evil*. Oxford: Oxford U.– 2006.
7. Rigby Andrew. *Justice and Reconciliation: After the Violence*. N.p.: Lynne Rienner,– 2001.
8. Staub Ervin. *Overcoming Evil: Genocide, Violent Conflict, and Terrorism*. Oxford: Oxford U,– 2013.

Section 8. Philology

*Atamanchuk Viktoriya Petrivna,
doctoral student, Department of Ukrainian Literature History,
Theory of Literature and Literary Art, Institute of Philology
Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: victoriaatamanchuk@gmail.com*

TRAGEDY OF LIUDMYLA STARYTSKA- CHERNYAKHIVSKA "THE ROBBER KARMELYUK": GENRE ORIGINALITY AND IMAGE SYSTEM

Abstract: The article deals with the tragedy "The Robber Karmelyuk" of L. Staritska-Chernyakhivska. The genre signs of a literary work are clarified. The originality of the artistic modeling of the of the character's images in literary work is researched. Characteristic features of conflict and ways of its deployment are determined. The specificity of the dramatic action organization is determined.

Keywords: tragedy, dramatic action, conflict, protagonist, image, Lyudmila Starytska-Chernyakhivska.

*Атаманчук Вікторія Петрівна,
докторант кафедри історії української літератури,
теорії літератури та літературної творчості
Інститут філології Київський національний університет
імені Тараса Шевченка
E-mail: victoriaatamanchuk@gmail.com*

ТРАГЕДІЯ ЛЮДМИЛИ СТАРИЦЬКОЇ-ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ «РОЗБІЙНИК КАРМЕЛЮК»: ЖАНРОВА СВОЄРІДНІСТЬ ТА ОБРАЗНА СИСТЕМА

Анотація: У статті аналізується трагедія Л. Старицько-Черняхівської «Розбійник Кармелюк». З'ясовуються жанрові ознаки твору. Досліджується своєрідність художнього моделювання образу головного героя та образів дійових осіб твору. Визначаються характерні ознаки конфлікту та способи його розгортання. З'ясовується специфіка організації драматичної дії.

Ключові слова: трагедія, драматична дія, конфлікт, дійова особа, образ, Людмила Старицька-Черняхівська.

Г. Семенюк [2; 3; 4] розглядає твори Л. Старицької-Черняхівської у контексті дослідження

української драматургії 1920-х років. Літературознавець визначає головні ознаки історичної

драматургії цього періоду. С. Хороб [6] аналізує твори Л. Старицької-Черняхівської, досліджуючи структурні особливості одноактної драми. Вивченню драматичної творчості та культурологічної діяльності Л. Старицької-Черняхівської присвячена праця Л. Барабана [1].

Твір Людмили Старицької-Черняхівської «Розбійник Кармелюк» (1926) варто визначити як трагедію. Центральною фігурою твору виступає легендарний борець за свободу покріпачених українців Кармелюк. В образі Кармелюка простежуються риси трагічного героя. Він самовіддано бореться за загальнонародну справу, жертвуючи особистими інтересами. Кармелюк самотужки розпочинає боротьбу проти цілої системи поневолення. Відстоюючи принципи справедливості, він стикається із морально-етичними дилемами, які не мають однозначного вирішення і провокують серйозний внутрішній конфлікт у свідомості героя. Внутрішній особистісний конфлікт стає важливою частиною конфлікту твору, який, крім особистісної, розгортається у сфері міжстанових та внутрішньостанових відносин.

Проекція єдиного конфлікту твору, який базується на протиставленні правди і кривди, у різні сфери індивідуального та суспільного буття, призводить до домінування трагічного начала. Ускладнюючи таким способом трагічний конфлікт, авторка посилює кожен з аспектів його художнього вираження. Розвиток дії засвідчує нагромадження непримиренних суперечностей, долаючи які головний герой проходить через трансформаційні процеси. Перед ним розкриваються нові рівні розуміння буттєвої діалектики, які вносять корективи в його уявлення про справедливість. Ідея справедливості Кармелюка, з якої розпочався організований ним повстанський рух, у результаті втілення в дійсність провокує низку вкрай негативних проявів.

Переоцінка цінностей головного героя призводить до опосередкованого руйнування встановлених особистісних зв'язків, що у силу непе-

реборних обставин стає причиною його загибелі. Кармелюк показаний як харизматичний лідер. Якщо у розбійників емоційна залежність від отамана обмежується ситуацією боротьби з поневоленням, то в Уляни вона стає всепоглинаючою й руйнівною. Потреба Кармелюка у справедливості, яку він не зміг реалізувати через моральну неперебірливість своїх прибічників, перетворюється на недосяжний символ праведної боротьби.

Унікальність образу Кармелюка драматург підкреслює за допомогою виключних рис його характеру. З-поміж інших дійових осіб Кармелюка вирізняє його глобальна мета. Його діяльність спрямована на утвердження справедливості в умовах кріпацтва. Проте погляди Кармелюка з одного боку випереджали час і стан розвитку колективної свідомості, оскільки він зрозумів нагальну потребу визволення українського народу від кріпацтва й намагався діяти виключно в загальнонародних інтересах. З іншого – процес реалізації намірів Кармелюка показав вразливість й суперечливість його ідеї звільнення. Справедливість, яку він намагався утвердити, виявлялася достатньо відносною і неоднозначною. Пограбування панів задля того, щоби наділити награваним бідних, призводило до непередбачуваних негативних наслідків. Саме явище пограбування розмивало межі морально прийнятних дій і вчинків, а для багатьох послідовників народного ватажка ставало самоціллю.

Якщо Кармелюк намагався грабунком справедливо перерозподілити ресурси між панями та бідняками, то багато хто з його розбійників грабував бідняків й знущався над ними для власного збагачення. П'ятеро розбійників під керівництвом Кармелюка демонструють йому обернену сторону його ідеї справедливості, яка виявилася ще більш потворною, ніж кріпосницька система, проти якої виступив народний герой. У творі показано три випадки злочинів, які вчинили розбійники проти бідняків. Хронологія злочинів свідчила про недієвість смертної кари, на чому наголошували і покарані Кармелюком розбійники.

Авторка подає історію життя розбійника Сибірського, який першим здійснює злочин проти бідняків. Сибірський, який впродовж життя потерпав від насильства, вирішив чинити насильство над іншими. Він заперечує ідеї справедливості Кармелюка, протиставляючи їм власні деструктивні уявлення про помсту. Розбійник визнає свій злочин і готовий прийняти покарання, але попереджає Кармелюка про незнищенність прагнення помсти і особистої наживи, яким керуються розбійники. В останніх двох розбійників-злочинців, яких Кармелюк вже не карає, оскільки розуміє, що це не змінить ситуації, взагалі сформувалося уявлення про їхнє право грабувати населення задля особистих потреб.

Кармелюк, який був натхненником повстанського руху, вирішує скласти із себе повноваження керівника, коли усвідомлює, що його прибічники своїми діями деформують його ідею. Людмила Старицька-Черняхівська наголошує на масштабі особистості народного героя: він виходить за межі суто особистісних прагнень; його діяльність спрямована на досягнення всезагального блага; він усвідомлює взаємозаперечність боротьби за волю й грабунку заради особистого збагачення. Водночас така позиція відмежовує його від товаришів, частина яких переслідувала насамперед корисливі цілі. З-поміж маси розбійників він виокремлює лише декількох прибічників (діда, Андрія, Осогноста), які розділяють його ідеалістичні наміри. Кармелюк усвідомлює неможливість подолання деструктивних тенденцій. Він твердить: «То з галиччю не врятуєш тої справи, за яку ми повстали» [5, 92].

Оскільки Кармелюк виступає у трагедії центральною фігурою, то конфлікт у різних виявах зосереджується навколо нього. Спочатку Кармелюк рішуче виступає проти шляхти, яка знущається над кріпаками. Пізніше він вступає у жорстке протиборство із власними прибічниками, які чинять злочини супроти беззахисного населення. Вирішального значення набуває вимуше-

не особистісне протистояння Кармелюка із його коханкою. Драматург підкреслює парадоксальні факти з життя Кармелюка, поєднуючи його високі поривання, здатність спричинювати радикальні зміни у суспільстві із неспроможністю захистити себе в особистій сфері. Народний герой, який розпочав велике повстання, активно боровся із соціальною несправедливістю, через моральні перестороги відмовився продовжувати боротьбу, коли вона почала перетворюватися на здирництво, став жертвою одержимості і ревнощів закоханої у нього жінки.

Взаємини Кармелюка із дружиною Мариною і коханкою Уляною стають причиною його внутрішнього нерозв'язного конфлікту, що, зрештою, призводить Кармелюка до загибелі. Марина змусила Кармелюка замислитись над істотними суперечностями його діяльності, адже його боротьба за народне звільнення прирекла його власну сім'ю на тяжкі випробування. З цієї причини, Марина, яка разом з дітьми опинилася у ролі жертви панської сваволі, не підтримувала повстанський рух Кармелюка. Марина також відобразила сумніви самого Кармелюка, який спостерігав суперечливі наслідки своєї боротьби, що приносила лише частковий ефект. Він замислювався: «Чи рано вийшов я?» [5, 92].

Намагання Кармелюка спокутувати провини перед близькими за їхні поневіряння наштовхується на шалену протидію з боку Уляни, яка зосередила смисл свого буття в Кармелюкові. Вона прямо заявляла про надмірну емоційну залежність від Кармелюка й вимагала від нього відповідності власним нав'язливим станам. Заради власного хворобливого захоплення Уляна посприяла порятункові Кармелюка з каторги, але стала причиною його загибелі, коли зрозуміла, що Кармелюк мимоволі позбавляв її можливості втілювати свої хворобливі почуття.

В образі Уляни, як і в образі каторжного Сибірського, виокремлюються руйнівницькі прагнення, які виникли під впливом пережитого ними

поневолення. В Уляни та Сибірному егоїстичні потреби набули потворного вигляду. На відміну від них, у Кармелюка, який пережив жорстоку несправедливість кріпацького існування, сформувався намір змінити несправедливий соціальний устрій. Основне його стремління було спрямоване на покращення життя бідняків. Драматург акцентує увагу на самовідданості і саможертвності Кармелюка заради справи, що надає величності образів народного героя. Неординарність образу Кармелюка простежується і в стратегії боротьби з польською шляхтою та москалями, коли герой не просто свідомо йде на ризик, а й відверто насміхається над ворогами, розігруючи перед ними справжні вистави. Гра Кармелюка сприяє своєрідному перевертанню відносин між дійовими особами. В одному епізоді Кармелюк, замаскувавшись у графа Замойського, змусив панів добровільно підкоритися йому для їхнього нібито порятунку від самого Кармелюка. В іншому епізоді Кармелюк заради порятунку вдається до перевдягання й двічі розіграє перед панами свою зацікавленість в знешкодженні його самого.

Люди́ла Стари́цька-Черня́хівська посилює романтичне начало в образі Кармелюка, підкреслюючи його незвичайність. Він вирізняється з-поміж кріпаків освіченістю; він здатний підняти масштабне повстання; здатний мислити нестандартно; він намагається досягнути високої мети, а його дії мають альтруїстичний характер. Герой обирає шлях спротиву, коли соціальне насильство проти нього самого та його родини набуває абсолютно цинічного вигляду. Герой відмовляється терпіти приниження і коритися, тим самим він не тільки виходить за межі кріпацької психології, а й демонструє можливість відносно вільного існування. Водночас він стає виразником ще цілком не усвідомлених прагнень усього пригнобленого українського народу.

Драматург окреслює передумови формування бунтівних настроїв Кармелюка. Разом з паничами Пігульськими він побував у Парижі, де не тільки

здобув знання, а й побачив інший соціальний уклад. Повернувшись в Україну, він висловлював протест проти негуманного ставлення до кріпаків. Апофеозом несправедливості став обмін самого Кармелюка на породистих хортів. З-поміж інших кріпаків його вирізняє обурення жорстоким ставленням до кріпаків та й взагалі системою кріпацтва, яке досягає апогею після цинічного нехтування його природними людськими правами. У нього формується думка про необхідність спротиву, що також виокремлює героя із загалу кріпаків, які звикли страждати та коритися.

Дійові особи твору міфологізують образ Кармелюка, наголошуючи на його виключних здібностях та переповідаючи неймовірні історії про його діяння. Для розбійників Кармелюк став втіленням перемоги за найнебезпечніших умов. Один із них стверджував: «Як ідеш за ним так і страху тобі нема, здається, один на сотню кинувся-б, переміг-би всіх!» [5, 42].

У трагедії прагнення до волі стає показником національної свідомості – проводиться своєрідна паралель між повстанням Гонти та Залізняка і повстанським рухом Кармелюка, що свідчить про усталену традицію боротьби за волю. Хоча масштабне повстання Гонти і Залізняка було придушене, ватажків жорстоко покарали, Запорізьку Січ зруйнували, а весь народ опинився у неволі, потреба боротьби за свободу не зникла. Колишній гайдамака дід Максим першим долучається до Кармелюка, який невдовзі піднімає на боротьбу усе Поділля.

Крім національного, у творі увиразнюється і загальнолюдське прагнення до свободи. Осогност порівнював Кармелюка зі Спартаксом, що викликало у Кармелюка роздуми про сумні закономірності фіналу повстанських рухів й водночас про незнищенність самої ідеї відвоювання свободи. Кармелюк вбачає свою місію у вираженні й утвердженні ідеї свободи. Суголосність намірів народного героя й українського народу відображається у народній пісні про Кармелюка, яка

у виконанні його самого набуває експресивності і символічності.

Кармелюк підводить підсумок своєї діяльності, який свідчить про істотну переоцінку мотивів повстанського руху, реального становища й ролі самого Кармелюка: «Нема до чого вертатись, Уляно, зрозумій ти: я встав шукати правди. Зарозумілий, задумав вернути людям волю, перевернути все життя, наставити свій правдивий закон. А в ту правду хто вірив? Старезний дід, плохий Андрій, учений Осогност, та я, всесвітній дурень, – розбійник Кармелюк!» [5, 106].

Людмила Старицька-Черняхівська використовує своєрідні художні повтори, які увиразнюють трагічну визначеність фіналу твору. У розмові з Уляною Кармелюк переосмислює увесь свій пройдений шлях, усвідомлює свої помилки й відзначає свою моральну спустошеність, називаючи себе мертвим. «Хіба не бачиш, що мертвий я? ... Хотів побороти правду, а заподіяв кривду всім ...» [5, 100]. Символічними є повторювані крики пугача, які звучали як «поховав» [5, 105], та образ страченого Сибірного, який являвся Кармелюкові. Образ мертвого листа, гнаного вітром, нагадав Кармелюкові його власний стан після пережитих розчарувань. Невдовзі Кармелюк гине від кулі з вини Уляни.

У трагедії «Розбійник Кармелюк» Людмила Старицька-Черняхівська репрезентувала образ відомого історичного діяча через зображення різних аспектів його діяльності, що у сукупності забезпечило створення цілісного образу народ-

ного героя. Цілісність образу Кармелюка обумовлювалася намаганням героя підпорядкувати своє життя служінню ідеї визволення народу. Спроби Кармелюка реалізувати глобальну мету пов'язані із масштабними суперечностями, які породжують головний конфлікт твору, – боротьбу за свободу. Герой проходить через нездоланні суперечності соціального (міжстанового та внутрішньостанового) та особистісного характеру. Драматург зображає внутрішню трансформацію героя, яка відбувається у процесі цієї боротьби, оскільки втілені ідеї набувають зовсім іншого вигляду. Процес переосмислення, у результаті якого Кармелюк усвідомлює неоднозначність здійснених змін та їхню вибірковість, призводить до формування у героя гострого внутрішнього конфлікту.

Трагедії Людмили Старицької-Черняхівського «Іван Мазепа» та «Розбійник Кармелюк» присвячені видатним особам, які намагалися змінити хід української історії, відвоювавши й утвердивши права українського народу. Герої творів драматурга вдаються до радикальних дій заради визволення, проте зазнають поразки. Причиною поразки у боротьбі із зовнішніми ворогами виступає внутрішня розрізненість народу й брак глобальної об'єднуючої ідеї. Драматург у трагедіях повсякчас підкреслює прагнення українців добути незалежність, водночас вона наголошує на відсутності внутрішньої консолідованості. Драматичний конфлікт у творах базується на протиставленні різних ідей про перспективи розвитку української держави.

Список літератури:

1. Барабан Л. Старицька-Черняхівська Людмила. Тернистий шлях творчості. – Вінниця: Велес, – 2003. – 90 с.
2. Семенюк Г. Ф. Біля джерел: Драматургічний процес на Україні в роки Жовтня та громадянської війни. – К.: Т-во «Знання» УРСР. – 48 с.
3. Семенюк Г. Ф. Українська драматургія 20-х років. – К.: Либідь, – 1992. – 184 с.
4. Семенюк Г. Ф. Українська драматургія 20-х років. Нове осмислення драматургічних явищ одного з найбагатших і непростих етапів в історії національної літератури і культури: посіб. для вчителя. – К.: РВЦ: Проза, – 1993. – 204 с.

5. Старицька-Черняхівська Л. Розбійник Кармелюк: вистава на 5 дій і 6 одмін. – Харків: Рух, – 1926. – 107 с.
6. Хороб С. Українська одноактна драма: виміри структури модерністського тексту // Біблія і культура: збірник наукових статей / За редакцією А. Є. Нямцу. – Чернівці: Рута, – 2008. – Вип. 10. – С. 78–89.

*Khachatryan Lalik Mnatsakanovich,
doctor of philology, professor,
Armenian State Pedagogical University after
Kh. Abovyan, Yerevan
E-mail: lingualal51@mail.ru*

TYPOLGY OF VERBAL FORM FUTURUM I IN LATIN AND OLD ARMENIAN

Abstract: Futurum I is polysemantic verbal form and meets in old languages. In Latin and in Old Armenian language Futurum I typologically is characterized with its active-like and passive-like conjugations, different verb building basic forms, with its synthetic constructions.

Keywords: Futurum I, active-like conjugation, passive-like conjugation, typological characteristics, synthetic type.

*Хачатрян Лалик Мнацаканович,
доктор, филологических наук, профессор,
Армянский государственный педагогический
университет имени Х. Абовяна, Ереван,
E-mail: lingualal51@mail.ru*

ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ FUTURUM I В ЛАТИНСКОМ И ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: Futurum I – эта полисемантическая глагольная форма, которая встречается в древних языках. В латинском и древнеармянском языках Futurum I типологически характеризуется особенностями действительного и страдательного залогов, типами глаголообразующих основ и синтетическими структурными типами.

Ключевые слова: Futurum I, действительное наклонение, страдательное наклонение, типологическая характеристика, синтетический структурный тип.

С другой стороны – в некоторых языках эта временная форма имеет два типа будущего времени – Futurum I и Futurum II, в зависимости от структурного типа основы глагола.

Форма Futurum I образуется от основы настоящего времени глагола, а Futurum II – от основы аориста, при помощи личных окончаний [6, 200–204].

Futurum I – диффузная глагольная форма: диффузность наблюдается во многих словах и словоформах, где нельзя чётко дифференцировать не только лексические, но и грамматические значе-

ния по причине взаимопроникновения в их структуры полисемичных компонентов.

Другой аспект, Futurum I – грамматически синкретичная временная форма: в одной грамматической форме проявляются некоторые грамматические значения. Futurum I на современном этапе соответствует разным формам будущего времени.

Как диффузная и синкретичная временная форма, Futurum I относится к древним языкам, таким, как латинский и древнеармянский.

Латинский и древнеармянский языки считаются относительно мёртвыми языками: через них до нас дошли многочисленные древние письменные памятники, в которых всесторонне отражаются грамматическая структура, литературная норма и стилистическая система этих языков.

Поэтому, чтобы точно толковать древние тексты, необходимо выявлять типологические характеристики Futurum I в латинском и древнеармянском языках.

Это, в частности, относится к основообразованию Futurum I, синтетическим структурным типам, активным и пассивным склонениям, вариантам проявления грамматических значений, функциональной роли вспомогательного глагола и грамматических частиц, соответствию этой глагольной формы грамматическим категориям современных языков и т.д.

1. В латинском языке формы Futurum I образуются от первой основы при помощи личных окончаний: –ō, –s, –t, –mūs, –tīs, –nt.

Futurum I имеет четыре типа склонения.

Глаголы первого и второго склонения образуются от первой основы – добавляя суффиксальный элемент –b [3, 53]. Личные окончания, при наклонении активного и пассивного залогов, присоединяются к основе тематическими гласными –ī-, –ū-.

Представляем парадигму действительного наклонения.

I наклонение		
1-е лицо	ōrnā-b-ō	ōrnā-b-ī-mūs
2-е лицо	ōrnā-b-ī-s	ōrnā-b-ī-tīs
3-е лицо	ōrnā-b-ī-t	ōrnā-b-ū-nt
II наклонение		
1-е лицо	dōcē-b-ō	dōcē-b-ī-mūs
2-е лицо	dōcē-b-ī-s	dōcē-b-ī-tīs
3-е лицо	dōcē-b-īt	dōcē-b-ū-nt

Грамматическое значение глагольных форм Futurum I соответствуют будущему времени современного русского и армянского языков:

ōrnābō – զարդարելու եմ, կզարդարեմ, я буду украшать,

dōcēbō – սովորելու եմ, կսովորեմ, я буду обучать.

Глаголы третьего и четвертого спряжений Futurum I образуются другими суффиксами: при активной склонении в первом лице единственного числа глаголы на основе принимают элемент –ā- и личное окончание –m-, а при пассивном склонении – элемент –r. В остальных лицах единственного и множественного числа они приобретают суффиксальный элемент –ē-, к которому присоединяются личные окончания активного и пассивного залога [4, 132].

III наклонение

1-е лицо	tēg-ā-m	tēg-ē-mūs
2-е лицо	tēg-ē-s	tēg-ē-tīs
3-е лицо	tēg-ē-t	tēg-ē-nt

IV наклонение

1-е лицо	audī-ām	audī-ē-mūs
2-е лицо	audī-ē-s	audī-ē-tīs
3-е лицо	audī-ē-t	audī-ē-nt

tēgām – ծածկելու եմ, կծածկեմ, я буду покрывать,

audīām – լսելու եմ, կլսեմ, я буду слушать.

Представляем парадигму страдательного наклонения:

I наклонение

1-е лицо	ōrnā-b-ōr	ōrnā-b-ī-mūr
2-е лицо	ōrnā-b-ē-rīs	ōrnā-b-ī-mīnī
3-е лицо	ōrnā-b-ī-tūr	ōrnā-b-ū-nūr

II наклонение

1-е лицо	dōcē-b-ōr	dōcē-b-ī-mūr
2-е лицо	dōcē-b-ē-rīs	dōcē-b-ī-mīnī
3-е лицо	dōcē-b-ī-tūr	dōcē-b-ū-ntūr

ōrnābōr – զարդարվելու եմ, կզարդարվեմ, меня будут украшать,

dōcēbītūr – սովորացվելու է, կսովորացվի, его будут обучать.

III наклонение		
1-е лицо	tëg-ă-r	tëg-ë-mür
2-е лицо	tëg-ë-rīs	tëg-ë-mīnī
3-е лицо	tëg-ë-tūr	tëg-ë-ntūr

IV наклонение		
1-е лицо	audī-ă-r	audī-ë-mür
2-е лицо	audī-ë-rīs	audī-ë-mīnī
3-е лицо	audī-ë-tūr	audī-ë-ntūr

ветствующих окончаний, которые с четырьмя признаками склонения /т, һ, ш, нл/ образуют парадигму глагольных форм [1, 121].

tëgār – ծածկվելն էմ, կծածկվեմ, меня будут покрывать.

audīētūr – լսվելն է, կլսվի, его будут слушать.

В латинском языке временные формы действительного и страдательного наклонения характеризуются синтетическим структурным типом.

2. В древнеармянском языке форамы Futurum I образуются от первой основы при помощи соот-

	Единственное число			
	է	ի	ս	նլ
1-е лицо	- իցեմ	- իցիմ	- այցեմ	- ուցում
2-е лицо	- իցես	- իցիս	- այցես	- ուցուս
3-е лицо	- իցէ	- իցի	- այցէ	- ուցու

Множественное число				
1-е лицо	- իցեմք	- իցիմք	- այցեմք	- ուցումք
2-е лицо	- իցեք	- իցիք	- այցեք	- ուցուք
3-е лицо	- իցեն	- իցին	- այցեն	- ուցուն

В парадигме Futurum I глаголы выражаются двумя структурными типами основ – простой и суффиксальной.

Покажем парадигму Futurum I по признакам склонения.

а/ Глаголы с простой основой: կոչել-կոչ, հայել (իմ) – հայ, զգալ – զգ, հեղուկ- հեղ:

	Единственное число			
	է	ի	ս	նլ
1-е лицо	կոչիցեմ	հայիցիմ	զգայցեմ	հեղուցում
2-е лицо	կոչիցես	հայիցիս	զգայցես	հեղուցուս
3-е лицо	կոչիցէ	հայիցի	զգայցէ	հեղուցու

Множественное число				
1-е лицо	կոչիցեմք	հայիցիմք	զգայցեմք	հեղուցումք
2-е лицо	կոչիցեք	հայիցիք	զգայցեք	հեղուցուք
3-е лицо	կոչիցեն	հայիցին	զգայցեն	հեղուցուն

б/ Глаголы с суффиксальной основой: արկանել-արկան, ուսանել (իմ)-ուսան, մերձենալ-մերձեն, զարթնուլ-զարթն:

Единственное число				
	է	ի	ս	ու
1-е лицо	արկանիցեմ	ուսանիցիմ	մերձենայցեմ	գարթնուցում
2-е лицо	արկանիցես	ուսանիցիս	մերձենայցես	գարթնուցուս
3-е лицо	արկանիցի	ուսանիցի	մերձենայցի	գարթնուցու
Множественное число				
1-е лицо	արկանիցեմք	ուսանիցիմք	մերձենայցեմք	գարթնուցումք
2-е лицо	արկանիցեք	ուսանիցիք	մերձենայցեք	գարթնուցուք
3-е лицо	արկանիցեն	ուսանիցին	մերձենայցեն	գարթնուցուն

Глаголы с признаками склонения է, ս, выражающие значение действительного залога, могут спрягаться по типам пассивного склонения, включая грамматическое значение страдательного залога [2, 425].

Единственное число			
	կոչիցիմ	զգայցիմ	արկանիցիմ
1-е лицо	կոչիցիմ	զգայցիմ	արկանիցիմ
2-е лицо	կոչիցիս	զգայցիս	արկանիցիս
3-е лицо	կոչիցի	զգայցի	արկանիցի
Множественное число			
1-е лицо	կոչիցիմք	զգայցիմք	արկանիցիմք
2-е лицо	կոչիցիք	զգայցիք	արկանիցիք
3-е лицо	կոչիցին	զգայցին	արկանիցին

Глагольные формы Futurum I соответствуют временным формам желательного, условного и принудительного наклонения будущего времени современного армянского языка [5, 159]:

զգայցի- զգա, կզգա, պիտի զգա, զգայցի- զգացվի, կզգացվի, պիտի զգացվի:

В древнеармянском языке формы действительного и страдательного наклонения имеют синтетический структурный тип.

Исходя из сопоставительно-типологического анализа временных форм Futurum I в латинском и древнеармянском языках, можно показать, какими типологическими особенностями характеризуется эта временная форма.

- Глагольные формы Futurum I в латинском и древнеармянском языках, независимо от типа склонения, имеют синтетический

структурный тип, который свойствен языкам агглютинативного типа: *ōrnābō*, *ōrnābōr*. В латинском языке значение страдательного залога выражается при помощи аффиксации: *ōrnābō-r*, *ōrnā-b-ī-tūr*. В древнеармянском языке значение страдательного залога выражается при помощи флексии: *սիրիցեմ – սիրիցիմ*, *խաղայցեմ – խաղայցիմ*.

- В латинском языке вспомогательный глагол при оформлении Futurum I не имеет функции: временные формы образуются при помощи окончаний.
- В древнеармянском языке формы вспомогательного глагола выступают в качестве окончания: *սիր – իցեմ*, *սիր – իցես*, *սիր – իցի*.

- В обоих языках Futurum I образуется от первой основы.
- В обоих языках глаголы в парадигме Futurum I спрягаются типами активного и пассивного наклонения.

Изучение типологии Futurum I на уровне латинского и древнеармянского языков выявляет

их сходства, которые более чем очевидны. Исследования такого рода подтверждают постулат Фердинанда де Соссюра, который гласит, что синхронические уровни разных языков ближе друг к другу, чем диахронические уровни одного языка.

References:

1. Абраамян А. Учебное пособие древнеармянского языка, – Ереван, – 1976. / на арм. яз.
2. Багратуни А. Армянская грамматика для нужд образованных, – Венеция, – 1852. / на арм. яз.
3. Виничук Л. Латинский язык, – Москва, – 1985.
4. Мирошенкова В. И., Федоров Н. А. Учебник латинского языка, – Москва, – 1976.
5. Хачатрян Л., Тосунян Г. Учебное пособие древнеармянского языка, – Ереван, – 2003. / на арм. яз.
6. Солопов А. И., Антонец Е. В. Латинский язык, – Москва, – 2017.

Section 9. Philosophy

*Muratov Abdizhalil Abdirazakovich,
doctor, of medical science, professor,
Head of the Department of General Surgery
Osh State University*

*Osmonov Tagaybek Zhenishbaevich,
candidate of medical sciences, associate professor,
of the Department of Surgical
graduate student, of Osh State University, Osh,
Diseases of Osh State University, Osh*

*Kutuev Zhanybek Akunovich,
graduate student of Osh State University, Osh,
Department of General Surgery and Surgical Diseases
Osh State University of the Kyrgyz Republic
E-mail: muratovabdizhalil@mail.ru*

PHILOSOPHY OF MEDICINE: ORIGINS, PROBLEMS, PROSPECTS

Abstract: A short excursion to the history of the interaction of philosophy and medicine is made and some directions of this problem are indicated.

Keywords: philosophy, medicine, philosophical and medical research, dialectical method, system approach.

*Мураатов Абдижалил Абдыразакович,
д.м.н., профессор, зав.кафедрой общей хирургии
Ошского государственного университета,
Кыргызстан г. Ош,
Осмонов Тагайбек Женишбаевич,
к.м.н., доцент кафедры хирургических болезней ОшГУ,
Кыргызстан г. Ош,*

*Кутуев Жаныбек Акунович,
аспирант, ОшГУ, г. Ош,
Кафедры общей хирургии и хирургических болезней
Ошского государственного университета
Кыргызской Республики
E-mail: muratovabdizhalil@mail.ru*

ФИЛОСОФИЯ МЕДИЦИНЫ: ИСТОКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: Проведен краткий экскурс на историю взаимодействия философии и медицины и указаны некоторые направления данной проблемы.

Ключевые слова: философия, медицина, философские и медицинские исследования, диалектический метод, системный подход.

Безусловно, философия и медицина одинаково древние по происхождению феномены культуры. Они посвящены человеку, призваны помочь человеческому существу адаптироваться в окружающем мире. Несмотря на общность задач, философия и медицина изначально выбирают разные пути своего развития: медицина – путь практического действия, философия – путь теоретического обобщения и рефлексии.

На протяжении всей истории человечества философия и медицина шли «рука об руку», стремясь к гармонии разума и чувства, души и тела в человеческом существовании. Главная проблема, которую они решали сообща, – проблема выживания человечества на Земле и проблема самоопределения человека как гармоничного природного и культурного существа».

Итак, еще издревле философия и медицина объединяют свои усилия, поскольку порознь они лишены цельности – философия удаляется от эмпирии, «витают в облаках», медицина же, погружаясь в исследование организма, забывает о личности, «утопает» в деталях и частностях. На всем протяжении истории культуры идеи объединения философского и медицинского знания ради постижения тайны жизни и тайны

человека претворялись в трудах самых известных философов, медиков, естествоиспытателей.

Вот так слагалась философия медицины. Симбиоз философских и медицинских идей представляет собой древневосточная мудрость, заключенная в египетской «книге мертвых», индийских ведах, в учении китайских даосов, а также в трудах врачей – философов Востока (например, Ибн Сино).

Тесная связь философии и медицины Ибн Сины проявляется в близости предметов исследования (изучение человека, его личности и влияния общества на личность), сходстве целей и задач, единстве методологии, ценностной ориентации. Несмотря на разные направления деятельности и разные пути поиска истины (медицина выбирает на заре своего существования путь практического действия, философия – путь теоретического обобщения и рефлексии), обе они в духовном наследии Ибн Сины решают одну и ту же, можно сказать, глобальную проблему – проблему выживания человечества, проблему самоопределения человека как природного и культурного существа.

Медицинская антропология Ибн Сины формирует парадигмальные основания его медицины, задавая определенный образ и стиль авторского медицинского мышления, видение задач и спо-

собы их решения, и, наконец, соответствующий образ медицинской практики через концептуализацию основных категорий в его философских воззрениях. Таким образом, новое прочтение Ибн Сины вне ограничивающих рамок требований советской науки, европоцентризма, азиатизма представляют уникальную возможность интегрального осмысления освещаемых им проблем в контексте современной цивилизации, испытывающей кризис своих духовных оснований, отражающегося в расколе человеческого духа и разрушении человеческой телесности [2; 5; 6].

Особенностью восточной философии медицины является рассмотрение человеческого организма, как самодостаточной сущности, в которой неразрывно связаны дух и тело. Болезни тела здесь рассматриваются, прежде всего, как болезни духа, соответственно лечение болезни – это восстановление душевного равновесия и духовного здоровья.

В Древней Греции философия и медицина так же тесно сотрудничают и взаимообогащаются. Их объединяет стремление разобраться в человеческой психике, попытка ответить на вопрос, что есть человек, какова (личная и общественная) ценность человеческого здоровья (в работах таких знаменитых врачей и философов как Эмпедокл, Аристотель, Гиппократ и др.).

В средневековой европейской традиции философские и медицинские исследования продолжают взаимопересекаться. Активно развивается новая отрасль знания, находящаяся на стыке философии, медицины и естественно-научных исследований. Европейские врачи-философы эпохи Средневековья (Р. Бэкон (1214–1292), Т. Парацельс (1493–1541) и др.) предвосхитили многие последующие медицинские открытия и разработки. Преодолевая и пересматривая многие основы древней медицины и философии человека, средневековые ученые, естествоиспытатели способствовали внедрению химических препаратов в медицину, а также заложили основы теории адаптации человека в окружающей среде.

Философия медицины как особая отрасль научного знания особенно популярной становится в XX в., когда появляется огромное количество исследований, находящихся на стыке философии и медицины. В них разрабатываются практики и техники лечения, самооздоровления, самосовершенствования с учетом внутренних возможностей организма, резервов человеческого духа, а также наследуемых структур психики (архетипы коллективного бессознательного К. Г. Юнга).

Выдвигаемые сегодня предложения по «улучшению» человеческой телесности диктуют необходимость нового обсуждения старого философского вопроса о том, что есть человек, что есть норма и патология применительно к человеческому здоровью, как физическому, так и духовному.

Основные проблемы, которые встали сегодня во главу угла философии медицины, – здоровье личности и здоровье нации, здоровый образ жизни, влияние общества и природной среды на патологические изменения в человеческом организме, проблемы человеческой духовности как основы психического и физического здоровья человека, социальные причины «болезней века», этика взаимоотношений врача и пациента, эстетические основы современной медицины и многие другие.

Среди большого числа замечательных философов и медиков XX и XXI вв., стремившихся объединить философскую и медицинскую проблематику с целью решить насущные проблемы человечества, можно назвать таких врачей-философов как австриец З. Фрейд (1856–1939), швейцарцы К. Г. Юнг (1875–1961), А. Швейцер (1875–1965), канадец Г. Селье, русские ученые Ф. Углов, Н. Амосов и др.

Современная философия выступает сегодня и как методологический фундамент медицинского знания, призывая объединить разрозненные частные исследования и системно применить их к исследованию качественно своеобразной живой системы – человека. На первый план в деятельности современного врача выступает диалектический

метод, поскольку только он обеспечивает комплексный, системный подход к вопросам болезни, её лечения, профилактики, проведения реабилитационного периода.

Сама по себе болезнь уже есть процесс диалектический и противоречивый. Диалектический метод применим уже на начальной стадии – осмыслении сущности и причин болезни. Современное состояние медицинского знания дает право утверждать, что никакое заболевание нельзя сводить к случайному эпизоду экзогенного происхождения, к простому попаданию в организм, скажем инфекционного начала. Сущность болезни состоит не во внешнем воздействии, а в содержании нарушенной жизнедеятельности.

Во время болезни в организме противодействуют две стороны – «полом» (патогенез) и «защита» (саногенез). Обуславливая внутреннюю противоречивость болезни, они одновременно связаны друг с другом и отрицают друг друга. Взаимопревращаемость защитных и повреждающих реакций («полома» и «защиты») следует понимать, как единство противоположностей. Факты свидетельствуют, что один и тот же механизм может выступать как с функцией защиты, так и в качестве патологического процесса: защитно-приспособительные механизмы при определенной фазе их нарастания превращаются в свою противоположность.

Таким образом, организм имеет единую эволюционно выработанную систему жизнедеятельности, которая при благоприятных условиях может переходить в патологическое состояние и наоборот. Физиологический процесс на определенной стадии его развития может превращаться в патологический, который тоже является приспособительным, но уже не защитным.

Диалектическое единство локального и общего в течении болезни проявляется в том, что степень локализации патологического процесса, его относительная автономность, характер протекания зависят от состояния организма как целого. Кли-

ническая практика и эксперименты доказывают, что в организме нет абсолютно локальных и абсолютно общих процессов. Учет сложной диалектики части и целого, общего и локального в работе практического врача во многих случаях является основой разработки правильной тактики лечения.

Анализируя значение диалектического метода в работе врача, нельзя не отметить, что и клиницист, и теоретик, не владеющие диалектическим методом, какими бы хорошими специалистами они не были, в лучшем случае интуитивно смогут правильно оценить ситуацию, поставить диагноз, назначить соответствующее лечение. Диалектический метод, применяемый сегодня в различных областях знания, основывается, прежде всего, на системном мышлении.

Системный подход в современной философии и науке характерен в целом для познания объективной реальности, в медицине же он наиболее важен, т.к. она работает со сложной живой системой – человеком, сущность которого отнюдь не сводится к простому взаимодействию его частей и «механизмов». Сама по себе теория лечения есть специфическая теория управления живой системой, поскольку лечение есть система мер, направленных на психосоматическую оптимизацию состояния человека.

В живых системах величина отклонения от нормы («сигнал рассогласования») приводит в действие регулирующее устройство, которое через ряд переходных промежуточных процессов ведет к уменьшению величины отклонения. Внутреннее «регулирующее устройство» стимулирует включение механизмов компенсации, восстановления, которые и возвращают систему к заданному уровню (или к норме). Это и есть основной внутренний двигатель в развитии как физиологических, так и патологических процессов, поскольку как в основе тех, так и других лежат одни и те же механизмы саморегуляции.

Требования системного мышления в медицине предполагает, как минимум три основных

постулата: во-первых, рассматривать организм как совокупность малых систем и, в свою очередь, слаженную единую систему, действующую по определенным закономерностям; во-вторых, рассматривать человека (пациента) как единство души и тела, своего рода психосоматическую систему, закономерности существования и развития которой не сводятся только к соматическим изменениям; в-третьих, стремиться к объединению разрозненного медицинского знания, фор-

мированию общей теории патологии, которая реально станет фундаментом всей современной медицины.

С сожалением сегодня можно констатировать тот факт, что теоретическая медицина (учение о болезни, компенсаторно-приспособительных процессах, механизмах компенсации нарушенных функций, связях и взаимоотношениях частей в организме и т.д.) пока еще представлена в виде отдельных фрагментов, но не целостной системы знаний.

Список литературы:

1. Ашимов И. А. (Кара Дабан). Клон дервиша. Научно-фантастический роман. – Бишкек, – 2016. – 190 с.
2. Ашимов И. А. Время и пространство Ибн Сины. Художественно-философское сочинение в 2-х томах. – Том 1. – Ибн Сино на перекрестке тысячелетий. – Бишкек, – 2016. – 221 с.
3. Ашимов И. А. Время и пространство Ибн Сины. Художественно-философское сочинение в 2-х томах. – Том 2. – Медико-философские концепции Ибн Сины. – Бишкек, – 2016. – 240 с.
4. Ашимов И. А., Муратов А. А. Философия медицины. Избранные вопросы. – Ош, – 2017. – 232 с.
5. Абыкеев А. Э. Медико-философские концепции Ибн Сины. – II том. – Б.: – 2016. – 245 с.
6. Абыкеев А. Э. Научно-фантастический роман «Клон дервиша». – Б., Типография ЧП. – 2016. – 190 с.

*Kurbonova Lolakhon Abdulkhadimovna,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: naumenko06@mail.ru*

ONTOLOGICAL SENSE OF ELITOLOGY

Abstract: In this article some aspects of elitology categories with ontological points of view are considered. Some retrospective analysis of élites changes in few periods of history is provided. Interesting author's position includes independent outlook on the elite formation problem in the world history. Also in this paper some perspectives and opportunities of following elitism conceptions development and developing of people's and nation's political consciousness are analyzed.

Keywords: ontology, politics, elitology, elitism conceptions, categories, civil society, democracy, populism, mass-media, political consciousness, elites changes concept.

*Курбонова Лолахон Абдулхадимовна,
Национальный университет Узбекистана,
Ташкент, Узбекистан
E-mail: naumenko06@mail.ru*

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭЛИТОЛОГИИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые аспекты категорий элитологии с онтологических точек зрения. Проводится некоторый ретроспективный анализ сменяемости элит в нескольких периодах истории. Интересная позиция автора включает самостоятельное воззрение на проблему формирования элит в мировой истории. Также в статье анализируются некоторые перспективы и возможности последующего развития элитаристских концепций и развития общечеловеческого и национального политического сознания.

Ключевые слова: онтология, политика, элитология, элитаристские концепции, категории, гражданское общество, демократия, популизм, средства массовой информации, политическое сознание, концепция смены элит.

Элитология сегодня считается одной из самых быстроразвивающихся политологических и социологических дисциплин. Это связано в первую очередь с тем, что по сути управлять государством, государственными организациями, да и в целом обществом не может личность, не связанная с определёнными способностями к управлению.

Элитология несмотря на своё достаточно недолгое развитие, прочно укрепила в научном мире. Существующие элитологические теории неоднозначно рассматривают возможности

управления общественными процессами. И поэтому существует необходимость не только социально-философского, но и онтологического рассмотрения специфики элитологии и элитологических концепций.

Элитаристские теории актуализировались ещё в начале XX столетия. Это было продиктовано тем фактом, что к власти в большинстве существующих на тот момент государств, приходили люди, жаждущие не просто быть во главе, но и властвовать. Как показывает элитологическая практика,

элитарность не зависит от вида политического режима (за редким исключением) и в связи с этим теории элит В. Парето, Г. Моска и др. точно описывают любую борьбу за власть и переход власти внутри определённой элиты или от одной элиты к другой [1; 2, 22; 3, 107–116]. Другого варианта просто не существует.

В онтологическом смысле возникает один из главных вопросов всей элитологии. Желает ли политическая или иная элита уступать своё место у власти? В данной статье мы оставим его без ответа. Однако, опираясь на исследования выдающихся элитологов и политологов прошлого, можно выявить некую атрибутивность в ожиданиях самой власти и её «последствий» со стороны властных структур. Продолжительность пребывания той или иной элитарной группы у власти, как показывает история, может составлять несколько веков. Монархические династии всегда были убеждены, что только избранным уготован трон, и только избранные наделены божественным даром власти.

Непрерывность властных полномочий элиты может интерпретироваться, так же, как и непрерывность бытия. С точки зрения атомистической концепции материализма все элементарные частицы просто меняют структуру более крупных элементов, но при гибели последних сами нигде не исчезают, а ждут дальнейшего соединения в следующей форме. Так и проявляется онтологичность сменяемости элит. Но, с другой стороны, можно ли доказать, что сменяемость элит это новый поворот в политической и общественной истории той или иной страны и недопущение в этом отношении людей не из элиты может привести к гибели системы? Вероятно, можно. Но тут же возникает другой вопрос. А будет ли это доказательство верным и может ли оно быть оспоренным. Обыватель не захочет углубляться в процессы элитологических манипуляций и, естественно, не будет ставить перед собой задачу оспаривания неких абстрактных философских категорий. До

этого ли ему? Этим самым и пользуются политтехнологи, политические менеджеры, защитники элитологических концепций. Однако отцы создатели элитологии убеждены в том, что никогда ещё в истории цивилизованного человечества власть от элиты не переходила в руки народа. Всегда только от одной элиты к другой, как это было уже показано выше.

Вопрос о бытийственной структуре элитологических теорий и концепций до сих пор остаётся открытым и дискуссионным. Это связано с невозможностью определения демократических условий для функционирования элит в гражданском обществе. Конечно, в основном говоря об элитологии и элитарности, речь идёт о политических процессах, но от элит так же зависит и социальная, и экономическая, и духовная жизнь общества. Без существования элитарной прослойки развитие управленческого аппарата, по мнению некоторых политтехнологов прекратится. Наступит хаос гражданской войны и борьбы за власть. По крайней мере, именно так преподносят большинству людей информацию по ту сторону телевизионного экрана. Но так ли обстоят дела на самом деле? Ведь не секрет, что манипуляции политтехнологов превращают сознание обывателя в манипулятивный инструмент одобрения всех процессов, предлагаемых и проводимых элитой.

Насущные проблемы управленческого характера всегда влияли на расстановку сил в государственном управлении. Стоит вспомнить хотя бы приглашение Рюрика, его родственников и потомков на княжеский престол Руси. Практика показывает, что элиты не всегда являются коренными представителями местного населения. Если это было необходимо для становления централизованного государства, то именно на такой шаг (как в случае с Рюриком) шли местные князья, дабы не допустить усобиц.

В странах-колониях верховная власть на протяжении веков распределялась между представителями сначала элит стран-метрополий, а затем

и между представителями местных наиболее удобных для имперского режима элит.

Какое же было самоуправление в странах до колониального периода. Да в принципе и в те далёкие времена власть принадлежала в основном не выборным элитам, а передавалась по наследству. Самые сильные, самые умные, самые смелые или храбрые всегда были у власти. В последствии они смогли создать свои кланы. Пока клан был сильным, то соответственно и удерживался у власти. Стоило кланам ослабить вожжи, то тут же, незамедлительно, к власти приходил другой клан. Во вражду между кланами и элитами естественно были втянуты все, кто имел хоть какое-то значение в расстановке сил. Это в первую очередь воины, стражи, дружина, ну и несомненно простолюдины. Если дворяне получали в результате побед земли, богатства, то простолюдин никогда и ничего не получал. Так элиты въезжали во власть на спинах рабов и холопов.

Ситуация к началу XXI столетия во многом изменилась. Появились новые технологии, новые средства передачи необходимой информации и доведения её до сознания масс. Выдающиеся достижения XX века – телевидение и сеть Интернет в основном и используются для продвижения своей политической, социальной и иной платформы. Так, например, в средствах массовой информации постоянно муссируются те или иные проблемы, которые в принципе далеки от жизни среднестатистического гражданина, но прослушав эту «важную» информацию гражданин предпочитает её обдумывание насущным проблемам бытия. Различного уровня экономические саммиты, конгрессы

демонстрируются по телевидению и в других медиасредствах, но зачастую используют очень сложный для понимания непрофессионального экономиста категориальный аппарат. Так для чего нужна подобная информация, которая только режет слух и заставляет обращать на себя внимание. Но всё это делается только с целью поддержать в широких массах действующую политическую систему и находящуюся у руля власти политическую элиту.

Демократия, правовое государство и гражданское общество всегда были маяком для развития человечества. В нынешнем веке человечество как никогда близко подошло к формированию этих идеалов. Сможет ли оно побороть свои сугубо материальные пристрастия; сможет ли элита в некоторых государствах действительно отражать интересы своих избирателей или и дальше будет продолжать действовать в интересах олигархических кругов и клановых установок, пока неизвестно. Но остаётся надеяться на повышение уровня политической культуры общества, политического сознания и взаимовыгодного сотрудничества между политическими элитами как внутри государства, так и на международной арене.

Онтологическая сущность элитологии несомненно очевидна. Без бытийственного компонента осознание элитологических процессов во всех сферах жизнедеятельности общества невозможно и по этой причине, на наш взгляд, необходимо проводить различного рода общественные мероприятия по разъяснению сущности элитологических концепций, категориального аппарата элитологии, как научной теории, так и практики.

Список литературы:

1. Парето В. Трансформация демократии, – М.: Издательский дом «Территория будущего», – 2011. – 207 с.
2. Гаэтано Моска. Политическая мысль Новейшего времени. Персоналии, идеи, концепции: Краткий справочник / Сост. Михайлова Е. М. – Чебоксары: ЧКИ РУК, – 2010. – 22с.
3. Моска Г. Элементы политической науки // Социс. – 1995. – № 4, 5, 8.
4. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социс, – 2000. – № 1. – С. 107–116.

*Primov Bahriddin Abdirahmanovich,
teacher, the Uzbek State Institute
physical culture, Chirchik, Uzbekistan
E-mail: matonat07@mail.ru*

MORAL VALUES AND INFORMATION SECURITY IN THE INFORMATIONAL SOCIETY

Abstract: The article studies the development of society in the informal age. Also, the role and significance of spiritual values global change is analyzed. It is studying the acceleration of the information flow in the context of globalization, the growth of its potential and opportunities, and the widespread use of social and public life in various directions.

Keywords: development of society, global changes, information age, information flow, information space, moral values.

*Примов Бахриддин Абдирахманович,
преподаватель, Узбекский Государственный институт
физической культуры, Чирчик, Узбекистан
E-mail: matonat07@mail.ru*

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНФОРМАТИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: В статье изучается развитие общество в иноформенном веке. Также, анализируется роль и значение духовных ценностей глобальном изменении. Изучается ускорение информационного потока в условиях глобализации, рост его потенциала и возможностей, широкое использование в различных направлениях общественной и государственной жизни.

Ключевые слова: развитие общество, глобальные изменения, информационный век, информационный поток, информационная пространства, нравственные ценности.

Считающийся началом третьего тысячелетия XXI век можно охарактеризовать всё больше поглощающим человеческое общество информационным потоком, а также его ускорением. Кроме того, что данный процесс имеет глобальное значение, он также влияет на социальную среду и этические ценности. В условиях глобализации информационный поток с одной стороны является положительным явлением, обогащающим человеческое мышление, а с другой, – остаётся самой опасной силой для незащищённого мышления

и этических ценностей. Своеобразная угроза информационного потока имеет универсальный невидимый характер и может отрицательно влиять на все сферы общественной жизни. Потому что, распространение информации в обществе, организации, семье, сознании человека протекает незаметно. Для того чтобы, различать положительную информацию от отрицательной, осваивать полезные данные и отрицать вредоносные человек должен обладать широким мировоззрением, сильным мышлением, высокими моральными

качествами. Нельзя сказать, что каждый человек имеет способность критически анализировать новую информацию. В связи с этим, в первую очередь сами распространители информации должны иметь информационно-психологическую стабильность. К таковым можно отнести следующие: образовательные учреждения, общественные организации, правительственные ведомства и всяческие сотрудники, работающие с народом.

Вторая половина XX века характеризуется как период развития быстрого, широкого потока информации и телекоммуникационных технологий, их распространения почти на все сферы жизни и деятельность человека, а также как время глобализации информационного пространства, что коренным образом влияет на мировое развитие. Примечательно то, что потребность в обмене информацией внутри страны и в мире, в общем, возрастает с каждым днём. Ускорение информационного потока в условиях глобализации, рост его потенциала и возможностей, широкое использование в различных направлениях общественной и государственной жизни стало определяющим фактором развития человечества в новом XXI веке. А также, в последние годы информационные ресурсы активно используются как поле для столкновения государств, достижения геополитических целей. Это особенно свойственно государствам, обладающим современными информационно – коммуникационными технологиями.

Частое использование понятий «информационная война», «информационное противостояние», «информационное давление» и др. в нынешних международных отношениях повышает важность принимаемых мер по защите населения от информационных угроз. Актуальность данной проблемы ещё и в том, что на сегодняшний день сознание и нравственное поведение людей (лица, социальной группы, общества) в определённой степени находится под влиянием деятельности средств массовой информации и информационных ресурсов. По этому, в условиях открытой

информационной системы значение решения проблемы личности и общества связанные с традициями, обычаями и нравственными ценностями возрастает. В тоже время, возможности информационной системы можно использовать для защиты и развития национальных нравственных ценностей, а также очень важно использование их в целях создания благоприятных условий для соблюдения интересов человека и общества в глобальном информационном пространстве.

Сегодня информация является основным оружием и в оказании влияния на национальные нравственные ценности, и в борьбе за расширение данного влияния. Если учесть, что информация в современном мире становится одним из самых могущественных ресурсов, то возникновение потребности в обеспечении информационной безопасности представляется естественным. Так что же понимается под информационной безопасностью? Часто, информационная безопасность определяется степенью защищённости государства, юридических и физических лиц в сфере информации. В этом смысле информационная безопасность является составной частью национальной безопасности. Тем более, что информационная безопасность является фактором, который может угрожать и иметь сильное воздействие на независимость страны, социально-экономическое развитие государства, духовность народов живущих в нём. Если учесть то, что всякая зависимость в первую очередь начинается с зависимости мысли, можно проследить связь между обеспечением независимости Республики Узбекистан и обеспечением информационной безопасности.

Демократические процессы в Узбекистане протекают в условиях информатизированного общества, геополитической конкуренции, глобализации, информационной «войны». Проводимая информационная политика некоторыми силами в таких условиях напоминает «наставление» оставленные в VI веке до нашей эры древнекитайским философом и военным деятелем Сунь Цзи:

- «разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника»;
- «вовлекайте видных представителей вашего противника в преступные предприятия»;
- «подрывайте их престиж и выставляйте в нужный момент на позор общественности»;
- «используйте сотрудничество самых подлых и гнусных людей»;
- «разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны»;
- «подстрекайте молодежь против стариков»;
- «мешайте всеми средствами деятельности правительства»;
- «препятствуйте всеми способами оснащению, обеспечению и наведению порядка в вооруженных силах»;
- «сковывайте волю противника бессмысленными песнями и музыкой»;
- обесценивайте все традиции и богов ваших врагов»;
- «посылайте женщин легкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения»;
- «будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников, не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят богатые дивиденды» [1].

К сожалению, история человечества показывает, что даже спустя 2600 лет сущность агрессорских и разрушительных идей не изменилась. И так, в чём проявляются опасность и угрозы в сфере информации для Узбекистана? Пропаганда насилия, межнациональной и межрелигиозной вражды, распространение неправильной и искажённой информации о национальных нравственных ценностях являются проявлениями угроз в данной сфере. А также, оказание информационного влияния противоречащим национальным нравственным ценностям тоже можно внести в перечень угроз нашему обществу. Необходимо отметить, что обеспечение информационной безопасности требует решение ряда организационных и правовых вопросов, а также, применение воспитательных

мер. Информационная безопасность обеспечивается путём создания условий для удовлетворения потребности граждан к информации. Ещё один способ обеспечения информационной безопасности связан с повышением информационной культуры граждан, то есть формирование у них навыков отбора и сознательного использования информации. Самое важное, это подготовка людей к правильному осмыслению информации. То есть, каждая личность должна разработать критерии выделения определённой информации как полезной или вредной, и обрести навыки оценки ценности какой либо информации для своей профессиональной деятельности и личной жизни. Иначе говоря, наличие в сознаниях людей «фильтра», который сортирует информацию, является важным фактором, гарантирующим информационную безопасность.

Информационная экспансия, распространение по всему миру «универсальной» западной культуры порождает большую угрозу для национальных нравственных ценностей всех стран. Данная угроза сильна настолько, что вышеуказанные идеи внедряются в сознания наций, народов, народностей с помощью нейролингвистического программирования. Впоследствии появились такие понятия как «культурная агрессия» и «экспансия прав человека». Значит формирование культуры приёма информации – является одной из актуальных проблем современности.

Духовно-просветительский аспект обеспечения информационно-психологической безопасности, формирование институтов гражданского общества, твёрдое соблюдение правовых и моральных норм в деятельности СМИ определены как важные условия информационно-психологической безопасности. Ещё один вопрос в данной сфере, связан с психологической самозащитой лица в условиях открытых массовых информационных систем. Естественно, что человек является центральным звеном социально-политических, экономических и духовных систем. Духовное

состояние человека в первую очередь зависит от содержания доносимой до него информации. Значит, изучение идей, их видов, форм и особенностей, и самое важное изучение национальной идеи, её состава, источников, а также целей имеет большое значение. Разработка форм поведения человека в разных ситуациях и алгоритма психологической защиты, выявление методов психологической защиты в условиях связи с открытыми информационными системами, прививание навыков отделения полезной информации от вредной также являются задачами данного вопроса. Фундамент психологической стабильности – воспитание здравого взгляда на бытие, свои возможности и возможности государства.

Среди проблем науки есть и проблема обеспечение безопасности общественного мнения и информационно-психологической безопасности общества. Особенности массового сознания способствуют развитию технологий психологической манипуляции. Это значит, есть потребность формирования психологического иммунитета общества. Здесь, такие составляющие как национальная культура, обычаи, гражданская позиция, чувства патриотизма служат основой иммунитета против чуждых идей. Общественное мнение является важным проявлением сознания общественности и мерилом состояния гражданского

общества. По этому, мониторинг его состояния и расслаивания, а также, формирование его с помощью СМИ – является составной частью социально-политической жизни страны.

Обеспечение информационно-психологической безопасности средств массовой информации и общества является очень важной задачей в Узбекистане. Решение данной задачи подразумевает разработку мер по определению состояния и особенностей информационно-психологической безопасности в разных сферах общественной жизни республики, по её усилению, международное сотрудничество в этом направлении. В Узбекистане не просто постоянно вести изучение составных систем СМИ, и особенно сложно сформировать и развивать современный информационный рынок. Для этого, необходимо совершенствование законодательства по СМИ, обеспечение доступа для граждан к открытым государственным и негосударственным информационным сетям, местными СМИ учитывать психологию, менталитет населения. Есть много путей и средств достижения стабильной психологической пропорциональности по отношению к влиянию иностранных средств массовых коммуникаций. Среди них приоритетным можно назвать – освещение местными СМИ истории, культурных и духовных богатств народа Узбекистана.

Список литературы:

1. Психологическая война. Электронная газета. Интернет-манзили: URL: <http://www.pravoedelo.spb.ru/forum/message.html?thread=20020201095707&id=2>.

Shapoval Vladimir Nikolayevich,
professor, of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines
doctor, of philosophical science, professor,
Kharkov National University of Internal Affairs
E-mail: shapovalw@ukr.net

ECOPHILOSOPHY AND DEEP ECOLOGY: THE SEARCH FOR A NEW PARADIGM OF HUMAN AND NATURE RELATIONS

Abstract: The article attempts to show the specifics of approaches to solving global environmental problems within the framework of ecophilosophy and deep ecology, traces the origins and basic principles of deep ecology, as well as the importance of forming a new worldview paradigm for resolving the most acute problems of our time.

Keywords: ecophilosophy, deep ecology, life, man, balance, harmony of nature and society.

The world's ecological situation is becoming more and more alarming. It could hardly be expected otherwise, as the world's population is growing steadily, so are the consumer demands and the efforts of the economic and social machines trying to meet them. It is not hard to imagine what can happen if these trends persist. If people do not change their attitude to the world in general and to the wildlife in particular, we will inevitably collapse. The question arises if there is a way out of the situation, or the crisis has gone too far and we have crossed the point of no return. Specific scientific data on the state of air, water, soil, changes in the biosphere, etc. are not enough to get an answer to this question. We need an integral, philosophical view of life that will allow us to discover the underlying causes of the whole complex of environmental and social problems, to link their solution with what future of the human-kind we would like to see.

The German scientist Hugo Convent is one of the pioneers of the modern ecophilosophy, whose name was widely known in the scientific world at the beginning of the 20th century. He outlined the main philosophical and ecological views in his main book *The Threat to Natural Monuments and Proposals for their Preservation* (1904) [see: 4]. His intellec-

tual influence on the development of ideas for the protection of wildlife was weighty enough in his day. Unlike the Americans, who were the first to create large national parks, G. Konopets raised the issue of protecting small natural objects placing special emphasis on the most important concept of a 'natural monument'. The famous scientist and traveler Alexander von Humboldt introduced this term in 1819. Comparison of the value of the plants discovered by him during his trips with monuments of art and history, the value of which was already understandable and recognized, was the impetus to the development of the movement for the protection of specific natural objects. G. Convent not only opened the eyes of contemporaries to the scientific, ethical and aesthetic value of natural monuments, but also offered to take them under the protection of the state. The scientist said that protection of the nature was part of the protection of the homeland, and thus was a national and patriotic task.

The concept of ecology originated in the 19th century. In 1866, E. Haeckel said that the ecology was 'the science of the relationship of organisms with the environment' [see: 2]. The concept of human ecology originated a few years before that of the classical biological ecology, and it had a different name. Auguste

Comte raised these problems for the first time in 1837. This concept called 'human biology' developed in Mechnikov's *The Nature of Man* (1903) and *Studies in Optimistic Philosophy* (1907) [see: 5]. As time passed by, a new science has evolved in two ways: the human ecology as a biological organism and social ecology.

At present, the relationship between society and nature is such that we should go beyond the boundaries of specific sciences into the sphere of the world outlook, to activate the ecologization of knowledge and environmental policy. There is an urgent need to address the complex problems of the 'ecology of mind', which, above all, shall mean the ethical problems of purification of the spiritual sphere of what makes a person an enemy not only of all living things, but himself as well. The preservation of life on Earth, and hence, the natural habitat of humankind, will depend on solving these issues. At this point, the natural and human sciences must combine, and the private knowledge must rise up to the level of philosophy. If this happens, we can go far beyond the framework of bioecology into a new synthetic area of knowledge combining the biological, anthropological, social and even cosmic components.

A new scientific area, which emerged in the last quarter of the twentieth century, called deep ecology sets this task. It is a doctrine of the interaction of human as a bodily and spiritual being with the biosphere of the Earth and quite definitely goes beyond ecology form the biological point of view. N. Reimers said, 'Deep ecology proclaims that 'the Earth is above all', i.e, our planet comes first, and the human, whose social and other opportunities are limited, comes second... This is no longer a science, but a biocentric social movement' [3, p. 22].

The term 'deep ecology' was first proposed by the Norwegian philosopher Arne Naess in his article 'Surface and deep: promising environmental movements' published in 1973 [see: 4]. Naess wanted to show what a spiritual attitude to nature should be, and how it differs from the purely pragmatic approach prevailing in the public consciousness and

during the last two centuries. A new attitude can be formed if people are extremely responsive to the world, wildlife, to themselves as intelligent and moral beings. Deep ecology raises questions about the meaning of human life on this planet, about the relationship between society and nature, about what kind of social system can be best for maintaining life in all its forms.

Naess A. criticized the Judeo-Christian attitude to nature, 'The man's self-concealment revealed in the Bible consists in the idea of superiority of being an intermediary between the creator and the creation' [8, p. 187]. This belief made the human, without any justification; consider himself as a supreme being, and all other living beings only as a means for satisfying his needs that are often not rational. Considering the right to life as his natural inalienable right, he denied the existence of such a right in all other animals and plants, subjecting entire species to extirpation.

Naess A. developed two basic normative principles of deep ecology representing a transition from a narrowly pragmatic attitude to nature to considering it at the level of philosophical thinking. These principles are biocentric equality and self-realization of man. Their practical use could radically affect the global environmental situation.

The principle of biocentric equality means that all species of plants and animals of the planet Earth, from microbes and lichens to dolphins and tropical forests, have equal rights to life and the development of their diverse individual forms. Each species of plants and animals of the global biosphere of our planet has its own intrinsic value, and is an element of a single interrelated organic whole. The principle of biocentric equality does not contradict the fact that many animals use other animals as food, a place for living or for other purposes. It is important to maintain the biotic balance, which is the basis for the existence and development of wildlife. People should treat all living beings not as their masters, but as ordinary members of the biotic community playing a very specific role in this community.

The principle of biocentric equality is connected with the principle of self-realization that by damaging the wildlife people harm themselves, because the boundaries in nature are purely conventional, everything is connected. The man should exert, if possible, a minimal impact on nature guided by Neiss's A. rule: simplicity of means, variety of results [see: 7].

Religious and philosophical approaches developed within the framework of Taoism, Buddhism or Islam can be an alternative to the expansionist attitude to nature prevailing in the Western thinking. The need to establish a harmonious relationship between man and nature was first realized in ancient India and ancient China, the regions that were first recognized by the demographic pressure of man on nature. In the 6th century B. C. the teachings of Lao Tzu and Buddha, in religious and philosophical form, offered the idea of unity and integrity of all living, as well as a subordinate position of man in the wildlife system. According to Buddhism, because of the infinite cycle of lives in the universe, no animal, irrespective of its size, shape and place in the wildlife, can be killed. The life of another being must be treated as one's own. 'Just as a mother abandons everything to save her only son,' Buddha said, 'a Buddhist should always show boundless love and compassion for all living beings' [1]. These ideas are extremely relevant these days.

The ideas of deep ecology are developed in the works of modern American scientist B. Devall. According to him, deep ecology goes beyond the

specific scientific level, 'rising to the level of the wisdom of the Earth and selfhood' [2, p. 5]. This doctrine rises above private environmental problems and tries to show what a comprehensive *religious philosophical worldview* should be in order to save the wildlife and man. The deep ecology, in this sense, speaks from the prospective of the philosophy of ecology, being one of its directions. Its peculiarity is that questions about the unity of man and nature are placed here in the context of various spiritual traditions, such as Taoism, Buddhism, Christianity, Islam, the religions of the aborigines of America, Africa and Australia. and attempts are being made to implement a certain religious and philosophical synthesis.

Summing up, it is necessary to note the following. For many centuries, the Western mentality has formed the setting according to which human is a supreme being that is the dominant force in relation to all other living beings, which are only a means to satisfy his desires. Deep ecology indicates that such illusions are false and dangerous. It forms the belief that the human is part of an organic whole planet, and he must understand that he is part of the life of the planet Earth and must preserve life in all its forms. If such ideas become imperative and people move from words to actions aimed at improving the situation, there will be a hope that the balance of the biosphere will be restored, humanity will have a chance for a favorable future.

Список литературы:

1. Борейко В. Е. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. – 2-е изд. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, – 1999. – Т. 1. – 224 с.
2. Геккель Э. Мировые загадки. Общеизвестные очерки монистической философии. – М.: Либроком, – 2012. – 256 с.
3. Деволл Б., Сешнс Дж. Глубинная экология. – К.: Киевский-эколого-культурный центр, – 2005. – 108 с.
4. Конвенц Г. Практика охраны памятников природы. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, – 2000. – 88 с.
5. Мечников И. И. Этюды оптимизма. Изд. 4-е, исп. и доп. – М.: Научное слово, – 1917. – 290 с.
6. Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила принципы и гипотезы). – М.: Журнал 'Россия Молодая', – 1994. – 367 с.

7. Naess A. The shallow and the deep, long-range ecology movement [Электронный ресурс] / Arne Naess.– Режим доступа: URL: http://www.ecology.ethz.ch/.../Naess_1973.pdf
8. Naess Arne. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. Trans. David Rothenberg (Cambridge: Cambridge University Press,– 1989).

*Yakhshilikov Juraboy Yakhshilikovich,
doctor, of philosophical sciences, professor,
Head of the Department of Philosophy,
Samarkand State University
E-mail: yaz-81@mail.ru*

OBJECTIVES AND SUBJECTIVES OF THE INTERNET SYSTEM

Abstract: This article discusses an Internet system that has a great influence on the socio-economic life of society and mankind. It is also revealed its objective and subjective characteristics, capacities and development levels, based on socio-philosophical analysis, showed useful and harmful aspects for human beings.

Keywords: Internet System, its objective-subjective specifics, human interests, ideological prophylaxis, psychological aggression, virtual universe, internet-mania, violence, murder, assassination, illicit ideas, information-communication, evolutionary civilization.

In the 20th century, the Internet system, which has been a great discovery, has instantly summed up all the progress that has been made in the evolution of human civilization around its shell. It is no secret that this network was created in 1972 on base of the project of the US Department of Defense. However, its development stage flies in a relatively short period of time in a revolutionary manner, as a result the Internet system is set at the “universe” level, while it is boundless, non-existent, uncontrollably, delusional, has insuppressible interest – that is, it is no possible to explain that human beings can live without it. More than half of the world’s population, or more than four billion people, use the Internet today [6].

The Internet is a discovery designed to quickly and efficiently meet human interests. For example, it helps to save time and money, making it faster and easier to send and receive information, find the right information quickly, get close to, have online chats, and learn the world’s latest news. One more example, today the social networking services of the Internet are becoming more and more popular. In particular, by the number of respondents, the Face book is currently the leader with 500.000.000 users. Next is the social networking site MySpace (255.000.000 users), Odnoklassniki (over 205.000.000), Twitter (200.000.000 users), Windows Live Spaces (120.000.000 users).

The above-mentioned points are the objective factors of the Internet system, and it is part which is serves to the human and its interests. However, there are subjective (negative) aspects of this system, which in recent years are damaging the civilization that mankind has achieved for thousands of years. The Internet, for example, provided a number of possibilities to quickly send and receive information such as text, audio, video, but also have taken on the humanity to a virtual world, world far from the reality. Sadly, this universe is attracting millions of people as a magnet. As a result, human beings drift apart from their individuality, humanity, and emotions as a affection and love that are related to all living creatures. Especially, the fact that it is a widespread among young people who is a future of the mankind signifies that the issue is global.

Scientists have pointed out that informative or psychological attacks target the two major objects. This is first of all a computers and data system because it is hard to imagine today without the Internet, without the use of information technologies. The second, it is taken into account its impact on individual perception of each of us and a special perception of mass relating to our social behavior. That’s why it is time for control use of this network system by the educator, the every person involved

in the exchange of information based on his/her mentality.

As information I want to cite, that in Austria an informal meeting of psychologists of a number of countries devoted to discussing the negative consequences of the Internet was held. In it, experts have argued that excessive possession for the Internet is worse than drug addiction. This disease was included in the list of the most dangerous diseases, and called it "internet-mania". At the end of the meeting, as quoted in the published Minutes of the meeting, about 10% of the world's population are affected by this disease. It is alarming that most of this is minors and the fact that the figure quoted increases year after year.

According to researchers of the Australia Notre Dame University and China Sun Yat Sen University, the obsession with the Internet leads people not only to psychological but physical disability. People who have been captured by the "worldwide network" experience symptoms such as inattention, careless thinking, memory and vision loss, loss of sleep, decreased performance, depression, impaired blood circulation and dysfunction of the nervous system, spinal column obstruction, chronic migraine. It is noteworthy that when banning the Internet for such people, it is very likely that they will behave like drug addicts and turn into a dangerous person for their family, friends, neighbors, and generally for society as a whole. According to observations, people who are obsessed with the Internet are subsequently subject to such diseases as drug addiction and alcoholism. The most dangerous thing is that such people lose the difference between reality and the virtual world, the tendency to aggression, murder, suicide increases [2].

In addition, every day, the number of people using the Internet via mobile phones is increasing. For example, nowadays the general public all over the world is concerned with spreading obscene images through mobile phones that disgrace the human personality. Studies show that disgracing individuals and gender-based offenses are in most cases carried

out through the mobile telephones. According to the information, the production and distribution of pornography by means of a mobile phone has turned into the fastest growing business.

According to experts, in recent years, the profit gained from the distribution of pornographic products around the world amounted to \$2 billion [3]. According to the research, about 12% of all sites are pornographic, 44% are aggressive and violent, 41% are devoted to the propaganda of war, shooting and explosions [4, 60].

Let's cite another statistics: today 35% (more than 2 billion 400 million) of the world's population have access to the Internet. According to experts, by 2020 this figure can reach to 50%. The urgency of the problem lies in the fact that more than 70–75% of all information on the Internet is ideas harmful to people [5]. It means that the time has come to seriously consider the rational use of the Internet, which is aimed at the conquest of the human mind and soul and excluding its harm for our children. For this, the first thing to do is to form and develop a culture of using the Internet among people. On this path, our recommendations are as follows:

- 1) form skills of purposeful use of the Internet;
- 2) productive time-management, appreciate time;
- 3) form knowledge and practical skills;
- 4) realize creative and intellectual abilities;
- 5) increase ideological immunity and teach correctly use modern information and communication technologies in the upbringing of a harmoniously developed generation. As, the youth makes the most part of active users of the Internet, their ideological consciousness is formed on the basis of information received from it. Proceeding from this, ideological prophylaxis is in essence an important direction in preventing the invasion of alien ideas and their destruction.

For this it is recommended to pay attention to the following measures:

- take measures to prevent the penetration through the state border the means propagating inhuman ideas – books, newspapers, magazines, films, etc.

- neutralize by arrest (seizure) of representatives serving ideological institutions that are engaged in disorganization, especially fanatics ready to sacrifice themselves;
- to cut the financial roots of ideological centers that produce, spread out and use destructive ideas in order to intimidate and terrorize the masses;
- to inform the people about the spread of inhuman destructive ideas, about their goals, to call them to vigilance;

- to cut down the external and internal roots of destructive ideologies and expose their deeds;
- intensify agitation and propaganda work on the ground where there is a possibility of spreading anti-humane ideas;
- conduct educational and cultural activities against attack of destructive ideas, etc.

References:

1. URL: <http://www.qishloqhayoti.uz>
2. URL: <http://muloqot.uz>
3. See: URL: <http://oilam.uz>
4. See: Abdulmalikov A. Formation of personal in information culture in the civil society: monograph.– T.: Fan,– 2016.– 60 p.
5. See: URL: <http://old.reliqions.us/usb/news>
6. See: Culture of Internet use // Newspaper “Zaraphshon”, issue of 13rd February,– 2018 year.

Section 10. Economics and Management

*Abuzjarova Maria Ivanovna,
Ph.D., in Economics,
Samara State University of Economics
Department of "Management" Samara
E-mail: ecun@sseu.ru*

THEORETICAL APPROACHES TO SMALL BUSINESS MANAGEMENT

Abstract: The urgency of the problem being investigated is determined by the issues of entrepreneurship that provide mobility in responding to rapid market changes, creates additional incentives for the creation and, most importantly, the introduction of new knowledge and technologies. The ability to create and disseminate innovations is the most important function of modern entrepreneurship. The analysis of conceptual views on this issue points to a lot of arguments, which indicates a divergence of theoretical positions. The purpose of the article is to develop theoretical approaches to the management of small businesses in the modern economy using economic and mathematical modeling.

Keywords: entrepreneurship, small business, innovation, innovative entrepreneurship, new knowledge, technology.

The small business sector plays an important role in practically all developed countries, providing up to 40–60% of the national product.

World experience of conducting a market economy shows that high efficiency of the economy is achieved in the event that large enterprises are supplemented by the necessary number of small and medium-sized firms. It is the latter forms that ensure the preservation of the market as a competitive environment for free enterprise, hamper the tendencies of monopolization, solve many social problems, and, above all, the problem of employment of the population.

In modern economic conditions, the adaptation of the economic activities of enterprises is one of the key problems of the country's economy.

In the course of the development of market relations, a need has emerged for the formation of new approaches to the management of small enterprises.

Most of them can not adequately respond to the constantly changing conditions of the external environment due to the underdevelopment of tools for flexible adaptive management [1].

Adaptive management is the process of adopting an optimal management decision and further implementing a targeted management impact ensuring an adequate response of the enterprise to changing parameters of its external and internal environments.

Thus, there is an obvious need to improve the methods of small enterprise management aimed at its effective adaptation in a market economy, due to a number of prerequisites.

The main ones are:

- the specifics of the economy, in which classical approaches to management are not always applicable in small business;

- the urgent need for upgrading the skills of small business managers;
- the possibility of applying approved models of adaptive control of various objects;
- the need to improve the adaptation strategies of small enterprises, the introduction of methods for quantitative analysis.

An adaptive approach to the management of a small enterprise is characterized by the following provisions:

- the most adaptive approach is applicable to small enterprises. This is due to the fact that small firms are more exposed to undesirable effects. Small businesses can not independently implement large and expensive projects, are highly dependent on market conditions and the external environment, can not afford large reserves and diversification of production.

Small businesses are more exposed to the risk of bankruptcy: sometimes only one unsuccessful transaction can reduce the capital of the enterprise to zero.

On the other hand, small businesses are easier to control, the management model for them is more simple:

- the methodology of adaptive systems is the ability of the enterprise to adapt to strong internal and external influences. The degree of automation of decision-making determines the type of adaptation (quantitative or behavioral);
- it is used the necessary and sufficient for the selected criterion number of management parameters, economic instruments, mathematical methods and computer facilities. Usually one (or, more rarely, several) parameters to be optimized is selected. Choosing a large number of parameters in conditions of unpredictable impact statistics can lead to loss of system stability;
- sufficiency of a set of economic instruments. So, for small firms there is no need to conduct

investment analysis in its full volume, which greatly simplifies the functioning of the management system. In each specific situation, a different set of tools and impacts can be applied (by analogy with the situational approach);

- carrying out optimization of the company's objectives at all major stages of its activities (planning, operational management, accounting and analysis). The use of heterogeneous and non-simultaneous information flows (operational data on the state of the facility, data on suppliers, debtors and creditors, accounting data, direct and indirect data on changes in the internal and external environment) makes it possible to obtain a qualitatively new managerial effect;
- the new approach involves a combination of a finite set of basic management mechanisms with flexibility and ability to adapt the proposed methodology to a wide class of small enterprises. It can be a family business, a small manufacturing enterprise, a trading enterprise, etc.

The adaptive approach proposed by the author to the management of small business determines the introduction of the concept of adaptive management in a small enterprise into the theory and practice of management [2].

The author proposes the following definition of this concept.

Adaptive management is management based on application of optimization methods and adaptive control systems with wide use of economic-mathematical methods and computer technologies aimed at eliminating or reducing the impact of various disturbances that arise both in the internal and external environment of a small enterprise.

Adaptive management is used when a problem situation arises.

Its description gives an idea of the factors of the external and internal environment that need to be carefully analyzed and considered when making a decision.

In modern conditions, the environment in which the enterprise operates is characterized by great complexity, dynamism and uncertainty, which significantly complicates the process of making organizational decisions.

It should be noted that the use of adaptive control systems ensures a high-quality level of management by a small enterprise, which is one of the effective levers in the development of small business.

The proposed adaptive approach to managing the activities of a small enterprise is based on the use of the results of modern schools of management, legal and economic instruments, suggests a broad application of economic and mathematical methods and computer technologies [3].

The result of the adaptation process can be represented as equation:

$$R = F(x, y, t), \quad (1)$$

R – the result of the firm's work (profit, etc.);

x – a group of managed external and internal factors, the negative impact of which can be neutralized through adaptive management;

y – a group of unmanaged factors, the adaptation to which lies in the ability of managers to predict a change in the situation and to make decisions on their own in accordance with this change;

t – time factor.

Turning to a discrete model with a given time interval

$\Delta t = t_i - t_{i-1}$, It is possible at each stage to present the result of the firm's activity as a function of several parameters:

$$R_i = F(R_{i-1}, \Delta R_{i-1}, R_i^{pl}, x_i, y_i^{pr}, a_i, b_i) \quad (2)$$

R_i – the result in the period i ;

R_{i-1} – the result in the period $i-1$;

R_i^{pl} – planned result in the period i ;

R_{i-1}^{pl} – planned result in the period $i-1$;

$\Delta R_{i-1} = R_{i-1} - R_{i-1}^{pl}$, – deviation from the plan during the period $i-1$;

x_i – controlled internal and external factors affecting the system during the period i ;

y_i^{pr} – estimation of unmanaged factors affecting the system during the period i ;

a_i – management adaptation factor;

b_i – predictive adaptation factor.

Monitoring of system parameters at each stage of its operation allows to detect deviations ΔR_i in time and to take management decisions aimed at their elimination using various adaptation mechanisms.

The greatest effect in the adaptive approach can be obtained by influencing various controlled factors.

As an example of implementing an adaptive approach to the management of small enterprises, an adaptive model can be proposed, based on specific stages, mechanisms and tools for adaptation.

The model is based on the application of adaptive management at various time stages of the enterprise's functioning (planning, project implementation, accounting and analysis).

Three cycles of management are conventionally distinguished:

- The operational cycle provides for the monitoring and analysis of current information.
- The tactical cycle is based on the analysis of the balance of the enterprise for the reporting period.
- The strategic cycle involves adjusting the firm's activities in the long run.

The model of management of a small enterprise proposed by the author has a fundamentally practical focus.

Basic parameters of the model:

- type of enterprise: various small business enterprises;
- adaptation strategy: quantitative, not involving organizational changes of form, using economic and mathematical methods and means of computer technology as the main, or auxiliary tool for making managerial decisions;
- stages of adaptation: business planning, short-term adaptation, long-term adaptation;
- adaptation tools: linear programming and other optimization methods, theory of adaptive sys-

tems, software package based on the EXCEL table processor, developed by the author.

The most likely path necessary for the firm to ensure the success of an adaptation strategy is the adaptation path [4].

The main task here is to ensure the stability of management.

At the heart of the adaptive management system (ACS) model, enterprises are encouraged to use the modular construction principle.

The ACS modules consist of four interconnected program basic subsystems: “Marketing”, “Logistics”, “Scientific and technological support system”, “Geoinformation system”.

When implementing the appropriate technical solutions and projects, the created system of adaptive management of enterprises successfully functions in close contact with local administrations, business associations, other enterprises and entities interested in establishing horizontal economic ties.

References:

1. Chulok A. I. Entrepreneurship and Innovation. Section 1. Innovation and Entrepreneurship // Russian Entrepreneurship. – 2000. – No. 1. – P. 23–31. Н
2. Mazzarol T. W. A Model of Small Business HR Growth Management // International Journal of Entrepreneurial Behavior and Research. – 2004. – № 9(1). – P. 27–49.
3. Nesterenko Yu. Small innovative enterprises in the institutional structure // Questions and theory of management practice. – 2015. – No. 9. – P. 78–83.
4. Cherenkov V., Tolstobrov M. The strategy of a high-tech research and production small enterprise in the system of international innovation transfer // Innovations. – 2016. – No. 3. – P. 52–66.

*Brovko Nataliia,
master of Law, Kyiv, Ukraine
E-mail: natxens1985@gmail.com*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN BANKS OF UKRAINE. MYTH OR REALITY OF THE PRESENT?

Abstract: The purpose of the article is to analyze readiness of banks in Ukraine to meet customer needs by introducing digital technologies. And also how much the customers are interested and ready to use digital services in everyday life.

The urgency of this issue is due to the development of Internet technologies and the demand of consumers to meet their needs remotely, without spending time on visiting banks.

Keywords: digital technology, mobility, online services, payments, customer, bank, IT.

Introduction

In recent years, there have been many new things that once seemed incredible: Blockchain-based solutions, cloud technologies, mobile services, contactless payments from a variety of devices.

Are digital technologies so interesting to customers? Why is the word “digital” used more and more often today? What are the benefits of such services?

Research results

Today it becomes clear that the bank may be interesting to the customers, if it provides digital services, if it is mobile. We see that in recent years the banks have had a strategy to reduce a number of branches. And this is not only in Ukraine, it is a common trend both in Europe and in the USA.

To my mind the reason for this is clear to everyone. On the one hand, new digital technologies are emerging, and we, as the customers, can meet our needs remotely. We do not need to go to the bank anymore, stand several hours in a queue in order to transfer funds or pay for utilities. As clients, we want to have services available at any time and day, but not during the working hours of the bank. Certainly, this trend will continue in the future. On the other hand, for the banks it means that a large number of branches are not needed.

Of course, it does not mean that in 5–10 years the banks will not have branches. Although the custom-

ers can use the services remotely, at the same time we want to be able to see the branch, and other attributes of the bank – as a symbol of stability. After all, with any problems or issues, we understand that we can contact a manager at the branch or escalate even higher, to “executive” support.

Even today, we see that the banks understand wishes and needs of the customers, therefore, they have begun to move in a “new” direction, and as a result, the opening new formats of the branches.

Digital technology is an additional channel for the banks to interact with the customers. In the future, a significant part of banking transactions will be implemented through the digital channels. For the banks it is a change of strategy, and for the clients this is a mobility and availability of necessary services 24/7.

Business is becoming more and more digital. This is due to the emergence and widespread of mobile internet and mobile devices. According to researches the number of retail banking transactions that have been conducted through the mobile and online channels had significantly increased for the past year in Ukraine. At the same time, we understand that with the advent of the 4G Internet, which is already beginning to appear in Ukraine, the number of online transactions will become larger.

What is a stop-factor for the banks in Ukraine today?

On the one hand, the banks stop legislation that is difficult to combine with a new electronic banking business, and the customers' fear to use electronic devices. Digital banking services have received a huge boost to development, which is no accidentally right now, when shareholders are not interested to invest money in opening new sales outlets. The banks from developed countries with subsidiaries in Ukraine have played an important role in promoting them on the Ukrainian market. Without doubt, all types of banking services that do not require a physical presence of a client at the branch will continue to evolve and actively promote by the banks. At the same time, it cannot be asserted that these services will soon come to the fore and become the main channel of interaction between the banks and the customers. After all, there are serious deterrent factors, mainly is the legislative field of banking activity. For example, the client will not be able to place a deposit or take a loan without visiting the bank. Ukrainian legislation is too "paper" and based on "alive" signatures [1].

Today, in Ukraine, there is a rapid development and interest to online lending, both from the side of the banks and companies that provide financial services. With online lending, we have a high risk and the commissions are much higher compared to ordinary loans. But, as this trend develops, all "players" of the financial market will build a fundamentally new approach to lending. Of course, to promote this strategy, changes are needed at the legislative level, therefore the National Bank of Ukraine requires help and support in this issue.

Simultaneously, I would like to pay attention that the policy of the regulator has been changed recently. Today, for instance, an electronic digital signature on documents is used for some operations in the relations between the customers and the banks. Continuing the theme of supporting the course of digitalization of the financial sector it is worth noting the creation of Digital-Club of the Independent Association of the Banks of Ukraine.

To create the Digital-Club of the Independent Association of the Banks of Ukraine has been motivated by an urgent need to remove barriers that hinder the development of information technology in banking institutions. Lack of interaction with state bodies, profile domestic and international organizations, the lack of industry-wide decisions and joint initiatives have long hindered the proper functioning of the financial sector in the country. Domestic financiers aspire to enhance trust between the banks and IT business, therefore a platform has been provided for initiatives and solutions [2].

However, in order not to lag behind Europe and the USA, it is necessary to invest not only in information technology, but also in human resources. Unfortunately, a significant part of people in Ukraine are below the poverty line. When almost all the salary is spent for food and utility payments, it is hard to talk about the necessity for such people of the digital technologies. Information technology helps us to correct the situation when a person from a small town has fewer opportunities compared to those from larger cities. So today, most of the banks and the companies have employees who work remotely. And yet, it does not solve the problem of immigration of good specialists, including IT, to Europe and the USA, as they do not see a development zone in Ukraine.

On the other hand, on the financial market competition for the banks is also made by IT companies that are actively using digital technologies. Therefore, for the implementation of financial services, we as the clients do not always need the bank.

The customer chooses that is functional and useful. In the case of the digital technology, this can be cost savings and time savings for consumer services. So far, for the most part, it is the payment of utility bills, replenishment of a mobile phone, transfer of funds to another card account and other non-critical transactions from the point of view of the client.

The banks need to think about how to be really useful to the customer. Do not impress with some

bright toys and bring a real benefit. As colleagues often point out, if there is a sense in Pay-Pass technology for the customer, when the logistics of supermarkets has not changed ultimately, and the customer still stays in line to the cashier, where the payment is made. At the same time, as before, the client loses time and effective solution does not bring the benefit. As before, there is a question of learning clients. The desire to introduce technology and do not leave the customer of choices is the easiest, but not the most productive option. And this task is not for a specific bank or group of the banks, nor even a banking system. This is a question to the institute named Ukraine. The task of this institute is to combine the efforts of interested players and create conditions for a common front of work with the population. Herewith, the special expenses from the state are not required. Alas, at the current stage, each bank itself continues to address these issues within the framework of the chosen strategy [3].

Conclusions

Our lives are becoming more and more digital and the rules of the game has changed in the financial market accordingly. The presence of digital strategies

in the banks as a plan for achieving goals via digital technologies, it has only transformed from a fashion attribute into a vital necessity in Ukraine.

In the era of digital technologies development, the banks have the only way to be in the trend and expand their client base is to implement online services for the convenience of using where the client is comfortable and when the client is comfortable.

The emergence and adoption of digital technologies, including mobile and cloud technologies, have made their own adjustments to business quickly. Mobile technologies have played an important role in this digital transformation, both for the clients and the banks. The development of digital technologies allows the banks not only to optimize most of their services, but also to interact with the customers and go to the new sources of income more effectively.

The banks are forced to introduce internet products and services, otherwise they risk losing their client base. Generally, older clients are concerned to the online services, but the bulk of the choice of a bank as a partner, pay attention to the availability of the mobile and the online services.

References:

1. Bankchart Ukraine.– [Electronic resource].– Access mode: URL: http://www.bankchart.com.ua/e_banking/statti/yakim_chinom_banki_rozvivatimut_tsifrovi_poslugi_dlya_naselennya_u_2012_2015_rokah
2. Independent Association of the Banks of Ukraine (IABU).– [Electronic resource].– Access mode: URL: <https://nabu.ua/ua/didzhitalizatsiya-finsektoru.html>
3. Forbes Ukraine.– [Electronic resource].– Access mode: URL: <http://forbes.net.ua/ua/opinions/1399633-chi-e-majbutne-u-cifrovogo-bankingu-v-ukrayini>

*Tukhashvili Mirian,
doctor, of economic sciences, Professor,
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
Faculty of Economics and Business
E-mail: tuxamiri@yahoo.com*

*Tsartsidze Murman,
doctor, of economic sciences,
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Faculty of Economics and Business
E-mail: murman.tsartsidze@tsu.ge*

*Latsabidze Natela,
doctor, of Economics,
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Faculty of Economics and Business
E-mail: natela.latsabidze@tsu.ge*

*Lobzhanidze Manana,
doctor, of Economics,
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Faculty of Economics and Business
E-mail: natela.latsabidze@tsu.ge*

*Shelia Mzia,
doctor, of economics, Researcher
Demography and Sociology Institute
Ilia State University
E-mail: mziashel@yahoo.com*

EMIGRATION INTENTIONS OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF GEORGIA (EXAMPLES FROM IVANE JAVAKHISHVILI TBILISI STATE UNIVERSITY)

Abstract: An essential feature characteristic to the high intensity emigration processes developed in the post-Soviet period has been the outflow of very qualified, highly intellectual individuals. It can be especially observed in the students of elite higher education institutions. Temporary education emigration is often transformed into permanent emigration that reduces the country's demographic, labour and educational potential.

The work is based on the studies carried out in 2016 by the researchers of the Center for Migration Studies of Tbilisi State University concerning the students' emigration intentions. The causes of the students' emigration, the directions of emigration, the financial capacity to undertake emigration, the probability of an educational emigration's transformation into a permanent one, as well as the

social and demographic consequences of emigration have been identified. The studies carried out have established that by pursuing an appropriate migration policy, it is possible to make the potential emigration of students more purpose-oriented and to enhance the positive effects of the emigration.

Keywords: Migration, student, Georgia, educational emigration, emigration intention.

Тухаишвили Мириан,
доктор, экономических наук, профессор,
Тбилисский государственный
университет им. Ив. Джавахишвили.
Факультет экономики и бизнеса.

E-mail: tuxamiri@yahoo.com

Царцидзе Мурман,
доктор, экономических наук.
Тбилисский государственный
университет им. Ив. Джавахишвили.
Факультет экономики и бизнеса

E-mail: murman.tsartsidze@tsu.ge

Лацабидзе Натела,
канд. экон. наук,
Тбилисский государственный
университет им. Ив. Джавахишвили
Факультет экономики и бизнеса

E-mail: natela.latsabidze@tsu.ge

Лобжанидзе Манана,
канд. экон. наук.
Тбилисский государственный
университет им. Ив. Джавахишвили.
E-mail: manana.lobzhanidze@tsu.ge

Шелия Мзия,
канд. экон. наук,
Институт демографии и социологии
Государственный университет имени Ильи
E-mail: mziashel@yahoo.com

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ГРУЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ)

Аннотация: Существенной особенностью, характерной для процессов эмиграции высокой интенсивности, разработанной в постсоветский период, является отток высококвалифициро-

ванных, высокоинтеллектуальных лиц. Это особенно заметно у студентов элитных высших учебных заведений. Эмиграция временного образования часто трансформируется в постоянную эмиграцию, которая снижает демографический, трудовой и образовательный потенциал страны.

Работа основана на исследованиях, проведенных в 2016 году исследователями Центра миграционных исследований Тбилисского государственного университета по вопросам эмиграции студентов. Определены причины эмиграции студентов, направления эмиграции, финансовые возможности для эмиграции, вероятность трансформации образовательной эмиграции в постоянную, а также социальные и демографические последствия эмиграции. Проведенные исследования установили, что, проводя соответствующую миграционную политику, можно сделать потенциальную эмиграцию студентов более целенаправленной и повысить позитивные последствия эмиграции.

Ключевые слова: миграция, учащийся, Грузия, образовательная эмиграция, намерение эмиграции.

Приостановление депопуляции Грузии является одной из наиболее значительных стоящих перед страной проблем. В межпереписном периоде 1989–2014 годов из-за эмиграции и аннексии население страны уменьшилось с 5,4 до 3,7 миллиона человек. Страна потеряла треть населения. Как подтверждают многие исследования, в эмиграцию выехал наиболее мобильный контингент с высоким трудовым потенциалом. Из-за широких масштабов трудовой эмиграции трудовой потенциал страны еще более снизился. По различным источникам, на временную работу выбыло около полмиллиона человек. Многие из них стараются приобрести статус гражданина иностранного государства. Трудовая эмиграция превратилась в первую ступень постоянной эмиграции. Процесс возвращения выехавших из Грузии незначителен. В создавшейся ситуации особенно проблематичен процесс интенсивной утечки из страны «мозгов» – наиболее передовой интеллектуальной части. Потенциальная эмиграция интеллектуалов имеет широкие масштабы. В наибольшей мере она проявляется среди студентов, особенно элитарных высших учебных заведений. Уже массово сформировалось настроение выехать в другие страны на временное или постоянное жительство. Реализация этого настроения завершается как

позитивными, так и негативными результатами. Процесс требует глубокого изучения и по возможности управления.

На тему потенциальной эмиграции студентов уже накопилось много исследований. Из них наиболее интересны труды ученых постсоветских стран, поскольку в этих странах сформировалась эмиграционная ситуация и похоже развилась и ментальная среда [1, 15, 17, 18, 19, 20].

Проведенное с целью изучения потенциальной эмиграции студентов конкретное социологическое обследование охватило 1236 студентов бакалавриата всех факультетов Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили. Опрос был проведен методом случайного выбора. Из них две трети были девушками (67%), а одна треть – юношами. Абсолютное большинство студентов (99%) оказались в возрасте до 24 лет, из них абсолютное большинство (94%) не состояли в браке.

Как было отмечено нами, целью опроса являлось выявление эмиграционного настроения студентов, их отношения к личной эмиграции.

52% студентов постоянно проживают в Тбилиси, в то время как доля населения этого города составляет лишь 30% теперешнего населения страны. Вполне естественно, что несмотря на

действующую в регионах Грузии широкую сеть вузов, все же Тбилиси выполняет одну из главных функций столицы с точки зрения подготовки кадров высшей квалификации. В ТГУ, элитарном высшем учебном заведении, 28% студентов – постоянные сельские жители, в больших городах Грузии (г. Кутаиси, Батуми, Рустави) проживают 9%, а остальные 11% студентов приехали на учебу из средних и малых городов.

Значительная часть (27%) приехавших студентов снимают квартиру, а 12% приютились у родственников. К большому сожалению, только 1% студентов проживает в студенческом общежитии. Там из-за ограниченного количества мест и вселения вынужденно перемещенных лиц период постсоветского кризиса практически приостановлено строительство кампуса университета, его благоустройство по современным стандартам, создание академической среды, что, несомненно, отразилось на условиях жизни студентов, на бюджет их времени, на весьма утомительную продленную поездку из дому до учебного корпуса, на резкое ухудшение академического настроения, в целом на качество обучения.

Из-за созданных сложных жилищных условий 23% студентов проживают у родственников, 11% вместе с друзьями снимают квартиру, 53% (в основном постоянные жители Тбилиси) проживают с родителями. Значительная часть из них вследствие небольшой жилой площади и большого числа членов семьи не имеет соответствующей академической среды.

В сложившемся в стране трудном экономическом положении, когда большая часть молодежи формально занята в высших учебных заведениях, их прожиточный минимум или плата за обучение покрывается из бюджета родителей. Плата за обучение детей составляет значительную часть в бюджете семей Грузии. Несмотря на то, что государство старается заплатить плату за обучение передовых студентов, даже в элитарном учебном заведении – Тбилисском государственном универ-

ситете имени Ив. Джавахишвили она оказалась не более 31%. 55% студентов выплачивают плату за обучение за счет средств родителей и ближайших родственников. Часть студентов (7%) покрывает затраты на обучение собственным трудовым доходом. Весьма незначительна помощь различных компаний в выплате платы за обучение студентов. В этом отношении выделяется фирма «Сокар», которая оплачивает плату за обучение проживающим в Грузии представителям национальных меньшинств.

В общем финансовое положение студентов незавидное. По материалам опроса, среднемесячный доход 35% семей студентов не превышает 1000 лари (в момент опроса он равнялся 455 долларам США). Более 2000 лари (910 долларов США) имеют лишь 9% семей студентов. Хотя доходы семей постепенно возрастают, однако не столь быстро, чтобы оказать влияние на финансирование отправки студентов за границу. Как выявил опрос, большая часть студентов желает выехать за границу на учебу или на работу. Не собираются продолжить учебу за границей или выехать на работу только 26% из них. Явно видно, что постоянная или временная миграция студентов представляет собой значительную составную часть их будущей деятельности. Цели выезда за границу по ответам распределились следующим образом.

Сущность формирования эмиграционного намерения весьма большой части студентов в основном выразилась в желании продолжить учебу в магистратуре и докторантуре (38%). То же самое относится к отправлению за границу с целью изучения и усовершенствования иностранного языка (15%). Эти последние считают, что без практики весьма затруднено достижение хорошего знания иностранного языка в родной стране, несмотря на то, что в постсоветские годы, особенно в последние 15 лет, изучение иностранного языка в Грузии приняло тотальный характер и результат более возрос.

Диаграмма 1. Распределение основных причин намерения выезда студентов из Грузии (в %)

Второй целью, выявленной в эмиграционных намерениях студентов, является главным образом улучшение экономического положения. Это ответы: «Занятость и получение дохода» (18%), «Хочу после окончания учебы работать там» (4%), «Из-за экономических проблем семьи» (2%).

Стараются уклониться от создавшейся в Грузии незавидной социальной среды остальные студенты. Они считают, что в собственной стране не могут реализовать своих возможностей, им не нравится здешний стиль жизни, желают избежать рутинного, несправедливой среды, политической напряженности (13%). 2% студентов же целью выезда за границу называют создание семьи или переезд на жительство к близким родственникам.

По нашему мнению, в принятом эмиграционном настроении адекватно отражено реальное положение, что подтверждается материалами различных миграционных историй или существующими различными исследованиями на тему эмиграции [10; 11].

Ярко выраженной эмиграционной страной для студентов представляется Германия. Туда собираются выехать более 37% желающих эмиграции. Мощные эмиграционные потоки проявляются в направлении США (15%) и Англии (14%). Затем сравнительно меньше стремление во Францию (6%), в Италию (4%), в Россию (4%) и в Турцию (3%).

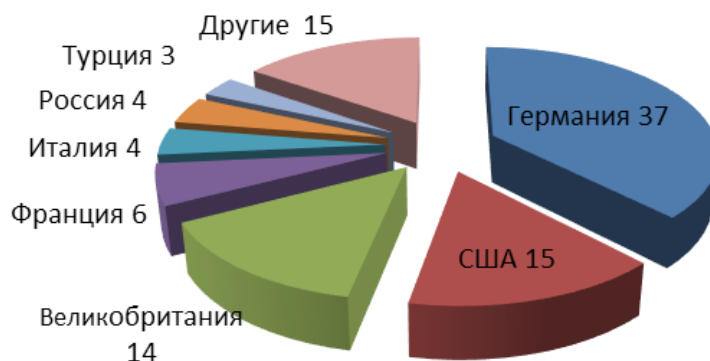

Диаграмма 2. Распределение потоков, направленных в потенциальные эмиграционные страны (в %)

Многими нашим и других ученых исследованиями выявлялось особое стремление молодежи отправиться в Германию на учебу и работу. Это подтвердилось и данными переписи населения 2014 года.

В постсоветском периоде из стран Западной Европы Германия была ярко выраженной страной-реципиентом для молодых грузинских временных мигрантов (с трудовой и учебной целью), она связана с наиболее благоприятными условиями совмещения учебы и работы для прибывших туда, знанием языка, сравнительно налаженной рабочей и развитой социальной средой, где по сравнению с другими странами обучение бесплатное или весьма льготное. Такое представление среди грузинской молодежи укоренилось еще раньше и в настоящее время Германия считается наиболее привлекательной для молодежи страной. Приоритет Германии проявился среди студентов всех факультетов ТГУ, однако все же большое преимущество отдают этой стране студенты юридического факультета (53,8%), а сравнительно меньшее – факультета гуманитарных наук (19,2%).

Весьма высока и доля студентов, ориентированных на США и Англию, хотя плата за обучение и другие расходы в этих странах довольно высоки и связаны с большими финансовыми проблемами.

Россия, в которой находится наибольший контингент грузинских эмигрантов, не является для

студенческой молодежи привлекательной страной. Намерение выехать на учебу в эту страну имеют лишь 4% студентов, из них сравнительно приоритетным она считается среди студентов медицинского факультета, а на факультете гуманитарных наук не оказалось ни одного студента, который намеревался бы эмигрировать на учебу или работу в Россию. Большинство ориентированных на Турцию студентов – это студенты медицинского факультета (79%), остальные респонденты гуманитарного факультета. Предположительно они собираются там продолжить учебу или трудоустроиться соответственно профессии (врачи, туркологи).

На вопрос: «Почему хотите эмигрировать именно в указанную страну?» 26% ответов приходится на лучшие условия жизни. 18% студентов привлекают так называемые обменные программы этой страны, 17% – тесные связи нашего университета с университетами данной страны. Часть студентов видит там больше шансов трудовой занятости (10%), некоторые же имеют там близких родственников (8%) или ранее побывали и хорошо знают избранную для эмиграции страну, также в этой стране видят меньше барьеров для осуществления своего миграционного намерения.

Несмотря на желание эмиграции, большинство студентов не знают или плохо знают условия иммиграции, миграционную политику потенциальной страны – реципиента. Оказалось

только 38% желающих иммиграции студентов, которые были знакомы с миграционной ситуацией этой страны. Хотя треть студентов (35%) заявила, что с удовольствием ознакомилась бы с миграционной средой и социально-правовыми условиями страны-реципиента. Как убеждаемся, постепенно все более необходимым становится в бакалавриате чтение для студентов выборочного курса о миграции. Например, его преподают («Трудовая эмиграция», «Международная трудовая миграция») на факультете экономики и бизнеса. Чтение такого курса считают необходимым 68% опрошенных студентов.

При оценке реализации намерения студентов надо рассмотреть вопрос владения иностранным языком как важным инструментом эмиграции. В постсоветском периоде среди населения Грузии произошли радикальные изменения в отношении к иностранному языку, имеется в виду быстрый переход от неродного русского языка на западно-европейские языки, преимущественно на английский язык. Это было подтверждено и последними переписями населения. Эти изменения при комплектовании кадров отразились на назначении на значительные должности лиц, хорошо знающих иностранный язык (преимущественно английский язык), в отношении власти к поощрению тотального изучения иностранного языка. Знание западно-европейского языка стало одним из главных инструментов в карьере специалистов, одним из важнейших условий занять престижную должность, орудием осуществления постоянной или временной эмиграции, главным предметом массовой подготовки учащихся у репетиторов. Молодое поколение вместо русского на место второго языка поставило западно-европейский, прежде всего английский язык. Само по себе это оказало влияние на перераспределение направленных в Россию эмиграционных потоков в сторону Европы и США.

Естественно, при оценке реализации декларированных студентами намерений одним из

основных факторов нами был признан уровень владения иностранным языком. 47% опрошенных студентов владеют английским языком, русский язык назвали лишь 36%, немецкий – 8%, французский – 2%. В Грузии быстро увеличивается количество англоязычных школ, в постсоветском периоде намного уменьшились русскоязычные школы. Изменилось и соотношение уроков английского и русского языков. Несмотря на это, на самом высоком C_2 уровне владеют иностранным языком только 11,5% опрошенных, большинство из них знают русский язык, число знающих английский и русский языки на уровне C_1 выравнено. Уровень же B_2 является уровнем владения иностранным языком большей части студентов (71,9%). Это дает им возможность принять участие в иноязычных учебных обменных программах.

Реализация желания отправиться за границу во многом зависит от финансового положения, которое имеют семьи студентов. Выше нами было отмечено, что оно весьма ограничено и осуществление цели ставит бюджет семьи в труднейшую ситуацию. Поэтому значительная часть студентов надеется на такие программы, которые полностью или частично финансируются различными зарубежными (иногда грузинскими) организациями. Второй же путь непосредственно связан с занятостью за границей, что является значительной целью эмиграционного намерения, иногда и конечной целью.

Одно дело иметь намерение, однако реальность создает много препятствий на пути выполнения этого намерения и для их преодоления требуются большие усилия. На вопрос: «Если намерены выехать, что предприняли для этого?» ответы распределились следующим образом: значительная часть желающих выехать заявила, что все еще ничего не предприняла (19%) и желание пока что остается мечтой (10%); 24% изучают соответствующий иностранный язык, 17% глубоко знакомятся с условиями эмиграции из страны, 9% собирают сумму для выезда; 7% уже подготавливают

необходимую документацию; 6% систематически участвуют в обменных программах студентов; 5% имеют систематическую связь с уже эмигрировавшими близкими и ожидают благоприятного момента, а 2% ищут работу в указанной стране. Значительная часть последних трех категорий собирается за границей окончить бакалавриат. Видно, большинство потенциальных эмигрантов явно проявляет эмиграционную активность, тем более что здесь до окончания бакалавриата осталось достаточно времени.

Мотивация потенциальных эмигрантов получить образование за границей весьма сильна. 42% желающих считают, что там получают более высококачественное образование, будет больше возможностей проявить свой творческий потенциал (15%). 34% же отмечают, что в случае получения образования за границей в Грузии для них не будет проблемы с занятостью. Незначительная часть (5%), получив образование за границей, собирается остаться там на работу. Лишь 18,2% твердо решили после учебы остаться за границей

на работу. Большая часть (46,9%) сомневается, категорически не желает остаться каждый третий студент. Предположительно там в процессе обучения изменяются миграционные ориентации студентов, временная занятость часто заменяется постоянной эмиграцией, в среде новых знакомых все более становятся частыми браки с гражданами страны-реципиента. Развитие средств коммуникации (Скайп, мобильный телефон, социальные сети, упрощение сообщения) резко уменьшило ностальгию, что особенно тяжело переносили предыдущие поколения эмигрантов. Постепенно все более ускоряется потеря интеллекта и генофонда. Становится необходимой разработка весьма действенной политики, которая будет способствовать выезду молодого высокоинтеллектуального контингента, выехавшего за границу на учебу или временную занятость в целесообразном масштабе и в конечном счете утверждению модели так называемой «циркулярной миграции», что должно стать главнейшим направлением государственной миграционной политики.

Список литературы:

1. Chelidze N. Potential Labor Emigration of Georgian Student Youth. J. "Economic", – 2004. – No. 3–4. – P. 37–43.
2. Chelidze N. Labor Migration from Post-soviet Georgia. Tbilisi, "Lega", – 2006.
3. European Migration Network: Immigration of International Students to the EU: Empirical evidence and current policy practice. – (2012). URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/emn-studies/immigration
4. Georgia's Population Universal Census Materials of – 2002–2014. URL: [www.http://Geostat.ge](http://Geostat.ge).
5. Kharaishvili E., Chavleishvili M., Lobzhanidze M., Damenia N., Sagareishvili N. "Problems of Youth Employment in Agricultural Sector of Georgia and Causes of Migration". World Academy of Science, Engineering and Technology, International Science Index 130, International Journal of Social, Behavioral, Educational, Economic, Business and Industrial Engineering, – 2017. – 11(10). – P. 2338–2343.
6. Lobzhanidze M. Problems of Youth Employment and Directions of Regulation, "Universali", – 2006.
7. Population Briefing Student migration – what do the statistics tell us? – 2016. file:///C:/Documents%20and%20Settings/User/My%20Documents/internationalstudentmigrationtcm77431150.pdf
8. Mekvabishvili E., Atanelishvili T. Personal remittances in the Post-Soviet countries (comparative analysis). Bull. Georg. Natl Acad. Sci. – 2017. – 11, 3. – P. 157–163.
9. Shelia M. Employers demand on labour force in Georgia's big cities "Interdisciplinary Perspectives on Social Sciences", Cambridge Scholars Publishing, UK. – 2014. – P. 113–118.

10. Shelia M. Ageing of Population in a Transitional Society: Case of Georgia. *European Journal of Social and Human Sciences*, 4(2).– 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30624305>
11. Tukhashvili M., Shelia M. The impact of labor emigration on the demographic and economic development of Georgia in the post-Soviet period. URL: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RR-29.pdf>
12. Tukhashvili M. Retrospective Comprehension of Post-Soviet Georgia's Population Migration. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*,– Vol. 12.– No. 1.– 2018.– P. 175–182. URL: <http://science.org.ge/bnas/vol-12-1.html>
13. Tsartsidze M., Latsabidze N. Labor Market and Professional Education System in Georgia. *Journal "Migration"* – No. 8. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University. Central European University.– Tbilisi,– 2017.– P. 96–113.
14. Tsartsidze M. Labour Market Regulation and Employment Policies in Georgia. *European Applied Sciences* No. 2/2.– 2013. stuttgart, Germany.– P. 183–187.
15. Zubiashvili T. Potential Migration of Georgian Students and Youth. *Caucasus International University Herald*,– № 6. "Universali," – Tbilisi,– 2013.– P. 50–57.
16. Zubiashvili T. Educational and Labor Emigration of Youth from Georgia. In the book: *Youth Employment: Challenges and Opportunities*. The West University of Timisoara, Romania. "Eurostampa" – 2012.– P. 317–327.
17. Леднева Л., Некипелова Е. Эмиграционные намерения элитарной научной молодежи. *Демоскоп Weekly*,– 2003.– № 115–116.
18. Леднева Л., Тюриканова Е. Российские студенты за рубежом: их профессионально-миграционные стратегии. «Человек и труд»,– 2003.– № 4.– С. 54–57.
19. Самофалова Е. И. Особенности изучения образовательной миграции в работах зарубежных авторов. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*,– 2015.– № 1 (29).
20. Стадний Е. Студенческая миграция: где украинская молодежь ищет лучшей жизни.– 2015. URL: <https://daily.rbc.ua/rus/show/studencheskaya-migratsiya-ukrainskaya-molodezh-1430144645.html>

*Tsydypov Rjman Zhargalovich,
candidate, of economic sciences*

Saint-Petersburg State University of Economics

E-mail: doofervsgtu.iap@mail.ru

*Dorjieva Irina Tsyrendashievna,
candidate, of economic sciences, docent,*

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov

E-mail: dolgorma2015@mail.ru

*Romanova Tamara Grigoryevna,
doctor, of economic sciences, professor,*

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov

E-mail: tamara.rom@mail.ru

FISCAL POLICY IN REGION: A COST ANALYSIS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract: The article provides an analysis of expenditures of the consolidated budget of the Republic of Buryatia, the structure of the State domestic debt and fiscal policies in the region.

Keywords: fiscal policy in the region, the cost of the consolidated budget, the State domestic debt.

*Цыдыпов Роман Жаргалович,
кандидат, экономических наук,*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

E-mail: doofervsgtu.iap@mail.ru

*Доржиева Ирина Цырендашиевна,
кандидат, экономических наук, доцент,*

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В.Р. Филиппова,

E-mail: dolgorma2015@mail.ru

*Романова Тамара Григорьевна,
доктор, экономических наук, профессор,*

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В.Р. Филиппова,

E-mail: tamara.rom@mail.ru

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: АНАЛИЗ РАСХОДОВ В РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Аннотация: Статья содержит анализ расходов консолидированного бюджета Республики Бурятия, структуру государственного внутреннего долга, а также проводимую бюджетно-финансовую политику в регионе.

Ключевые слова: фискальная политика в регионе, стоимость сводного бюджета, государственного внутреннего долга.

Бюджетная политика Республики Бурятия проводится согласованно с бюджетной политикой Российской Федерации, а также налоговой и ценовой политикой России и Бурятии и направлена на обеспечение бюджетными ресурсами органов государственной власти Республики Бурятия и органов местного самоуправления для выполнения ими своих функций. Формирование и исполнение регионального и местных бюджетов по расходам происходит в условиях сохранения недостатка средств для эффективного управления бюджетными ресурсами территорий, полного и своевременного выполнения параметров, установленных в бюджетных

планах. Объективной причиной такой ситуации является реально существующая в стране несбалансированность между законодательно установленными полномочиями и дополненными источниками бюджетов субъектов Российской Федерации.

Необходимость регулирования финансово-экономического потенциала регионов сохраняется и вследствие крайне неравномерной территориальной мобилизации налоговых и неналоговых платежей, большого количества разнотипных факторов, определяющих потребности регионов в бюджетных расходах, а также целого ряда других причин.

Таблица 1. – Динамика и структура исполнения расходов консолидированного бюджета Республики Бурятия за 2014–2015 годы [4]

Наименование статей	2014 г.		2015 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%
1	8	9	10	11
Расходы, всего:	52367,72	100	54601,98	100
из них на:				
Общегосударственные вопросы	4309,53	8,23	3958,21	7,25
Правоохранительная деятельность и национальная безопасность	683,44	1,3	649,35	1,19
Сельское хозяйство и рыболовство	1034,45	1,97	1019,14	1,87
Культура и кинематография	1654,89	3,16	1864,62	3,41

Анализ данных (таблицы 1) показывает, что в расходах консолидированного бюджета РБ наибольший удельный вес занимают расходы на общегосударственные вопросы, которые составили 7,2% в 2015 году. Самые низкие расходы на правоохранительную деятельность и сельское хозяйство – от 1,2% до 3,4%. Следует отметить, что в целом расходы консолидированного бюджета РБ ежегодно увеличиваются.

Совершенствование состава и структуры расходов бюджета на социальную сферу требует правильного определения их приоритетных направлений расходов. В сложившихся условиях

приоритетными являются расходы на образование, здравоохранение, т.к. именно государство обязано обеспечить социальную поддержку незащищенных слоев населения. Расчет бюджетной потребности по отраслям социально-культурной сферы производится по установленным нормативам финансирования социально значимых расходов.

Действующее в настоящее время бюджетное законодательство устанавливает ограничения на величину дефицита, предельный размер долга и расходов на его обслуживание. Данные бюджетные ограничения проявляются, в частности, в возможности региональных органов власти прибегать

к заимствованиям из федерального бюджета и тем самым перекладывать на него ответственность за исполнение собственного бюджета. Однако, значительная часть ссуд, предоставляемых субъектам РФ из федерального бюджета, пролонгируется по инициативе заемщиков, а кредитная история региона не принимается во внимание в дальнейшем. Ссуды на покрытие кассовых разрывов распределяются на основе индивидуальных решений, т.е. денежные средства могут расходоваться неэффективно. Одновременно снижаются стимулы к проведению эффективной бюджетной полити-

ки. Основным фактором долговой политики государства остается государственное регулирование и мониторинг субнациональных заимствований.

Сегодня практически все субъекты РФ придерживаются жесткие нормативы, предусмотренные бюджетным законодательством. Сведения о верхнем пределе государственного внутреннего долга Республики Бурятия, в том числе по государственным гарантиям, и предельном объеме государственного долга Республики Бурятия на 2015 год, а также изменения указанных параметров отражены в следующей таблице:

Таблица 2. – Изменения верхнего предела государственного внутреннего долга Республики Бурятия за 2015 год, млн руб. [4]

Показатели	Первоначальные значения Закон РБ от 15.12.2014 № 881-V	Уточненные данные		Факт
		Закон РБ от 12.03.2015 № 1009-V	Закон РБ от 05.05.2015 № 1122-V	
4	2	3	4	5
Верхний предел государственного внутреннего долга Республики Бурятия	11295,4	10584,3	12088,1	10124,9
в т.ч. по государственным гарантиям	434,7	434,7	1934,7	0,0
Предельный объем государственного долга Республики Бурятия на 2015 год	14211,4	13500,4	13500,4	-
Расходы на обслуживание государственного долга Республики Бурятия	452,2	452,2	452,2	291,2

Исходя из представленных данных в (таблице 2) можно сделать вывод, что верхний предел государственного внутреннего долга в 2015 году составил 10124,9 млн руб.

Таблица 3. – Структура государственного внутреннего долга Республики Бурятия по формам долговых обязательств [4]

№ п/п	Наименование долговых обязательств	на 01.01.2015 г.		на 01.01.2016 г.	
		млн руб.	%	млн руб.	%
1	2	3	4	5	6
1	Кредитные договоры и соглашения РБ	4965,3	58,4	6702,5	66,2
2	Бюджетные ссуды (кредиты) из федерального бюджета	2955,0	34,8	3422,4	33,8

1	2	3	4	5	6
2.1.	Государственный кредит, полученный из Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней РФ	57,5	0,67	0,0	0,0
3	Государственные гарантии РБ	575,4	6,8	0,0	0,0
	Итого объем государственного внутреннего долга	8495,7	100	10124,9	100
	Всего объем государственного долга РБ	8495,7		10124,9	

Обязательства по государственным гарантиям Республики Бурятия по состоянию на 1 января 2016 года отсутствуют. Действие государственной гарантии от 18.04.2011 года, 2 декабря 2015 года прекращено в связи с досрочным погашением задолженности по кредиту.

Республикой Бурятия на 1 января 2016 года предельные параметры по объему государственного долга, установленные законодательством Российской Федерации и Республики Бурятия, соблюдены.

Кредитные договора и соглашения Республики Бурятия в 2015 году были заимствованы с целью реструктуризации государственного долга. Бюджетные ссуды заимствованы из федерального бюджета для оказания государственной поддержки предприятий АПК и организаций потребительской кооперации, топливно-энергетической, лесной и других отраслей экономики.

На реализацию бюджетной политики региона в области долговой политики влияют и будут влиять следующие основные факторы:

– снижение бюджетного дефицита в ближайшие годы;

– неопределенность внешнеэкономической конъюнктуры, рассчитанной на основе базовой цены на нефть, динамики цен на энергоносители.

Подводя итоги по проведенному анализу, отметим, что за последние годы увеличиваются бюджетные расходы в соответствии с принимаемыми нормативными актами. С этой целью в республике разработана Программа реформирования системы управления региональными финансами Республики Бурятия. В Программе предусмотрено, что расходование средств должно становиться максимально прозрачным и эффективным. Для этого необходимо повышение эффективности расходов за счет ориентации на достижение общественно значимых измеримых результатов. Осуществить переход от управления бюджетными средствами к управлению бюджетными результатами, в рамках которого бюджет будет формироваться исходя из целей и планируемых результатов бюджетной политики региона.

References:

1. Закон Республики Бурятия от 15 декабря – 2014 г. – N881-V. «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия «О республиканском бюджете на 2015 год и на плановый период – 2016 и 2017 годов».
2. Закон Республики Бурятия от 12 марта – 2015 г. – N1009-V. «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия «О республиканском бюджете на 2015 год и на плановый период – 2016 и 2017 годов».
3. Закон Республики Бурятия от 05 мая – 2015 г. – N1122-V «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия «О республиканском бюджете на – 2015 год и на плановый период – 2016 и 2017 годов».
4. Министерство финансов Республики Бурятия: URL: <https://www.minfinrb.ru/analytics/637>.

Section 11. Jurisprudence

*Dzhunisbekova Laura Mukhtarovna,
doctoral student, of the Eurasian National University
named after L. Gumilyov Astana, Republic of Kazakhstan
E-mail: lori_jun@mail.ru*

HARMONIZATION OF THE LABOR LAW OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IS THE MAIN TASK OF INTEGRATION

Abstract: The article reveals the notion of such a term as harmonization. A more detailed definition of terminology within the framework of international labor law is given. The relevant issues related to freedom of movement and labor mobility in the member states of the EAEU have been addressed.

Keywords: harmonization, unification, treaty, state, Eurasian Economic Union, legislation, international law, labor market, labor mobility, migrant worker, economic integration.

One of the ways of harmonization is the unification of internal law. Unification means the process of carrying out in different countries the norms of internal law aimed at regulating identical or related relations in close content, either by adopting similar norms or by adjusting existing ones or by other means. An important role in ensuring the unification of the norms of internal law in many states is played by international treaties, integration associations and international acts of soft law.

As Yu. S. Kashkin writes, harmonization is a softer method of legal integration, it proceeds on the basis of convergence of the domestic law with a certain legislative model that allows for a very flexible consideration of national characteristics. Harmonization does not imply uniformity, but is based on the approximation of the legislation of different states.

Bringing domestic law in line with the norms and principles of international law ("IL") is called harmonization.

N. A. Vorontsova and A. N. Kangeldieva suggest the following sequence (classification) of the stages of harmonization of national legislation. At the first stage, harmonization begins with the definition of unified regulation of branches of legislation, spheres within a separate legal branch, as well as problematic issues of legal regulation in each separate sphere. The second stage consists of the definition of agreed lists of national legislative and other normative legal acts, the provisions contained therein, subject to harmonization taking into account their legal significance and hierarchy. The third stage presupposes the need for a comparative legal analysis of national legislative and other normative legal acts included in the agreed list, the determination of their compliance with the concluded international treaties and the subsequent preparation of recommendations for their convergence and harmonization. At the fourth stage, synchronized adoption of harmonized legislative and other legal acts is carried out or necessary amendments and additions to the existing legisla-

tion are made by the relevant state bodies. The fifth stage is the control over the implementation of the decisions of the integration management bodies on issues related to the harmonization of legislative and other normative legal acts [1].

Harmonization of labor legislation in the Eurasian Economic Community is more difficult than in the EU, for purely political reasons. The EU countries, for a long time moved towards unification of Europe in one state under the influence of both political and economic forces. In the post-Soviet space, the centrifugal tendency, provoked by the collapse of the Soviet Union, is still very strong [2].

When it comes to harmonization of labor legislation within the framework of the Eurasian Economic Community, it should be understood that behind this term there are two completely different phenomena that do not always distinguish:

a) unification (or convergence) of labor legislation with a view to making it more convenient for them to use the workers and employers in the territory of the Eurasian Economic Community;

b) the creation of a common economic space and, as a result, the EurAsEC common labor market.

These two aspects of harmonization are interrelated, although, in principle, they can exist independently: the common economic space and the labor market in the EU are created, and the national labor laws of the Member States differ to a much greater extent than in the EurAsEC countries. Unification of the labor legislation of the EurAsEC, i.e. bringing it to some common denominator, it is theoretically possible to implement it, but without the creation of a single labor market, the meaning of such unification will be largely minimized. In this situation, the same or the most similar systems of labor legislation of the member states will exist in parallel, but these systems will exist in isolation from each other. Even if this can be achieved, then in the future independent labor law systems will still “drift” in various directions [3].

The Recommendations on harmonization of the labor legislation of the EurAsEC member states,

which were approved by the EurAsEC IPA Resolution No. 10–13 of 13.05.2009, provide that the harmonization of the labor legislation of the EurAsEC member states can be carried out in several ways:

- Creation of a model Labor Code, which has a recommendatory character;
- Adoption of the Basic Principles of the EurAsEC labor legislation, having the status of a direct action standard act;
- Introduction of changes and additions to the existing labor codes of the EurAsEC states with a view to creating unified rules for the use of labor.

One of the ways of harmonization is the development of model normative acts within the framework of the interparliamentary assembly of the CIS member states.

The adoption of model legislative acts is conditioned both by the need to bring the national legislation of the Commonwealth countries into a single legal field, in accordance with international norms, ensuring integration processes in the CIS, bringing together the legislation of the participating states and enhancing coherence in the legislative activity of parliaments, and theoretical understanding of the problems of implementing the norms of model legislation. They can be considered as one of the legal standards of the CIS and EurAsEC [4].

At the same time model laws (codes) are recommendatory model normative legal acts intended for use in the development of specific national laws.

In the process of harmonization of national legislations, parliamentarians of the CIS countries and EurAsEC have the opportunity to take a deeper and fuller view of the consolidated position of trade unions on topical social and other issues of integration. On the one hand, model laws, which are not binding, seem not to play an important role in the legislation of the Commonwealth. However, the point is not that model laws do not have binding force. Rather, the matter is in the degree of their relevance, the quality of preparation

and relevance of the problems being developed [5].

We believe that the development of model laws will not be effective and they will not be fully taken into account by member states, therefore this way of harmonizing labor legislation is unacceptable.

The fundamentals of EurAsEC legislation are legal acts that establish common legal norms for the parties in the basic spheres of legal relations and which are adopted by the parties concluding agreements. These two aspects of harmonization are linked, although, in principle, they can exist independently: the common economic space and the labor market in the EU are created, and the national labor laws of the Member States differ to a much greater extent than in the EurAsEC countries [6].

Harmonization of the labor law norms of Kazakhstan with other participants – the EurAsEC states is more than necessary. In this regard, in our opinion, in the framework of this economic integration, it is necessary to develop the Fundamentals of the labor legislation of the EurAsEC countries, since economic interaction has a direct impact on the labor market, in this regard we believe that the labor market for the EurAsEC countries should become one, and this means that approaches to the legal regulation of labor should be unified.

If we turn to the experience of the EU, the following seems to be the case.

E. N. Egorova writes that the main block of labor law norms is introduced by directives, which, taking into account the peculiarity of these acts, predetermines in the present historical period the dominance of the processes of harmonization of the all-European labor law over its unification. This shows that the member states are not ready to fully transfer “up”, that is, to the level of the Union, the regulation of all labor relations. The form of the directive was chosen by the European legislator with a view to achieving more flexible mutual integration of the norms of the national legislation of the Member States and supranational labor standards.

We believe that harmonization of the labor legislation of the member states is the most important task of Eurasian integration, but this task requires the solution of other related tasks. For example, this applies to the migration legislation of the Member States, since the implementation of work activities involves the resolution of issues of a migration nature.

In this regard, paragraph 5 of Art. 97 of the EAEU Treaty states that the period of temporary stay (residence) of a member state worker (family members) in the territory of the state of employment is determined by the validity of the labor or civil law contract concluded with the employer of the member state with the employer or customer of the work (services). At the same time, paragraph 6 of the EAEU Treaty stipulates that citizens of a Member State who have arrived for the purpose of labor activity or employment in the territory of another Member State and family members are exempted from registration (registration) within 30 days from the date of entry. In the case of the stay of citizens of a Member State over 30 days from the date of entry, these citizens are required to register (register) in accordance with the law of the State of entry, if such a duty is established by the State of entry.

Thus, we see that migration legislation continues to be such a requirement.

An important moment in the cooperation of the EurAsEC member states, especially the Republic of Tajikistan and Russia, with the existing intensive migration exchange, should be, first, the harmonization of migration legislation, especially with regard to the regulation of the legal status of migrant workers, and secondly, the unification of key legal terms of a general nature, such as “migrant”, “migrant worker”, “refugee”, “forced migrant”.

One can agree with this opinion, but only partially, since the concepts of “migrant”, “refugee” and “forced migrant” go beyond the regulation of labor law. The EAEU Treaty contains the term “worker of a Member State” – a person who is a citizen of a Member State who lawfully resides and lawfully works in

the territory of a Member State of which he is not a citizen and who does not permanently reside. At the same time, we should agree with this concept, since it matters that a person acts as a worker, and not as a migrant worker.

Considering the EU experience, E. N. Egorova writes that a significant obstacle to the development of the right to freedom of movement of workers within the EU is the issue of labor regulation. In this regard, in our opinion, the development of the Labor Law Basis for the EurAsEC is necessary in this economic integration because economic interaction has a direct impact on the labor market, in this connection, we believe that the labor market for the EurAsEC countries should become one, which means that approaches to the legal regulation of labor must be a uniform recognition of the professional qualifications. Considering violations by Member States of norms related to the recognition of professional qualifications, the EC Court in its early decisions assessed this problem only in relation to the freedom of movement of workers, and therefore, Member States, giving such a right, must be guided by both the principle of non-discrimination and principle of proportionality. And this opinion is not the only one.

A. M. Korotaeva emphasizes three main directions aimed at deepening integration. The first is aimed at ensuring mobility of workers and is associated with freedom of movement. The second is to prohibit discrimination and ensure equal opportunities in the sphere of labor and employment within the ECHR. The third is the general improvement of working conditions and employment within the EU. Sometimes one or the other set of norms is difficult to attribute to any one of the indicated directions. But in general, they can be traced with all obviousness.

It should be noted that issues related to freedom of movement, labor mobility, are relevant for the EAEC, and not only. It is also necessary to resolve the issue of recognition of qualifications, documents on education, certification. Since at present the EAEU Treaty contains restrictive norms regarding the rec-

ognition of educational documents for teaching, legal, medical or pharmaceutical activities.

Let us recall that for labor law the labor mobility is a special variant of social mobility representing the workers' transitions (mainly in the status of workers) that have been or are already being implemented in the system of social organization of labor, characterized by a change in the place of work, labor function, other terms of the employment contract specified by the parties, the legal nature of employment, individually or in different combinations, and mediated through the conclusion of an employment contract, changes in its conditions and termination of employment contract.

O. S. Kuryleva notes that in the short term, in the legislative practice of the EurAsEC member states, the definition of the labor function should be retained by referring to the title of the position, specialization, profession, indicating the qualification of the employee. Rejection of this method of determining the labor function or the exclusion of certain of its characteristics may lead to negative legal consequences and will affect the labor legislation as a whole.

At the same time, it should be noted that the EurAsEC Interparliamentary Assembly developed recommendations on the harmonization of national legislative acts in the field of youth policy in the general labor market of the Eurasian Economic Community (taking into account the provisions of the UN Universal Declaration of Human Rights, the European Charter on Youth Participation in Municipal Life, General Conference of the ILO).

The purpose of the recommendations is harmonization (convergence, unification) of the legislations of the EurAsEC member states in the sphere of youth policy in the general labor market of the Eurasian Economic Community in accordance with generally recognized international norms and principles of regulation of labor relations.

The most important international act in this field is Recommendation No. 136, "On Special Programs for Employment and Youth Training

for Development Purposes,” adopted by the 54th session of the ILO General Conference on June 3, 1970, which defines the principal approaches to the legislative regulation of youth training and employment. In particular, the adoption of special state employment programs including programs for professional training and state guarantees for unemployed youth is recommended. In the process of harmonizing the legislation of the states of the Community, it is recommended to continue comparing the norms of national legal systems with international labor standards and to extend them primarily to young citizens in accordance with universally recognized international norms to the category of youth. The aim of the recommendations is harmonization (convergence, unification) of the legislations of the EurAsEC member states in the sphere of youth policy in the general labor market of the Eurasian Economic Community in accordance with the generally recognized international norms and principles of regulating labor relations.

Analysis of art. 96 and 97 of the EAEU Treaty shows that by setting general rules on the regulation of labor relations within the framework of Eurasian regional integration, nevertheless, Section 4, Art. 97 of the EAEU Treaty states that the labor activity of a Member State worker is governed by the law of the State of employment and subject to the provisions of this contract. From this it follows that on the territory of the Eurasian regional integration, a combination of national and supranational regimes of legal regulation is applied to labor relations.

Conclusions:

As the EAEU Treaty provides for the unification of the labor market, the labor market for citizens of the EAEU member states should become unified, and there should be a unified approach to the legal regulation of labor relations of the member states workers of the Eurasian regional integration.

In this regard, we consider it necessary to develop and adopt the Fundamentals of Labor Legislation of the member states of the EAEC that are part of

the Eurasian supranational legislation that are mandatory for application and compliance by all EAEU member states that establish uniform rules for the parties to the EAEU Treaty on the regulation of labor relations, on the general labor market of Eurasian regional integration in accordance with the recognized member states principles and international standards.

We believe that the development of a model Labor Code will not be effective, and its norms will not be taken into account by the Member States in full, therefore, this method of harmonizing the legislations of the parties to the Treaty on the EAEU is unacceptable.

At the same time, the task of harmonizing the labor laws of the EAEU member states requires the solution of other, related tasks. In particular, migration, since the implementation of work requires the observance of the migration regime established in the state of employment. Issues related to freedom of movement, recognition of education documents, recognition of qualifications, certifications, etc. are also relevant. The solution of these issues should be sent to the positive side in order to find employment for citizens of the member states of the Union in the state of employment.

From the analysis of articles 96 and 97 of the EAEU Treaty it follows that when the general rules for regulating labor relations are established, reference is still made to the national legislation of the state of employment, which indicates the application of a combination of supranational and national regimes for the legal regulation of labor relations within the framework of Eurasian regional integration [8].

Sources, as forms in which this or that legal norm of private international law is expressed, have in their various systems a similar system, but there are also differences.

These differences are expressed in the codification of the norms of private international law, i.e. private international law is codified as in Kazakhstan in

various sectoral legislative acts, as well as in countries in which special codification legislation has been adopted, where private international law is not codified at all and only its individual norms are contained in separate acts, for example, the United Kingdom and the United States. It is also worth noting that different legal systems distinguish different types of international private law in their different legal systems. In Kazakhstan, the main source of international private law is an international treaty.

While revealing the ways of convergence of the legislations of different states, we found out that when there is a need for convergence of national legislations, a number of instruments of such rapprochement are used. These tools include unification and harmonization.

The method of harmonization is more preferable and actually promotes convergence of law, because this is a simpler process, which does not bind states with strict legal obligations, unlike unification.

References:

1. Vorontsova N. A., Kangeldieva A. N. Legal support for the evolution of integration processes within the framework of the EurAsEC member states. Monograph. – 2003. – 109 p.
2. Legal regulation of the labor market and employment: theory and practice / K. S. Ramankulov, N. L. Lyutov, Zh. A. Bokoev, C. S. Sydykbekov; under. K. S. Ramankulov. – Bishkek: Maksat, – 2012. – 141 p.
3. Legal regulation of the labor market and employment: theory and practice / K.S. Ramankulov, N.L. Lyutov, Zh. A. Bokoev, Ch. S. Sydykbekov; under. K. S. Ramankulov. – Bishkek: Maksat, – 2012. – P. 142–143.
4. Filchakova S. Yu. Model and National Legislation on Collective-Contractual Relations in the World of Work: Problems of Interaction on the Example of CIS and EurAsEC Countries // International, Russian and Foreign Legislation on Labor and Social Security: Current Status (Comparative Analysis) / Ed. K.N., Gusova. – Moscow: Prospect. – 2011. – 142 p.
5. Filchakova S. Yu. Order no. – 145 p.
6. Shesteryakova I. V. Order no. – 80 p.

*Karvatska Svitlana Bohdanivna,
Tschernowitzer Nationale Jurij-Fed'kowskytsch-Universität
Ph.D. (Rechtswissenschaft), Dozentin
Doktorandin am Institut für internationale Beziehungen
Kyjiwer Nationale Taras-Schewtschenko-Universität
E-mail: svitlana.karvatska288822@gmail.com*

INTERDISZIPLINÄRE PERSPEKTIVE DER ENTWICKLUNG VON MODERNEN INTERPRETATIVEN ANSÄTZEN IM VÖLKERRECHT

Zusammenfassung: Die Auslegung des modernen Völkerrechts erfordert neue methodologische Ansätze, zwar kann das der Übergang von Monodisziplinarität zu Interdisziplinarität sein. Eine der möglichen Modernisierungsvarianten der Interpretationsmethodologie ist die Kooperation des Völkerrechts mit der linguistischen Pragmatik.

Schlüsselwörter: Auslegung des Völkerrechts, Interdisziplinarität, Monodisziplinarität, intentional stance, cognitive effect/processing effort, pragmatic enrichment, cognitive pragmatic Relevance Theory.

Das Völkerrecht nimmt einen besonderen Platz in der Rechtswissenschaft. Obwohl es eine lange Geschichte hat, bleibt es ein immer evolvierendes System, was unter anderem von der Dynamik der gesellschaftlich-politischen Prozesse in der Welt und ihrer Globalisierung verursacht ist. Als Folge erhebt sich eine Reihe spezifischer Fragen vor den Fachleuten im Völkerrecht, welche nicht immer die Aufmerksamkeit der Theoretiker des innerstaatlichen Rechts erregt. Zum Beispiel, obwohl das Spektrum der Quellen des Völkerrechts als voll entwickelt gilt (im Art. 38 des Statuts des Internationalen Gerichtshofs), stellen viele Repräsentanten der westlichen Völkerrechtsdogmatik fest, dass darin keine hierarchische Ordnung besteht [1]. Diskutierbare Punkte fokussieren sich generell darauf, dass die grundlegenden völkerrechtlichen Normen, die Vorrang vor dem innerstaatlichen Verfassungsrecht haben („supremacy <...> over domestic constitutional law“), in den völkerrechtlichen Verträgen festgelegt sind, während die Völkergewohnheitsrechtsnormen und allgemeine Rechtsgrundsätze je nach ihrem sachbezogenen Wert und Bedeutsamkeit ohne Festlegung formeller Prioritäten angewandt werden [2, 162].

In den letzten Jahren spüren Rechtspraktiker-und Theoretiker in vielen Ländern die dringende Notwendigkeit neuer und zwar interdisziplinärer [3] Ansätze zur Methodologie der Auslegung des Völkerrechts. Monodisziplinarität verliert an Wirksamkeit in der Lösung vieler Probleme, zum Beispiel bleibt es nicht mehr möglich vom Standpunkt der Monodisziplinarität einen Schlusstrich in der Diskussion zu ziehen, die in den postsowjetischen Staaten und den USA zwischen den Textualisten und Anhängern der Vertragstheorie nicht nur im Bereich der völkerrechtlichen Verträge dauert, im gewissen Sinne ist das eine Gegenüberstellung des statischen und des dynamischen Ansatzes in Rechtsdeutung. Der statische Ansatz erleichtert wesentlich das Verständnis des Rechts, systematisiert es, gibt aber keine Antworten auf aktuelle Fragen. Der dynamische Ansatz erteilt solche Antworten, besitzt aber keine klare Struktur, und jene, die das Recht anwenden, müssen sich ständig weiterentwickeln und neue Kenntnisse erwerben, „Situationsdynamik erfassen“. Man nimmt an, dass der wirksamste Ansatz zur Auslegung der völkerrechtlichen Verträge eine Verbindung von Textualismus mit Vertragstheorie sei, die Frage ist,

wie man mehr oder weniger genaue Kriterien für solche Verbindung festlegt, die Wiener Vertragsrechtskonvention antwortet teilweise darauf [4, 31–32].

Der Zweck des Artikels ist zu zeigen, dass Interdisziplinarität eine Perspektive der Entwicklung des Völkerrechts ist, und auch die Aufmerksamkeit der Fachleute, die sich mit den Interpretationsproblemen befassen, auf die Perspektive der interdisziplinären Zusammenarbeit, und nämlich zwischen der linguistischen Pragmatik und dem Völkerrecht, zu lenken.

Besonderheiten der Auslegung des Völkerrechts. Außer den Schwierigkeiten, die bei der Auslegung des innerstaatlichen Rechts auftreten, taucht im Völkerrecht eine Reihe spezifischer Probleme auf, vor allem sind das Besonderheiten der Rechtssystemen der Staaten, die vereinbaren, sprachliche Unterschiede, gewisse paradigmatische Eigenartigkeiten in der Rechtstheorie und anderes. Es gibt fast keine tiefgreifenden und konsequenten Forschungen der Besonderheiten der Interpretation des mehrsprachigen völkerrechtlichen Vertrages und des Grundsatzsystems für diesen Fall, aber einige Autoren erkennen überhaupt keine Interpretationsbesonderheiten der mehrsprachigen Verträge und glauben, die Interpretation soll nach allgemeinen Regeln durchgeführt werden [5, 178–179]. So wendet sich I. Protsyk vor allem an die Monografie von M. Hilf, die das Problem der Auslegung mehrsprachiger Verträge behandelt. Der deutsche Rechtsanwalt äußert die Meinung, dass die Zunahme der Anzahl der Sprachen, die im Vertrag gebraucht werden, vermindert die anfänglich gleiche Rolle aller Texte in der materiellen Einheit des Vertrags. Es wird angeboten, die Arbeitssprachen zu beachten, die bevorzugt werden, weil die übrigen Texte unmittelbar vor der Unterzeichnung unter Einbeziehung der beteiligten Vertragsstaaten vorbereitet werden und sie können nicht auf unteilbare materielle Vereinbarung aller Beteiligten rechnen. Andererseits unterzeichnet jeder Staat nicht nur den einen Text, der in seiner Sprache verfasst ist, sondern auch alle Texte, die als obligatorisch ausgehandelt sind [5, 181]. Daher drängt sich

eine berechtigte Frage weniger der semantischen Bedeutung eher der Rechtsnatur und der Gültigkeit des völkerrechtlichen Vertrages und des Problems seiner Auslegung.

Wie O. Kyivets trefflich vermerkt, ist der Abschluss von völkerrechtlichen Verträgen unmittelbar mit diplomatischer Tätigkeit verbunden, wo ziemlich oft Formulierungen ohne semantischen Inhalt gebraucht werden, das heißt traditionelle diplomatische Äußerungen. Deshalb muss man vorsichtig die Richtlinie zur Aneignung der gewöhnlichen Bedeutung beim Interpretieren anwenden. Wenn die Äußerungen des Vertrags in ihrer gewöhnlichen Bedeutung keine klares und präzises Verständnis bieten, muss man sich an den allgemeinen Inhalt des Vertrags, insbesondere an die Präambel wenden [6, 288]. Noch ein ukrainischer Autor I. Shutak weist auf die Defekte der Definitionen des Völkerrechts hin, was unserer Meinung nach die Auslegung sichtlich beschwert. Nach der Meinung des Wissenschaftlers gibt es drei Hauptgruppen der Definitionsmängel: Mängel der Definitioneneinstellung im Text einer völkerrechtlichen Vorschrift („Intensitätsmängel“); Mängel in Logik des inneren Inhaltsreichtums („Mängel der Aufnahmefähigkeit“); Mängel der Übereinstimmung mit dem angegebenen juristischen Sachverhalt und gesellschaftlichen Beziehungen („Mängel der objektiven Relevanz“) [7, 86].

Ukrainische Experte im Bereich der Übersetzung von juristischen Texten weisen darauf hin, dass die meisten Schwierigkeiten beim Übersetzen nicht der Rechtsbegriffe selbst, sondern solcher Einheiten des lexikalisch-semantischen Sprachsystems auftreten, deren Bedeutung in konkreten Rechtsakten vom sprachlich-kulturellen Kontext bestimmt wird [8, 149]. Die Arbeit des Übersetzers bedeutet nicht nur Wiedergabe des Textes in einer anderen Sprache, sie bezieht auch Interpretation und Verständnis mit ein, darum weitet die Zusammenarbeit der Völkerrechtler, die sich mit Problemen des Rechtsauslegung befassen, und der Linguisten die Grenzen des Wissens gleichzeitig in beiden Bereichen aus.

Die Möglichkeiten einer interdisziplinären Zusammenarbeit zwischen Völkerrecht und Linguistik.

Eines der interessantesten Beispiele solcher interdisziplinären Kooperation ist die Reihe von Studien: „International Law and Pragmatics – An Account of Interpretation in International Law“ J. Smolka and B. Pirker [9], „Making Interpretation More Explicit: International Law and Pragmatics“ [10]. Die Verfasser, der eine Rechtsanwältin und der andere Sprachforscher, befassen sich mit der Frage der Verbindung von Sprachwissenschaft mit Völkerrecht. Sie verweisen darauf, dass solch eine Kooperation nützlich für beide Disziplinen ist, weil Pragmatik auch ändern wird, während sie gewisse methodologische Änderungen in der Auslegungstheorie des Völkerrechts bewirkt [9, 35–36].

J. Smolka and B. Pirker merken an, dass Völkerrechtler linguistische Pragmatik beim Interpretieren unzureichend anwenden. Sie stellen unter anderem fest, dass Völkerrechtstheoretiker einen Überblick über frühe Modelle der Pragmatik haben, wie zum Beispiel Sprechakttheorie, aber die in letzten 30 Jahren entwickelten Ansätze übergehen, sie glauben immer noch, Semantik und Pragmatik teilen sich in klar abgegrenzte Bereiche auf [9, 2]. J. Smolka and B. Pirker behaupten, dass begründete Pragmatik bei der Rechtsauslegung angewendet werden soll. Konzepte, die sich infolge jüngster Studien etabliert haben, können helfen, eine wissenschaftliche Grundlage für Erörterung der Probleme beim Interpretieren des Völkerrechts zu schaffen, sie können auch ein angemesseneres Modell der Auslegung erstellen als soziologische Ansätze, deren Anhänger einige Völkerrechtler sind [9, 1].

Die Grenzen der modernen Pragmatik sind sehr weit, in der Welt der Wissenschaft nimmt sie einen der führenden Plätze ihrer Entwicklungsintensität und ihren Auswirkungen auf andere Wissensbereiche gemäß ein; darunter versteht man eine kognitive, soziale und kulturelle Untersuchung der Sprache und Kommunikation. In der Tat ist Pragmatik als eine interdisziplinäre Sphäre zu betrachten, welche Methoden und Theorien verschiedener Wissen-

schaften einsetzt. Ihre Ursprünge sind in der Sprachphilosophie zu finden, und nämlich in den Werken von Paul Grice, der zwischen dem Gesprochenen und dem dabei Gemeinten differenzierte. Pragmatik kann auch als Teilbereich der Linguistik betrachtet werden, sie erforscht, auf welche Weise Formen mit gewissen Bedeutungen in konkreten Kontexten zur Widergabe verschiedener Begriffe oder Meinungen gebraucht werden, d.h. sie untersucht Sprechakte und Kontexte ihrer Realisierung. Heutzutage ist Pragmatik ein gemeinsames Tätigkeitsfeld der Philosophen, Logiker und Sprachforscher, oft ist auch solche Kooperation ungenügend, den Vertretern anderer geisteswissenschaftlicher Studien, und zwar den Rechtswissenschaftlern, gelingt es manchmal solche Eigenschaften der Sprechfähigkeit festzustellen, welche unbemerkt bleiben für jene, die linguistische Pragmatik berufsgemäß erforschen.

Manche Rechtswissenschaftler sprechen über Unangemessenheit der Pragmatik für die Anwendung im Rechtsdiskurs, weil sie nur gewöhnliche Kommunikation modellieren kann. J. Smolka and B. Pirker wenden sich an jene Autoren, die solche Meinung nicht vertreten. Die Texte im Völkerrecht ähneln anderen fachbezogenen Kommunikationsformen, weil sie beide Umgangssprache und Fachsprache einsetzen, dabei sind selbst Fachtermini nur Konzepttermini, die einen Konzeptinhalt angehen. Der Kommunikationsexperte (ein Völkerrechtler) muss eine mentale Auffassung über solchen Inhalt und begleitende Spekulationen haben. Seine thematische Erfahrung soll ihm diese mentale Auffassung über formelle Texteneigenschaften im Völkerrecht bieten und ihn dabei befähigen, darüber zu spekulieren [9, 26].

Im Falle unterschiedlicher kognitiver Umfelder können Rechtsanwälte über korrekte Auslegung disputieren. Das ist leicht zu verstehen, wenn man ein Beispiel der Kooperation zwischen zwei Rechtsbereichen betrachtet: den Menschenrechten und dem humanitären Völkerrecht. Obwohl semantische Elemente der entsprechenden Rechtsnormen unverändert bleiben, ist das kognitive rechtliche Umfeld der

Menschenrechtsanwälte und das der Völkerrechtler unterschiedlich, diese Differenzen zeigen sich bei Gerichtsverfahren [9, 27]. Wenn Rechtsanwälte mit prinzipiell unterschiedlichen Standpunkten eine und dieselbe Rechtsnorm auslegen, ist es schwer, Widersprüchlichkeiten zu vermeiden. Beispielsweise waren Militäranwälte die wichtigsten Beteiligten am humanitären Völkerrecht gewesen, aber die Macht der Richter nahm zu, sie sammelten Erfahrungen des menschenorientierten Denkens. Ihr kognitives Umfeld ist abhängig von Verhandlungen vor internationalen Gerichtshöfen worden.

J. Smolka and B. Pirker ziehen Parallelen zwischen Pragmatik und Völkerrechtsauslegung. Kognitive Pragmatik vollzieht den Weg nach, welchen die Interpretation des Völkerrechts beschreiten kann. Völkerrechtsauslegung soll sich nicht auf „außertextuelle Elemente“ beschränken, solche wie dynamische Interpretation, sie muss ihre Aufmerksamkeit von traditionellen Interpretationspraktiken auf kognitive Prozesse lenken, welche die Auslegung kennzeichnen [9, 28]. Basierend auf solchen Konzepten wie intentionale Haltung (intentional stance), kognitiver Effekt/Bearbeitungsaufwand (cognitive effect/processing effort), linguistische Unterdeterminiertheit (linguistic underdeterminacy), pragmatische Anreicherung (pragmatic enrichment), kognitiv-pragmatische Relevanztheorie (cognitive pragmatic Relevance Theory), kann pragmatische Theorie dekodierte linguistische Beweise, vorhandene kontextuelle Vermutungen und unter Berücksichtigung kontextueller Elemente (solcher wie kognitives Umfeld der Sprecher und Empfänger) gezogene Schlussfolgerungen modellieren und dadurch klarstellen [10]. Linguistik und Pragmatik können dem Völkerrecht helfen zu verstehen, auf welche Weise ein Text, zum Beispiel ein Vertrag, vom menschlichen Verstand bearbeitet und interpretiert wird. Sie helfen auch den Richtern, Übersetzern, anderen Behörden einer bestimmten Auslegung im Falle der Diskussion den Vorzug kognitiv begründet zu geben.

Schlussfolgerungen. Das Völkerrecht bekommt in den letzten Jahren den Bedarf an Erneuerung der Interpretationsmethoden zu spüren, dies ist möglich nur vorbehaltlich der Erweiterung von Disziplinargrenzen, des Einbezugs neuer Wissenschaften und Fächer, und nämlich kann das die linguistische Pragmatik sein, die in der modernen wissenschaftlichen Welt einen der führenden Plätze wegen ihrer Entwicklungsintensität und Auswirkung auf andere Bereiche einnimmt. Die Grenzen der modernen Pragmatik sind ziemlich weit, darunter sind kognitive, soziale und kulturelle Forschungen von Sprache und Kommunikation zu verstehen.

Da die Texte im Völkerrecht anderen fachbezogenen Kommunikationsformen ähnlich sind, gebrauchen sie nicht nur Fach-, sondern auch Umgangssprache, sogar Fachtermini sind bloß Konzepttermini, die die einen Konzeptinhalt angehen, daher ist Pragmatik im Rechtsdiskurs völlig anwendbar. Die Auslegung des Völkerrechts sollte auch vermehrt die kognitiven Prozesse berücksichtigen, welche die Interpretation kennzeichnen, weil Rechtsanwälte in unterschiedlichen kognitiven Umfeldern über korrekte Auslegung debattieren.

Pragmatische Theorie kann natürlich nicht die einzige Methodologie für die Völkerrechtstheorie werden und alle übrigen verdrängen, aber sie hat ein starkes heuristisches Potenzial. Basierend auf solchen Konzepten wie intentionale Haltung (intentional stance), kognitiver Effekt/Bearbeitungsaufwand (cognitive effect/processing effort), linguistische Unterdeterminiertheit (linguistic underdeterminacy), pragmatische Anreicherung (pragmatic enrichment), kognitiv-pragmatische Relevanztheorie (cognitive pragmatic Relevance Theory), kann pragmatische Theorie dekodierte linguistische Beweise, vorhandene kontextuelle Spekulationen und Schlussfolgerungen, die unter Berücksichtigung kontextueller Elemente (solcher wie kognitives Umfeld der Sprecher und Empfänger) gezogen sind, erklären.

Referencez:

1. Zakharova L. I. Evoliutsionnoe techenie v mezhdunarodnom prave i nekotorye podvodnye rify v praktike YeSPCh [The evolutionary stream in international law and some underwater reefs in the practice of the ECtHR]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal]. – 2016. – No. 1 (92). – P. 120–125. URL: <http://www.academia.edu/23047968> [in Rus.].
2. Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. *The Constitutionalization of International Law*. Oxford University Press, – 2009. – 416 p. Cited in: Palombella G. International law *raison d'être* and the grounds for the interpretive approach. *Kutafin University Law Review*. – 2014. – Vol. 1. – Iss. 2. – P. 153–179.
3. Es gibt verschiedene Klassifizierungsansätze von interdisziplinären Studien, als Beispiel erwähnen wir: Van Klink B., Taekema S. *A Dynamic Model of Interdisciplinarity: Limits and Possibilities of Interdisciplinary Research into Law*. Tilburg Working Paper Series in Jurisprudence and Legal History. – 2008. – No. 08–02. – P. 1–29; Schrama W. M. How to Carry out Interdisciplinary Legal Research; Some Experiences with an Interdisciplinary Research Method. *Utrecht Law Review*. – 2011. – Vol. 7. Iss. 1. – P. 147–162; Siems M. M. The Taxonomy of Interdisciplinary Legal Research: Finding the Way Out of Desert. *Journal of Commonwealth Law and Legal Education*. – 2009. – Vol. 7. – Iss. 1. – P. 5–17. URL: <http://ssrn.com/abstract=1146162>; Vick D. W. Interdisciplinarity and the discipline of law. *Journal of Law and Society*. – 2004. – Vol. 31. – № 2. – P. 163–193.
4. Zvieriev Ye. Tlumachennia mizhnarodnykh dohovoriv: tekstualizm chy dohovirna teoriia? Amerykanska dyskusiiia [The interpretation of international agreements: textualism or contract theory? American discussion]. *Vybory ta demokraciia* [Elections and Democracy]. – 2009. – № 4 (22). – P. 30–33. [in Ukr.].
5. Protsyk I. Tlumachennia mizhnarodnykh dohovoriv [Interpretation of international treaties]. *Visnyk Lvivskoho natsionalnoho universytetu. Seriiia mizhnarodni vidnosyny* [Visnyk of the Lviv University. Series International Relations]. – 2014. – Iss. 36. – Part 2. – P. 178–190. [in Ukr.].
6. Kyivets O. V. Tlumachennia mizhnarodnykh dohovoriv [Interpretation of international treaties]. *Chasopys Kyivskoho universytetu prava* [Chronicles of Kyiv University of Law]. – 2011. – № 2. – P. 286–289. [in Ukr.].
7. Shutak I. Defekty definitsii mizhnarodnoho prava: teoretyko-metodolohichni i tekhniko-yurydychni aspekty [Defects of international law definitions: theoretical and methodological & technical and juridical aspects]. *Visnyk Natsionalnoi akademii prokuratury Ukrainy* [Herald of National Prosecution Academy of Ukraine]. – 2009. – № 3. P. 85–91. [in Ukr.].
8. Shkuta O. H. Reprezentatsiia strukturno-semantychnykh kharakterystyk anhlo-movnykh yurydychnykh terminiv ukrainskoiu movoiu (na materialy ofitsiinykh tekstiv mizhnarodno-pravovykh dokumentiv) [Representation of structural and semantic features of English legal terms in Ukrainian language (in official international legal texts)], *Visnyk KNLU. Seriiia Filolohiia* [Messenger of Kyiv National Linguistic University. Series Philology]. – 2017. – Vol. 20. – № 2. – P. 147–155. [in Ukr.].
9. Smolka J., Pirker B. *International Law and Pragmatics – An Account of Interpretation in International Law*. *International Journal of Language & Law*. – 2016. – Vol. 5. – P. 1–40.
10. Smolka J. J., Pirker B. *Making Interpretation More Explicit: International Law and Pragmatics*. *Nordic Journal of International Law*. – 2017. – Vol. 86. – Iss. 2. – P. 228–266.

Khachatryan A. Samvel
Gavar State University of Armenia, Associate Professor
Candidate of Legal Sciences
E-mail: x_fortuna@yahoo.com

AGE GROUPS LAW: CHILDREN, YOUTHS, ADULTS AND ELDERS IN ZOROASTRIAN AND EARLY CHRISTIAN ARMENIA

Abstract: In the article shows that in the second half of the 4th century age groups law was in effect in early Christian Armenia, which had been in force in Persian Zoroastrian state back in the 5th century B. C. According to this law, the male population of Greater Armenia was divided into 4 age groups: children (boys), youths, adults and elderly, and representatives of each of these age groups had certain rights and duties. Punishments were provided for the violation of these duties.

The given article deals with the actions of a young man named Artavazd from the Mamikonyan dynasty who had to be sentenced to death for disobeying the law and participating in military actions, which was strictly forbidden for the people belonging to the age group of youths, but was pardoned for his heroic actions.

Keywords: Faustus of Byzantium, Artavazd Mamikonyan, Merouzhan Artsrouni, Armenian Zoroastrian Law, Armenian Christian Law.

Chapter 53, volume 5 of “History of Armenia” written by P’avstos (Faustus) u, Armenian historian of the end of 4th — beginning of the 5th centuries, describes a war between Zoroastrian Iran and Christian Greater Armenia that happened in 376–384. According to the aforementioned chapter, “Of Merzhuan Artsruni, who led his troops in fight with Manvel and was slain by his hand” [1, 382–389] Iranian army led by Armenian feudal lord Merzhuan Artstuni, who, after converting to Zoroastrism and defecting to the enemy, invaded Greater Armenia and marched to its central regions. Armenian army clashed with him and the inevitable battle began.

Faustus of Byzantium mentions one peculiar story in his descriptions. He writes that Manvel Mamikonyan, the commander of Armenian army, ordered women and children, including queen and princes — Arshak and Vagarshak to be sent to the safety of fort on the Varaz Mountain. His nephew Artavazd Mamikonyan, belonging to the **youth** group (Manuk), was also sent to the fort to engage in its protection. But “He resisted his judgement

by disagreeing. According to the law of **youth** and Armenian religion, his head was shaven bald, leaving only a braid and a cowlick. When he refused to go with the women, Manvel raised his whip and gave Artavazd a lashing on his head, forbidding him to join the battle, because he was still **youth** by age. Young Artavazd had went with women and children as a distraction, but found a weapon later and joined the fight” [1, 38].

Next Faustus of Byzantium tells, that during the battle “**Young** (“Manuk”) Artvazd battled at the bank of the Euphrates river and slain a lot of Meruzhan men-of-war. One of them, decorated with Meruzhan ornaments, scoffed at brave beardless **youth** (“pataneak”) with a handsome face and attacked him, after wounding ornaments on his spear. Artavazd fired an arrow at him with all his might, which pierced his body and killed the warrior. He took the spear and pursued retreating warriors, striking them down with sword. **Young** (“Manuk”) Artvazd, son of Vache, has slain the most (of warriors), and returned,

glorified on the battlefield, with a great amount of spoils, left by the enemy troops” [1, 388].

After his victory over Iranian troops, warlord Manvel Mamikonyan went to the fort, where were women, children and queen with princes. He brought the head of the Iranian commander, Zoroastrian Artsruni “with the braid hanging”. The same braid, according to Faustus of Byzantium, was worn by the nephew of Meruzhan, **adult** Christian Samvel Mamikonyan [1, 276]. Which means, that **adults** — Zoroastrians and Christians alike — worn their hair in long braids. According to Herodotus, all Persians men wore hair in long braids [2, 91; 185; 279; 424]. Zoroastrian gods Gissaneh and Demeter, as well as Armenian Zoroastrian priests, were depicted with long braids [3, 46–47].

Young Artavazd, who was undoubtedly Christian, wore his hair in long braid with cowlick. Braid was probably a traditional hairstyle for males and cowlick signified that he belonged to the **youth** age group (“manuk”, “pataneak”). Taking the above into account, it can be assumed that men of different age groups had to wear hair in different styles and have had some other differences in appearance. This means that the custom of wearing long braids for men has passed from the Zoroastrian civilization into the Christian one.

Byzantium tells that after the battle for the fort of Varaz, along with the head of Meruzhan killed by Manvel, “...they brought (a corpse of) a man with the ornaments of Meruzhan, killed by the arrow of Artavazd. When everyone saw this, they were in awe, for the arrow went right through the whole body. This event saved Artavazd from death” [1, 276]. These words make one wonder: would **young** Artavazd be sentenced to the death penalty for violation of the ban on participating in battle? And in circumstances, when there weren’t enough men on Armenian side, and the young Artavazd, who was excellent warrior and was eager to fight? And does this mean that in early Christian Armenia there was a law that banned young men, under the

threat of death, from participation in wars as part of regular army?

That raises the question: people of what age were considered **youths**? And if so, what other age groups besides the youth were set by the age groups law of Greater Armenia? And can it be assumed that in the early Christian Greater Armenia the age groups law was same as one of Zoroastrian Iran in the 5th century BC, described by Xenophon in his work “Cyropaedia”?

Studies show that these assumptions have real bases. Faustus of Byzantium writes in aforementioned “History of Armenia” that male population of Greater Armenia was divided into four age groups: **children**, **youths**, **adults** (“Eritasard”) and **elderly**. In chapter 5 of his 3rd book he calls Aristakes and Vrtanes (Vartanes) — sons of Gregory the Illuminator — **children** and later, when they mature — **youth** [1, 20]. He writes about Vrtanes: “...when he was **old**, the Lord heard his prayers and his wife became pregnant and gave birth to two twin boys.” One of these twins — Grigor, youngest of the two, “...versed in biblical knowledge, received episcopate of the countries of Iberia and Albania. He never married and at the age of fifteen he became bishop in Iberia and Albania, to the border of Maskut lands... His twin brother — Husik, as Faustus of Byzantium wrote t, “in **youthful** (“Manuk”) age” was married to the daughter of the king of Great Armenia — Tiran Arshakuni. “He was forced to marry at the **youthful** age by the order of King... Even though he was a **youth**, he displayed wisdom of **elder** and eagerly followed steps of his ancestors.” When their father passed away, Vrtanes, again “in his **youth**”, became the Catholicos of the whole country. In the same chapter, Grigor and Husik are several times referred to as **youth** [1, 12–26].

We can see that those twins are called **boys** (“tga”) first, then, at the age of 15 — **youth**. Thus, having reached age of majority and becoming youth, they acquired the full legal status — legal standing and capacity; received the title of bishop, became

heads of Georgian, Albanian and Armenian churches. Similarly, according to Zoroastrian law, according to Gatha “Creed” of Avesta, adulthood came at the age of fifteen [4, 156–157].

In chapter 20, of his 3rd book, Faustus of Byzantium describing the capture of Greater Armenia king — Tiran Arshakuni (340–350/352) and his son Arshak — future king Arshak II, and describes him as **youth** (Manuk). This means, that he was older than 15, which means he was major and therefore could marry, inherit the throne, etc.. In chapter 12, 4th book, Byzantium writes about enthroned Arshak II (350–368): “In this period, Armenian King Arshak strayed from godly path. As he was wise and faithful Christian when he was **young**, so much he fell to shamelessness and debauchery as he **matured** (meaning became an **adult** “avag”)...” [1, 82, 168]. Thus, he became an **adult** after a few years of reign. This means, that crowned as **youths**, Arshak II moved to the next age group during his reign — **adult** group.

Byzantium also mentions **elderly** group in addition to **children**, **youths** and **adults**. In chapter 5 of 3rd book, son of Gregory the Illuminator, head of Armenian church — Vrtanes — is called **elder**. In the same chapter it is noted that Husik, the son of Vrtanes, at the **youthful** age, became the Catholicos of Greater Armenia and “never failed as **young man**, but acquired the father’s mind and wisdom of **elder**” [1, 22]. In chapter 8 of the same book, “**elder** Vache” (Prince Vache Mamikonyan) is mentioned [1, 34]. In chapter 14, the choir Bishop Daniil is called “a wonderful **elder**,” and the Bishop of Mtsbina (Nisibis), Jacob, “a holy and great **elder**” [1, 36; 58].

Afganel, an Armenian historian of the beginning of the 4th century, in his “History of Armenia”, dedicated to the Christianization of Great Armenia in 298–301, also distinguishes four age groups. He wrote that after the death of the Armenian king Khosrow III Arshakuni (in 268), the Persian king gathered an army, “invaded the Armenian land and began to pillage our country, capturing both

people and animals, **elderly** and **children**, **mature** (**adults** — S.H.) and **youths** [5, 32].

These four age groups are also mentioned in “Frequently repeated speeches” (consisting of 23 speeches) of the founder of Armenian Christianity — Gregory the Illuminator. In verses 71–73 of speech 11 it is written: “Meekness is both nurturer (“dastiarak”) and mentor (“usutsich”) of **youths**, accustoming them to order and discipline. Meekness glorifies **elders**, who reached enlightenment and wisdom through its guidance. Meekness is an honor for **young** (“erisatard”), which leads them to victory over all enemies...” [6, 71]. And for the first time, in these speeches, together with **youths** and **elderly**, the category of “**young**” is mentioned. It can be assumed that the “**young**” and “**adults**” is the same age group between **youths** and **adults**. As one can see, there are also mentioned such positions or jobs as nurturer and mentor, “accustoming them to order and discipline”. In the 85th verse of the same speech, the “mentor of **children**” is mentioned [6, 71–72], and in verses 38–39 of the 9th speech — “mentor of **youths**”, etc. [6, 53]. All this suggests that in Christian Armenia, **children** and **youths** could have official mentors, nurturers or leaders. As we shall see later, representatives of these and other age groups in the Persian Zoroastrian state also had mentors and leaders.

In verses 7–9 of the 15th speech of “Frequently repeated speeches” it is stated that earthly life of human “...according to the will of God, ends on sometimes in **childhood**, sometimes in **youth**, sometimes in **young** age, sometimes in **old** age... And those who die in **childhood** and **youth**, are free from trials by earthly concerns” [6, 95].

In the verse 18 of the 19th speech of “Frequently Repeated Speeches”, the following is said: “And leaving this world, a person takes with him all his righteousness, innocence of **child**, faultlessness of **youth**, immaculacy of **young**, sanctity of **elder**, one virtue from each age” [7, 113]. This serves as further proof that the male population was divided into four

age groups. And the male population of the early Christian Armenian society, as in the Zoroastrian Persian society, shared not only division on adults and minors (according to A. Perikhanyan) [7, 6], but also the above division on different age groups. It is also becomes obvious that the concepts of “**adult**” and “**young**” are identical. From the foregoing it also follows that in the early Christian Armenian society, apart from the basic age division of males on minors and adults, also had other age groups based on the age law: **children**, **youths**, **adults** and **elderly**. And if Faustus of Byzantium called third age group as “**adults**”, then in “Frequently repeated speeches” this age is called “**young**” (“eritasardutyun”), which is the same.

Each age group, including **youths**, had age limits. As one can see in ancient Armenian sources on law of the ages, **childhood** ended and period of **youth** began at the age of 15, but Armenian sources lack information, when did period of **youth** ended and period of **maturity** (young age) began, and when period of **old** age began, following the end of **mature** age.

To clarify these and other issues related to age divisions, it is necessary to turn to ancient Greek and ancient Persian sources. After inspecting them, it is obvious that the same division by age existed in Iranian and in Greek societies.

For example, Xenophon in his work “Cyropaedia” cites certain data on the existence of four age groups in the Persian Zoroastrian society. In the second chapter of this work, he describes a certain city and a place called “free square... This area, where four government buildings are located, is divided into four parts. The first one is for **children**, the second for **ephebos**, the third for **mature** men, and the fourth for those who by age can no longer be a warrior “[8, 7]. Thus, according to testimony of Xenophon, the male population of Persia was also divided according to the law into four age groups, as in the Armenian early Christian society (almost 900 years later). In

addition, he notes that each age group had leaders and mentors [8, 7–9; 23; 27; 31; 49; 67].

It should be noted that in commentary of Xenophon it is stated that “**Ephebos** — are literally those, who reached manhood, “the usual description of the Greeks of older **teenage** males (16 to 18 years)”. And that “the division of Persians into age groups copies social institutions and tradition of Sparta” [8, 7; 290]. But this commentary is not accurate and in fact quite questionable. While in Sparta teenagers from 16 to 18 years old were considered **youths**, and in Athens, **younths** at the age of 16 years were considered **ephebos** and remained in this group until the age of 20, as evidenced by Plato [9, 7], G. Stoll [10, 537–542], V. V. Latyshev [11, 272–274], F. A. Brockhaus and I. A. Efron [12, 202–203], where the Persian and Armenian children became “**ephebos**”, ie “**youths**” at 15, and not at 16, as is clear from the aforementioned. And this was due not to the Spartan or Athenian “tradition”, but to Zoroastrian law. In addition, if the upper limit of the age of the Greek **youth** was 18 or 20 years, as will be shown below, but the limit for Persian (and Armenian) **youths** was much higher. And as we see, the division of the males of Persian society into age groups, cited by Xenophon, coincides with the division of the male population in the early Christian Armenian society.

Later on, referring to the problem of the legal and social status of the Persian **ephebos**, Xenophon writes the following: “**Ephebos**, with the exception of married ones, carry guard near government buildings at night, with light weapons; they are not sought, except in cases when military situation is announced, but frequent absence is considered indecent”. He continues: “The **ephebos** service goes like this. Leaving childhood, they guard the government buildings for ten years, as we mentioned above. This is done for the sake of the security of the state and for moral education. Persians believe that **young men** of this age require the most attention. And throughout the day, the **ephebos** serve under

the leaders, in case they are needed for any state affairs. They can all be found near government building, if situation requires so" [8, 7–8]. He also writes that, armed with swords, bows and spears, **ephebos** accompany the king on the hunt, and that to Persians, hunting is considered "a state affair, where, just like in war, the king himself is leader; and the king himself hunts, and makes sure that others take part in the hunt, since hunting seems to them an affair, just like war". At the same time, a part of the **ephebos**, who are guarding the government buildings, continue to practice "in archery and dart throwing, competing with each other" [8, 7; 9]. All this was done to educate future warriors. But the **ephebos** were not considered warriors.

Xenophon also writes about Persian **ephebos** and representatives of other ages: "After ten years of service, they become **adults**. Starting from the age they became adults, for twenty-five years, they fulfill the following duties: first of all, like the **ephebos**, they must report and follow the guidance of the leaders, when wisdom and strength is required for the solution of state affairs. When it is necessary to go on a campaign, having passed their training, they are not armed with a bow or arrows or throwing spears, but with a so-called melee weapon. ... Chosen among them, with the exception of mentors, leaders are appointed. Twenty-five years later, when they are fifty or more, they become the so-called **elders**. The **elders** never go to war outside their country and make decisions on public and private matters, while staying at home. They carry out death sentences and choose all the leaders. If an **ephebos** or an **adult** breaks the law, the leaders of the age groups or anyone who wishes, reports this to the **elders**. The **elders** listen to them and give a verdict. Convicts lose their civil honor for life". Xenophon also writes that if **children** did not attend school, they could not become **ephebos**. And the **ephebos**, who poorly perform their duties, could not enter the "ranks of **adults**. **Adults**, who impeccably fulfill their duties, become the **elders**. Thus, those who have

proved themselves the best side during their whole life become the **elders**" [8, 10].

Xenophon also tells us of campaign outside Persia lead by Cyrus the Great only after he "spent ten years among **ephebos** and has already become an **adult**" [8, 23]. Thus, in the Zoroastrian society, males from 15 to 25 years were considered **youths** or **ephebos**. At the age of 25, **ephebos** were no longer considered such and became **adults**, and those after they were 50–52 years old, passed into the group of the **elders**. Apparently the transition from one age group to the next, to another "category", occurred through official registration in the written register of age groups, as was the case in Greece. In the event of improper performance of their duties, there was an official exclusion from these lists.

Xenophon descriptions of age groups in Persia are confirmed by the testimony of Herodotus. He writes that, while on a campaign against the Massagetae, Cyrus the Great saw a prophetic dream that his distant relative Darius was plotting a conspiracy against him. Believing the dream, he orders Hystaspes (father of Darius) to him and, after telling him about his dream, demanded that his son be brought to him in order to execute him. But it turned out that "Darius, at that time still a **young man** of about twenty years, remained in Persia and was unfit for military service due to his youth" [2, 85]. So, Darius was still an **ephebos** (**youth**) and could not participate in battles until he was 25 years, both in Persia and outside of its borders.

Consequently, males in Zoroastrian society from the age of 15 to 25 years by law had no right to participate in wars. And only after moving from the **ephebos** age group to the **adult** age group, they acquired the right to be drafted into the army, to participate in battles on the territory of their country and outside of its borders. One can also come to the conclusion that all four age groups, including a group of **youths** (**ephebos**), by law were a closed age social group of coreligionists in the complex organization of both Persian and

Armenian kingdoms that replaced social stratum. Representatives of each age group had mentors and leaders. The members of each of these age groups were related to each other and to the head of the clan, on the basis of an oath, the unity of faith, law, authority and subordination.

Regardless of the class background and profession of the parents, any **boy**, being a follower of the true faith, having reached adulthood and graduating from school, according to Xenophon, could be enrolled in the register of **youth** group (**ephebos**). **Youths**, in addition to general civil rights and obligations, acquired additional rights and assumed additional responsibilities. The transition to the next age group occurred only if the **ephebos** did not commit serious offenses. If a serious crime was committed, the **ephebos** could be sentenced to death. Plutarch writes in *Lycurgus and Numa*: "...I myself saw how many of them (**ephebos**) died under the blows at the altar of Orthia" [14, 67; 478].

In the works of Gregory the Illuminator, Faustus of Byzantium and M. Khorenatsi, we find confirmation that the Iranian (Persian) Zoroastrian age groups law described by Xenophon, according to which the male population was divided into four main groups — **children**, **youths** (15–25 years) **young men** or **adults** (from 25 to 52/55 years) and **elders** (over 52/55 years old). Similar laws also existed in the Armenian Zoroastrian legal system in Armenian Zoroastrian state, and remained in power in the Armenian Christian legal system and continued to exist in the early Christian Armenian state, created in 298–301 by Grigory the Illuminator and the king of Great Armenia Tiridates III.

According to these Armenian laws, the **youths** were required to study art of war, carry out guard duty on protection of government buildings, fortresses, etc. It was forbidden for them to abandon their duty, participate in battles before the age of 25, i.e. before the transition to the age group of **adults** and warriors. The violators of these laws were subject to the death penalty, regardless of their origin, social and financial status, kinship, etc. In addition, as a tradition the **youths**, as a sign of belonging to this age group, wore not only a long braid, but also a cowlick.

Getting back to the story of Artavazd Mamikonyan, we see that he, belonging to the **youth** age group; he evaded his direct duty to protect the fort of Varaz. Then, leaving his place of service on purpose, having betrayed his official duty and not obeying the order of Manvel, his commander and the elder of the ruling clan of Mamikonyan, he took part in battle, which he did not have the right as person belonging to the age group of **youth**. For these crimes he should have been subjected to the death penalty. But the age groups law, acting in the Armenian Christian legal system, also provided for an opportunity for a **youth** who committed even grave crimes to make amends and avoid the death penalty, by performing a feat and showing exceptional heroism. Artavazd Mamikonyan avoided the death penalty only on the basis of this law, which described only by Byzantium. Later on in the Armenian historical chronicles we find no mention of Artavazd Mamikonyan, although he was clearly an outstanding person. We can assume that he was still punished — deprived of "civil honor for life". This punishment is described by Xenophon in *"Cyropaedia"* [8, 10].

Список литературы:

1. Фавст Бузанд. История Армении. Синхронный перевод с древнеармянского на современный армянский язык, предисловие и комментарии С. Т. Малхасянца. Ереван, изд. Ереванского гос. университета, 1987.
2. Геродот. История. В 9-ти книгах. Пер. с греч. и примеч. Г. А. Стратановского. М., "Наука", 1972.
3. Ован Мамиконян, История Тарона, Ереван, 1989, с. 46–47.

4. Авеста в русских переводах (1861–1996). Составление, общая редакция, примечания и справочный раздел И. В. Рака. СПб. 1998.
5. Агатангелос. История Армении. Перевод с древнеармянского на новоармянский А. Тер-Гевондяна. Ереван, 1983.
6. Частоповторяемые речи // Сборник армянских летописей и трактатов. Т. 1, Антилиас, Ливан, 2003, с. 7–137 (на армянском языке).
7. Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
8. Ксенофонт. Киропедия. М., «Наука», 1976. В этой книге Ксенофонта не упоминается о Зороастре и зороастризме. Но он описывает некий город (Пасаргаты), городскую площадь и школу, в которой дети мужского пола учились справедливости (законам, Авесте). Город — порождение цивилизации, а до распространения зороастризма никакой другой цивилизации в Персии и Иране не существовало.
9. Платон. Сочинения, т. 4, М., «Мысль», 1994, с. 605–606 (диалог Аксиоха с Сократом).
10. Штоль Г. Древний Рим в биографиях. Пер. с нем. Я. Гуревича. Смоленск, «Русич», 2003, с. 507, 537–542.
11. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. В 2-х томах. СПб, т. 1. 1897, с. 272–274.
12. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. 81. СПб. 1904, с. 202–203.
13. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х томах. М., «Наука», т. 1. 1961, с. 67, 478.

Contents

Section 1. Art.	3
<i>Yakaniuk Natallia Pavlovna</i>	
INTERNATIONAL MUSIC COMPETITION AS A FORM OF ARTISTIC AND SOCIAL COMMUNICATION (BY THE MATERIAL OF THE REPUBLIC OF BELARUS)	3
Section 2. History	8
<i>Hnot Solomija</i>	
LVIV AT THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY IN THE MIRROR OF HISTORY	8
<i>Kozyakova Nataliya Sergeevna</i>	
NEO-FASCISM IN EUROPE IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF AUSTRIAN NEO-NAZI THEORIES OF ANSCHLUSS)	13
<i>Malakhov Sergey Viktorovich</i>	
CHARACTERISTICS OF THE CLASSIC SOCIALIST SYSTEM (IT IS ABOUT EARLY CLASS SOCIETIES)	20
<i>Smertin Yuri Grigorievich</i>	
PROPAGANDA ACTIVITIES OF THE SOVIET UNION IN AFRICA (1961–1991)	31
<i>Tymofii Oksana Pawliwna</i>	
DIE GEOGRAPHIE DER KIRCHEN AUF DEM TERRITORIUM HUZULENLANDS IN DER UKRAINE	40
Section 3. Linguistics	42
<i>Litvinova Natalia Viktorovna</i>	
DAS WORT <i>WIHT</i> IN DER DEUTSCHEN SPRACHE (DIE DIACHRONISCHE FORSCHUNG)	42
<i>Petrova Elka</i>	
PRAGMATICS OF FORMS FOR ADDRESSING A STRANGER (OBSERVATIONS ON BULGARIAN, CZECH AND SPANISH LANGUAGE)	47
<i>Prokopieva Svetlana Mitrofanovna</i>	
KINETISCHE PHRASEOLOGISMEN IM JAKUTISCHEN LEXIKON	53
Section 4. Pedagogy	57
<i>Chotbaeva Erkingul Aymurtzaevna, Usubaliev Nazaraly Naralievich, Usubaliev Kutmanaly Nazarelyevich</i>	
THE BEST CLASSICAL AND INNOVATIVE TEACHING SYSTEMS RATIO USE AS A WAY TO INCREASE THE EDUCATIONAL PROCESS QUALITY	57
Section 5. Political science	60
<i>Ph. D. Vu Thi Phuong Le, M. Sc. Truong Thi Phuong Thao, M. Sc. Nguyen Thi Le Vinh</i>	
INNOVATION IN THE METHOD OF EXAMINATION AND EVALUATION MODULES OF POLITICS SECTOR TOWARDS CAPACITY DEVELOPMENT	60
<i>Dadashova Aynur Sultan</i>	
POLITICAL AND LEGAL RELATIONS BETWEEN TURKEY AND FRANCE, AT THE PRESENT STAGE	65

<i>Radjabov Khabibullo</i> THE IMPACT OF THE GLOBAL INFORMATION SPACE ON THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY	74
Section 6. Regional studies	78
<i>Nugueva Shahla Sadraddin, Huseynova Sevil Yunis, Khasanova Rakhila Yunis, Mammadov Elshad Arshad</i> MOUNTAINOUS TERRITORIES OF PROTECTION IN AZERBAIJAN.....	78
Section 7. Sociology	81
<i>Isanova Gulbahor</i> SOCIAL ADVERTISING INFLUENCE ON SOCIAL OPINION CHANGING	81
<i>Krul Alexandra Sergeevna</i> INSTITUTE OF PRIVATE PROPERTY IN THE AGRARIAN SECTOR OF THE MODERN RUSSIAN ECONOMY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS	85
<i>Nakamura Yuki</i> THE ISSUE OF ACCOUNTABILITY IN COMPLEX SOCIAL SITUATIONS OF VIOLENCE	90
Section 8. Philology	95
<i>Atamanchuk Viktoriya Petrivna</i> TRAGEDY OF LIUDMYLA STARYTSKA-CHERNYAKHIVSKA “THE ROBBER KARMELYUK”: GENRE ORIGINALITY AND IMAGE SYSTEM	95
<i>Khachatryan Lalik Mnatsakanovich</i> TYPOLOGY OF VERBAL FORM FUTURUM I IN LATIN AND OLD ARMENIAN	101
Section 9. Philosophy	106
<i>Muratov Abdizhalil Abdirazakovich, Osmonov Tagaybek Zhenishbaevich, Kutuev Zhanybek Akunovich</i> PHILOSOPHY OF MEDICINE: ORIGINS, PROBLEMS, PROSPECTS	106
<i>Kurbonova Lolakhon Abdulkhadimovna</i> ONTOLOGICAL SENSE OF ELITOLOGY	111
<i>Primov Bahriiddin Abdirahmanovich</i> MORAL VALUES AND INFORMATION SECURITY IN THE INFORMATIONAL SOCIETY.....	114
<i>Shapoval Vladimir Nikolayevich</i> ECOPHILOSOPHY AND DEEP ECOLOGY: THE SEARCH FOR A NEW PARADIGM OF HUMAN AND NATURE RELATIONS.....	118
<i>Yakhshilikov Juraboy Yakhshilikovich</i> OBJECTIVES AND SUBJECTIVES OF THE INTERNET SYSTEM	122
Section 10. Economics and Management	125
<i>Abuzjarova Maria Ivanovna</i> THEORETICAL APPROACHES TO SMALL BUSINESS MANAGEMENT	125

<i>Brovko Nataliia</i>	
DIGITAL TECHNOLOGIES IN BANKS OF UKRAINE. MYTH OR REALITY OF THE PRESENT?	129
<i>Tukhashvili Mirian, Tsartsidze Murman, Latsabidze Natela, Lobzhanidze Manana, Shelia Mzia</i>	
EMIGRATION INTENTIONS OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF GEORGIA (EXAMPLES FROM IVANE JAVAKHISHVILI TBILISI STATE UNIVERSITY)	132
<i>Tsydypov Rjman Zhargalovich, Dorjieva Irina Tsyrendashievna, Romanova Tamara Grigoryevna</i>	
FISCAL POLICY IN REGION: A COST ANALYSIS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA	141
Section 11. Jurisprudence	145
<i>Dzhunisbekova Laura Mukhtarovna</i>	
HARMONIZATION OF THE LABOR LAW OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IS THE MAIN TASK OF INTEGRATION	145
<i>Karvatska Svitlana Bohdanivna</i>	
INTERDISZIPLINÄRE PERSPEKTIVE DER ENTWICKLUNG VON MODERNEN INTERPRETATIVEN ANSÄTZEN IM VÖLKERRECHT	151
<i>Khachatryan A. Samvel</i>	
AGE GROUPS LAW: CHILDREN, YOUTHS, ADULTS AND ELDERS IN ZOROASTRIAN AND EARLY CHRISTIAN ARMENIA	156

